

АЛЕКСАНДР КАЗАРНОВСКИЙ

ЧЕТЫРЕ КРЫЛА
ЗЕМЛИ

Александр Казарновский

Четыре крыла Земли

«Книга-Сэфер»

2011

Казарновский А.

Четыре крыла Земли / А. Казарновский — «Книга-Сэфер», 2011

Александр Казарновский родился в Москве. Переводил стихи Роберта Фроста, Джеймса Джойса, Г.Честертон, Г.Лонгфелло и современных английских и американских поэтов. В 1993 переехал в Израиль. Шестнадцать лет прожил в поселении Элон-Море в Самарии (Западный берег). В 2005 за роман «Поле боя при лунном свете» получил премию «Олива Иерусалима». В том же году вышел его сборник очерков «Расправа». В настоящее время рассказы и очерки А.Казарновского регулярно появляются на страницах израильских и американских газет, а также на русскоязычных сайтах в интернете. «Дорога впереди делала резкий поворот вправо. Даже если она до него дотянет, там ей уже не вывернуться. Кусты и деревья тянули из пропасти ветви и сучья, словно извивающиеся щупальца, которые, не дожидаясь, пока она свалится к ним в объятия, уже трепетали в предвкушении свежей крови. Она скосила глаза влево. Лицо араба разглядеть было трудно из-за темноты. Профиль его чернел на фоне скалы, и, похоже было, он смотрел лишь на дорогу – его не интересовало, кто сидит в этом обреченном „фиате“. Он работал. В последний раз девушка в отчаянии резко нажала на тормоз, чтобы еще хотя бы на несколько секунд отсрочить свой последний миг. На какое-то мгновение, прежде чем тоже затормозить, „мерседес“ весь возник перед ней: большой, черный, страшный, похожий на огромного жука, но с острой мордой, направленной в сторону пропасти. И тут она почувствовала, что кто-то – а может, Кто-то – прижимает ее руки к рулю и резко выруливает влево, одновременно заставляя ее со всех сил надавить на газ. Последнее, что успела Вика понять, это то, что она врезается сзади прямо в правый борт „мерседеса“.»

© Казарновский А., 2011

© Книга-Сэфер, 2011

Содержание

От автора	6
Глава первая	8
Глава вторая	26
Глава третья	76
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Александр Казарновский

Четыре крыла Земли

От автора

В конце мая – начале июня 1967 года все маятники на земном шаре, все часовые механизмы, все электронные, солнечные, водяные и песочные часы вели обратный отсчет существования Израиля. Каждые шестьдесят минут бой часов возвещал, что еврейское государство еще на один час приблизилось к своей гибели. Зажатое на береговой полоске – в некоторых местах шириной менее 15 километров, – оставшееся один на один со стомилионным арабским миром, объявившим ему блокаду, оно было окончательно и без права обжалования приговорено к уничтожению. Шансов на спасение не было. Советская пресса уже писала о «сионистском эксперименте» в прошедшем времени. Президент Египта Гамаль Абдель Насер говорил о «тотальной войне, целью которой будет уничтожение Израиля». Председатель ООП Ахмед Шукейри заявлял, что те из евреев, кто останется в живых, смогут беспрепятственно выехать в Европу, «хотя вряд ли кто-нибудь останется в живых». В Европе на случай, если все же кто-то останется, освобождались здания под госпитали и детские приюты. В целом, человечество смотрело на грядущий новый Холокост, как на неизбежность, хотя и печальную. Очередной бой часов должен был закончиться похоронным звоном. День следовал за днем, час – за часом, и где-то в шеренге этих часов маячил тот час икс, которого ожидали войска Сирии, Египта и Иордании. Они были стянуты к границам, оборонять которые было невозможно.

Час икс так и не пришел. Вместо него 5 июня, в 4:00, наступил иной час – тот, что замкнул круг не дней, не недель, не лет и даже не веков, а тысячелетий. Двух тысячелетий, в течение которых земля древней Иудеи и древней Самарии ждала, когда вернутся ее разбросанные по всему миру сыновья, ее истинные хозяева.

В ночь на пятое июня, накануне арабского вторжения, ЦАХАЛ – Армия Оборона Израиля – нанесла упреждающий удар. В течение шести дней вражеские армии были разгромлены, и израильские войска заняли исконные еврейские земли – Иудею, Самарию, Газу, а также Голанские высоты (некогда еврейская область Башан) и Синайский полуостров. Израилю были обеспечены более безопасные границы.

Был освобожден Старый Иерусалим, где некогда стояла величайшая еврейская святыня – Храм. От него оставалась лишь Стена плача, у которой евреи две тысячи лет молили Вс-вышнего о возвращении на Родину. Вместо ожидавшегося всеми похоронного звона мир услышал звук шофара, в который протрубил главный армейский раввин Израиля рав Горен, возвещая об окончательном освобождении Иерусалима.

Чудо было настолько явным, что для многих в Израиле победа в Шестидневной войне стала началом новой эпохи. В стуче часов они расслышали пульс иного времени – пульс предсказанных пророками времен Избавления всего человечества. Сказано у пророков, что Избавление должно начаться с воссоединения еврейского народа со своей землей. Заселение новых земель должно было стать и долгом Израиля перед миром, и гарантией того, что смертельная угроза никогда уже над страной не нависнет.

Но не все так восприняли новый ритм маятника. Большая часть израильской интеллигенции, равно как и большинство политиков, находящихся у власти, услышало в нем тикание секундомера, отсчитывающего последние мгновения перед наступлением долгожданного мира между евреями и арабами. Оставался лишь пустяк – обменять вновь обретенные территории на мирные договоры с соседними странами – и начнется поточная перековка мечей на орала: сначала у нас на Ближнем Востоке, а там, глядишь, и во всем мире. Между тем, арабы не рвались

бросаться в еврейские объятия. На израильско-египетской границе началась «Война на истощение» с участием советских ракетчиков и сил ВВС. На остальных границах также не прекращались провокации, а будущие партнеры Израиля по мирному процессу продолжали призывать к уничтожению «сионистского образования». Ожидание мира затягивалось. Стрекотание секундомера плавно переросло в шелест листков отрывного календаря, а тот, в свою очередь, – в череду новогодних благословений. Бой часов превращался в прелюдию к новым боям.

В этих условиях сторонники новых, безопасных, границ начали заселение «Территорий», отвоеванных у арабов. Был восстановлен существовавший до Войны за Независимость к юго-западу от Иерусалима блок поселений Гуш-Эцион и создан новый блок поселений в секторе Газа. Его назвали Гуш-Катиф. На Синайском полуострове выросли двенадцать поселений и целый город – Ямит. Были сделаны попытки восстановить еврейское присутствие и в других местах. Началось поселенческое движение. Сторонники заселения стратегически важных для Израиля «Территорий» получили ярлык «правых», а сторонники «мира в обмен на территории», соответственно – «левых». И те, и другие под убаюкивающее тиканье часов видели сладкие сны о прекрасном будущем Израиля.

В октябре 1973 прогремел будильник. Египет и Сирия совершили очередное нападение на еврейское государство. Победа еврейского государства в этой войне положила начало новым победам как «правых», так и «левых». С одной стороны, поселенчество расцвело по всей Иудее и перекинулось на Самарию. С другой – в 1982 году Синай был возвращен Египту, а в 1993 году в столице Норвегии, Осло, было подписано соглашение с лидером арабских террористов Ясиром Арафатом о создании Палестинской Автономии на территории Иудеи, Самарии и Газы. Автономия со временем должна была перерасти в независимое государство. Условием мирного процесса было прекращение арабского террора. А террор пошел по нарастающей. «Не надо стоять над нами с секундомером», – заклинал возмущенных израильтян «архитектор» мирного договора премьер-министр Ицхак Рабин. Но не израильтяне, а именно арабы решили, что стрелки часов движутся слишком медленно, и, чтобы подтолкнуть время к желанной для них цели, осенью 2000 года, не дожидаясь создания Палестинского государства, они начали против Израиля новую войну, именуемую интифадой Аль-Акса. Ценой большой крови еврейскому государству удалось добиться победы. После этого тогдашний премьер-министр Ариэль Шарон, с целью достижения мира, решил погнать стрелки часов. В августе 2005 года израильскими властями были уничтожены еврейские поселения в районе Газы – блок Гуш-Катиф – и в Северной Самарии. Тысячи евреев оказались во временных жилищах: в гостиницах и палаточных лагерях.

События, описываемые в нашем романе, относятся к январю 2006. Поселенцы ведут борьбу за возвращение туда, где когда-то был их дом. Их лозунг – «Шув нашув лэхоль ишув!» – «Вернемся вновь в каждое поселение!» Одновременно в Палестинской Автономии активизировались арабские террористические организации, воспринявшие одностороннее отступление евреев, как свою победу. Действие происходит в Северной Самарии, где столкнулись три силы – еврейские поселенцы, арабские террористы и израильская армия. А на заднем плане маячит четвертая, быть может, самая могущественная – денежные тузы в союзе с продажными политиками. Кто одержит победу? Попытаемся услышать ответ в вещем и вечном голосе часов.

Глава первая

Ночь на четвертое

От взрыва дрогнули серые, с черными швами, стены из хевронского камня. В ближайшем здании со звоном вылетели стекла. По стенам домов, стоящих чуть поодаль, заветвились трещины. Из чрева автомобиля рыжею лавой выплеснулось пламя. Затем оно сменило оттенок и стало алым. В сочетании с возникшим на его кромке черным дымом оно напомнило Ибрагиму Хуссейни красные флаги с траурной каймой, которые он так часто видел на улицах во время учебы в Москве в середине восьмидесятых.

По случайности Ибрагим не оказался в своей «хонде», когда сработало взрывное устройство. Очевидно, бомбу не успели или не сумели прикрепить к машине, иначе бы рвануло только тогда, когда Ибрагим повернул ключ. Нет, поставили где-то неподалеку. Возможно, это была часовая бомба, сработавшая слишком рано. Рассчитано все было исходя из того, что от гостиницы до стоянки ровно семь минут ходу, но по дороге ему вдруг показалось, что у идущей слева женщины в черной ферендже мужская походка, что это один из них. Чтобы оторваться, Ибрагим дал сначала деру, а затем крюка через вонючий переулок с гнилыми помидорами в канаве и сломанными кипарисами. Поэтому в тот момент, когда, по расчетам преследователей, он должен был садиться в машину, Ибрагим Хуссейни лишь подходил к стоянке. Впрочем, может быть, не было часового механизма, а было дистанционное управление, и они попросту неправильно рассчитали, когда нажать кнопку. В любом случае, если бы он оставался в их поле зрения, взрыв бы не прозвучал. Следовательно – передышка. Надо, во-первых, срочно передать важнейшую информацию Мазузу Шихаби, вожаку «Союза Мучеников Палестины», а во-вторых, попросить, чтобы он, как бы в благодарность за это, направил к нему в помощь и для охраны кого-то из своих бойцов, если такие имеются здесь, в Эль-Халиле {Арабское название Хеврона}. А если нет – пусть пришлет кого-нибудь прямо из своей Самарии, потому что за ним, Ибрагимом, идет самая настоящая охота, его, Ибрагима, хотят убить.

Он достал свой «джауэль», мобильник палестинской компании, и набрал номер Мазуза Шихаби. Вот незадача – автоответчик. Естественно, ведь на дворе час ночи. Ладно, он оставит сообщение, быстро наговорит все, что надо, – на SMS времени нет – и где-нибудь укроется, дождется рассвета, а там, глядишь, и Мазуз позвонит.

В тот момент, когда Ибрагим, закончив монолог, нажал кнопку отбоя, чья-то тяжелая рука, не рука, а лапа большого зверя, легла ему на плечо. Он обернулся. Перед ним было незнакомое лицо, отдаленно напоминающее медвежью морду, с маленькими глазками, чуть вытянутое, в бурой бороде. В ту же минуту он почувствовал, как его затылок обхватывают чьи-то жесткие пальцы, нет, осьминожки щупальца, нет, стальные тиски! Медвежье лицо резко дернулось куда-то в сторону, одновременно оставаясь на месте, потому что на самом деле сдвинулось не оно, а голова Ибрагима, вращаемая обхватившими ее клещами. Хрустнули шейные позвонки, Ибрагим ощутил одновременно безумную боль и безумное наслаждение, а затем все покрылось черным бархатом. Обмякшее тело Ибрагима Хуссейни со свернутой шеей повисло на руках убийц.

* * *

Однотонный тембр голоса говорящего и абсолютная стилевая нейтральность его речи, как всегда, слегка раздражали Хозяина.

– ... Я – полагаю – Ибрагим – заподозрил – Закарию – одетого в ферендже – когда – тот – чересчур – приблизился – к нему. Как – бы то – ни было – он – резко – свернул – в переулок

– и очень – быстро – побежал. На какой-то – момент – мы потеряли – его из виду – а когда – вновь – перехватили – то уже было – поздно. «Хонда» – его – взорвалась без – него. Пришлось – его – убирать – вручную. Это было – сделано – через несколько – минут. Но тем временем – он – успел – позвонить.

– Неужели Мазузу Шихаби?

– Увы, – подтвердил Камаль без тени сожаления, – никаких – сомнений. На мобильном – отложился – номер. Напротив – этого – номера – вопросительный – знак. Следовательно – там трубку – никто – не взял. Еще бы.

Здесь стоило бы поставить восклицательный знак, но, следуя интонации говорящего, сделать это было невозможно.

– Был – час – ночи. Но мы ясно – видели – что он – с кем-то разговаривает. Значит – это был – автоответчик.

– Час ночи, говоришь? А сейчас сколько? Двадцать минут второго? К какой компании относится мобильник Шихаби?

– Судя – по номеру – «Вайолет».

– Гм... – огорчился Абдалла. – С этими придется договариваться. Остальные-то у меня в кармане, а вот «Вайолет»... Нет, понятно, что завтра с утра звонок, затем, при необходимости, короткая встреча на высшем уровне – и через два часа вся информация с мобильного Шихаби стерта. И конечно же, денежную компенсацию бедняге «Вайолет» выплатит из моего кармана. Но до утра он сто раз может проснуться и прослушать сообщение на автоответчике. В две другие компании можно было бы позвонить прямо сейчас, и все было бы сделано, а с «Вайолетом» у меня еще не такие отношения.

Абдалла позволял себе столь откровенно говорить не только при Камале, который боготворил его, но и при других подчиненных, что создавало иллюзию близости и доверительности между финансовым халифом и его верными мамлюками. Что, впрочем, не мешало, когда того требовали интересы дела, отправлять этих самых верных мамлюков к семидесяти двум гуриям.

– Да – хозяин, – согласился Камаль. – К «Вайолет» – среди ночи – не сунуться. Надо – срочно – украсть у него – сотовый телефон.

– И ты, Камаль, это немедленно организуешь! Кто у нас сидит в Эль-Фандакумие?

– Юсеф Масри.

– Этот толстяк? Что ж, пока Шихаби не проснулся, пусть совершит невозможное. Как ты думаешь, а сам он потом эту запись не прочитает?

– Разумеется – прочитает.

– Ну ничего! Завтра днем память мобильного будет чиста, как душа моей маленькой Юсы. А с этим Масри ты завтра же разберешься.

– Разумеется – разберусь.

* * *

Спустя два часа после этого разговора в сотне миль к северу от Хеврона в деревне Эль-Фандакумие Юсеф Масри в маске а-ля ХАМАС сидел посреди темной комнаты на старинном свадебном сундуке, где хозяйка хранила духи, одежду и украшения, и смотрел на светящиеся во тьме ужасом глаза своей жертвы. В одной руке у него был коротковольный российский «Кобальт», в другой меланхолично светился мобильник.

– Алло, Халил? Какая разница, кто это говорит? Что? Ну конечно, специально хриплю, чтобы ты не узнал. Значит, слушай, дорогой, я нахожусь у тебя дома, в спальне твоей очаровательной Анни... Не подумай чего дурного – фу, она же на сносях! Знаешь, у Айши, жены Пророка, тоже были проблемы с ложными подозрениями, когда она отстала от каравана. Пришлось Аллаху лично вмешаться, чтобы восстановить ее доброе имя. Так вот, я не посягаю на честь

твоей Анни, я всего лишь направил на нее револьвер с глушителем. Весь твой выводок – Абул, Сухайль и Надя – мирно посапывает в кроватках, а вот грудной, что состоит при маме, как бишь его, Анни? Да не рыдай ты, верблюжье отродье! Ага, Маруан. Вот он орет. Слышишь, да? Правда, противно? А бедная Анни вся дрожит. Машааллах {Упаси Аллах (арабск.)}, преждевременные роды начнутся – тогда точно придется стрелять. Теперь к делу! Я знаю, что ты сегодня охраняешь дом Мазуза Шихаби. Оттуда до твоего собственного дома десять минут быстрого хода. Так вот, если ты мне ровно через двадцать минут не принесешь его мобильный телефон...

Когда все инструкции были выданы, человек в маске отсоединился и еще раз прикинул, как действовать. Между спальней и входной дверью находился *ливан* – зала для приема. Как поведет себя Халил, когда явится сюда? Да как угодно! Предсказать ничего не возможно. Держать под прищелом и дверь, и спальню, и ливан, если Халил бросится туда, у Юсефа не получится. Лучше самому вместе с Анни заранее перебраться в ливан.

Младенец наконец-то уснул. Юсеф жестом велел ей взять его на руки и выйти из спальни, а сам включил фонарь и двинулся следом. Ночная рубашка до пят хотя и была изначально призвана скрывать ее округлости, вместо этого, благодаря беременности, подчеркивала их. Спокойно. Это сейчас ни к чему. Тем более что женщина эта совсем не похожа на Рамизу.

Вот тут-то оно и произошло. Протискиваясь мимо встроенной в стену ирук, кладовки, отделенной не дверью, а занавеской, толстый Юсеф задел эту занавеску плечом, и тотчас посыпались одеяла, простыни, подушки, покрывала и вслед за тем – с диким грохотом – лежавший на самой верхотуре ящик.

Не успел он шепотом приказать перепуганной Анни сесть на кушетку, как в нише с противоположной стороны ливана появились две фигурки, тоже в ночных рубашках. Шестилетний Абул и пятилетний Сухайль пришли выяснить, что за землетрясение их разбудило. Только маленькая Надя продолжала посапывать за стенкой.

И тут у ночного гостя сдали нервы:

– Марш спать! – заорал он своим обычным голосом, растеряв всю искусственную хрипоту. – Убирайтесь отсюда, верблюжье отродье!

– Мама! – ничуть не испугавшись, сказал детским басом Абул. – Это же папа Мусы и Халеда. Это господин Масри!..

* * *

Дверь приоткрылась, и Халил на цыпочках вплыл в спальню Мазуза. Спальня была по совместительству и рабочим кабинетом, и столовой, и местом приема гостей, и вообще всем на свете, хотя в доме было еще семь почти никем не посещаемых комнат, плюс внутренний дворик с цветами, кустами, деревцами, пальмой и диким виноградом по стенам. Сам хозяин спал на оттоманке, сбросив с себя, несмотря на зимний холод, верблюжье одеяло. В черном халате на белой простыне он казался большой кляксой. Халил бесшумно миновал оттоманку, обогнул скамейку с ящиком для старой одежды, так называемый каравик, и подошел к окну, выходящему во внутренний дворик. Хилый месяц ничего не освещал, а просто сообщал, что на дворе тьма, чтобы люди по случайности или сумасшествию день с ночью не перепутали. Черный сотовый телефон лежал на светлом мраморном подоконнике.

* * *

...И вновь одетые в черное амбалы из ЯСАМа {Израильские полицейские силы особого назначения.} наваливаются на дверь, на хлипкую дверь, за которой год за годом протекала жизнь целой семьи, и на землю падает приклеенный к двери скотчем листок со словами «Нам

некуда уходить...». И женский крик, который вновь и вновь будит его: «Они уже пришли, эти изверги!». И, уже почти проснувшись, он видит последние кадры сна – синагога в рыжем парике пламени, а вокруг танцуют черные тени арабов.

Эван сел в кровати. Полгода назад, под давлением левых сил в Израиле и проарабски настроенных политиков во всем мире, премьер-министр Шарон провел так называемое «Размежевание» – ликвидацию еврейских поселений в районе Газы и в Северной Самарии. Одним из уничтоженных самарийских поселений был Канфей-Шомрон, где жил Эван. В двадцать три года обычно не страдают бессонницей, но с тех пор, как его дом разрушили, а его самого вместе с остальными жителями Канфей-Шомрона забросили в эту иерусалимскую гостиницу, он ни одной ночи не спал нормально. Единственное лекарство – подумать о чем-нибудь хорошем... О Вике! Вспомнить, как вчера они с Викой спускались в пещеру...

* * *

...Сталактиты были маленькими, но прекрасными. Некоторые напоминали осиные гнезда, другие торчали звонкими стрелами из перевернутого колчана, третьи свисали сосульками, но не обычными, а разноцветными – у основания коричневыми, в среднем течении оранжевыми, а острия у них при этом золотились.

– Иди сюда! – прошептала Вика, делая шаг вглубь пещеры, куда уже не доставали лучи, проникающие сквозь полутораметровую в диаметре дыру в земле.

Эван последовал за ней, улыбаясь. Три минуты назад он уговорил ее спуститься в эту пещеру, и вот полюбуйте-ка – она уже командует.

– Возьми свечку! – окликнул он девушку и протянул ей огарок.

Она вытащила из сумочки зажигалку, чиркнула колесиком. Эван поморщился – он не был в восторге оттого, что Вика курит, но надеялся, что после свадьбы все изменится. А когда она будет, эта свадьба? Эван полжизни отдал бы, чтобы завтра. Но на этом пути столько шлагбаумов...

В этот момент огненный цветочек в ее руке расцвел, и сталактиты, до того скрывавшиеся во тьме, свесились с потолка лапами неведомых чудовищ, потянулись к Викиной голове с хвостиком на затылке. Она двинулась вперед со свечой в руке, и стены поплыли вокруг нее, тени устроили хоровод на потолке пещеры, из которого, словно из пальцев героя ужастиков девяностых годов Фредди Крюгера, высунулись лезвия когтей. Вика стояла под ними, маленькая, курносая и беззащитная. У Эвана, который был минимум на две головы выше ее, возникло подсознательное желание защитить ее, сгрести в охапку и по этой деревянной приставной лестнице, у которой половина перекладин обломана, унести наверх, туда, где глаза обжигало самарийское солнце.

А Вика время от времени бросала снизу вверх взгляд на худое губастое лицо Эвана с темными полукружиями скул, вычерченными желтой графикой огарка. С удовлетворением отмечала она и то, что он опять надел лично ею связанную, кстати, довольно неровно, оранжевую кипу – цвет, разумеется, выбирал сам заказчик – с ярко-синей буквой V, которая должна была означать первую букву Викиного имени, но выглядела, как вера в победу. Впрочем, Виктория она и есть «виктория».

– В Америке такие пещеры есть? – спросила Вика.

– А как же! – воскликнул Эван. – Возле Лесингтона – целая анфилада. Представляешь, сталактитовый дракон! А следом – сталактитовые водопады. Самый большой, конечно же, называется...

– «Ниагара», – закончила Вика и рассмеялась.

– Точно, – подхватил Эван. – А за ним начинается так называемая «Галерея дьявола».

– Почему «так называемая»?

– Потому что никакого дьявола я там не видел. Стоит посреди зала какой-то сталагмит. Действительно, если постараться, можно увидеть в нем женскую фигуру.

– Ну вот, а говоришь, ничего дьявольского нет!

– А дальше, – продолжал Эван, – через узкий коридор попадаешь в пещеру, которая называется «Храм Соломона». Правда, с настоящим храмом Шломо нет ничего общего, но красиво, ничего не скажешь. Сталактиты там почти прозрачные и достают до самой земли. А что же там дальше? – запямятовал он. – А, ну конечно же – «Дубильня».

– Чего-чего? – изумилась Вика.

– Дубильня. Кожевенный завод. Ну, где шкуры разделявают. Представляешь, с потолка свисают самые настоящие шкуры, только сталактитовые. А затем идет «Барабанная комната».

– Почему «Барабанная»?

– Потому что там есть один сталактит такой, если по нему врезать, будет звук, как у барабана.

– А он при этом не разобьется? – озабоченно спросила Вика.

– Ну, это смотря как врезать. Пока не разбили.

– А в каком штате этот Лесингтон?

– Как «в каком»? У нас, в Вирджинии.

– Здесь, в Израиле, тоже есть пещера с большими сталактитами. «Сорек» называется. Только я в ней ни разу не была. Кстати, ты сам себя слышишь? – в голосе девушки зазвучал легкий сарказм. – «У нас, в Вирджинии...»

Как бы темнота пещеры это ни скрывала, Вика точно знала, что смуглый Эван сейчас краснеет изо всех сил. Так ему и надо!

– Любишь ты свою Америку! – усмехнувшись, заключила она.

– Люблю, – печально согласился Эван.

Вика расхохоталась.

– А как же Земля Обетованная?..

– Ты знаешь, – задумчиво сказал он, – может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что любовь к той стране, где ты родился, не мешает любви к Израилю.

– Неужели?

– Б-г сказал Аврааму: «Да благословятся в тебе все народы мира!» Так же, наверно, и в Земле Израиля благословляются все страны мира.

– Ничего подобного. Это разные вещи. Насчет народов сказано совершенно точно. Здесь ты, действительно, встретишь евреев отовсюду и всех цветов, если, конечно, считать их евреями. А если бы в Земле Израиля, как ты говоришь, благословлялись все страны, здесь было бы по кусочку от природы со всего света. Ну и где же все это? Где мои любимые степи?

– Дело не во внешней схожести. Моих любимых лесов с гигантскими дубами, как в окрестностях Бостона, здесь тоже нет. Я ведь в Вирджинии бывал так, наездами, а жил, в основном, в Бостоне. А что до любви к другим странам... Понимаешь, Эрец Исраэль – это сердце мира. Может быть, я ошибаюсь, но по-моему, любовь к сердцу не мешает любить все тело.

– Ой, как красиво сказано! Шестнадцатого обязательно скажи это моим родителям. Они ничего не поймут, но проникнутся.

Своды пещеры, казалось, еще ниже нагнулись, чтобы не пропустить ни одного из слов девушки. Пламя тянулось к сталактитам, как губы козленка к материнскому вымени.

– Шестнадцатого все решится, – продолжала Вика, бродя по пещере с огарком и обдирая взгляд о гирлянды обломанных сталактиты, немного напоминающие крылья летучих мышей. – Год, представляешь, целый год они звонили сюда и давили на меня, чтобы я перебиралась к ним, «вернулась», как они говорят, а вот теперь я умолила их самих приехать. Правда, на один день! Потому что через два дня и папе и маме на работу – их и так еле-еле отпустили. Ну ничего, они тебя увидят, поймут, что я в хороших руках, и перестанут рыдать по телефону. А

то «Мы без тебя не можем!» да «Чего тебе там делать?» Я ведь без них тоже не могу! Вот пусть сами обратно в Израиль и переезжают! Если встреча пройдет нормально, ты им понравишься, и они перестанут меня тянуть, то вполне вероятно, они и вернутся сюда.

Эван мысленно отметил, что родители хотят, чтобы Вика ВЕРНУЛАСЬ ТУДА, а она хочет, чтобы они ВЕРНУЛИСЬ СЮДА. Трогательно.

Между тем Вика продолжала:

– Эван, пойми, ты должен расположить их к себе! – в ее голосе послышались умоляющие нотки. – Забросишь пейсы за уши, оденешься попримечнее, покажешь себя таким джентльменом из общества. Ты же американец! Постарайся их обаять! Я, конечно же, тебя очень люблю, но ведь это... это моя семья, Эван!

Ее семья. Отец с матерью приехали в страну – и растерялись. Ни языка, ни специальности, которая была бы нарасхват... И главное – все чужое! В России «еврей» означало – русский интеллигент. «Еврей» значило Пастернак, чьи стихи Моисей Григорьевич когда-то вместо колыбельной читал дочери, укладывая ее спать или кормя с ложечки. «Еврей» значило тот, кто на пресловутой московской кухне решает судьбы мира... А тут какие-то странные обычаи... и люди какие-то странные... и проблемы... ТАМОШНЯЯ боль ЗДЕСЬ не болела. Все, чем они жили там, здесь выходило чем-то периферийным. Хорошо хоть, квартиру в Москве не продали, а сдали. Покрутились в Израиле несколько лет – она на никайоне {Уборка помещений, мытье полов.}, он на шмире {Охрана.}, так и не прижились. А потом тот судьбоносный звонок из Москвы: «Фирма разрослась, и тебя там ждут! Приезжай, примем в любой момент». Легко сказать: «Приезжай!» Дочери-погодки успели подрасти, попасть в армию и так полюбить эту страну, что никакими силами их теперь в Россию не вытянуть. Старшая, Наталья, та просто в армии осталась сверхсрочницей, а младшенькая, Вика, демобилизовалась и пошла работать. Так они и живут в Ариэле – в квартирке, где еще год назад ютились с папой-мамой, теперь роскошествуют на просторе. А тут еще младшая сообщила родителям радостную весть, дескать, нашла свою любовь, которая на всю жизнь. Хороший парень, в кипе и с пейсами. Счастливые папа с мамой кое-как с пола поднялись, валидол приняли, попытались было заикнуться, что и на Руси хорошие парни не перевелись, внимательно выслушали ответ, снова приняли валидол и начали собираться в Израиль, дабы разобраться на месте. Приезд подгадали под Викин день рождения, чтобы получилось естественно и ненавязчиво. Фирма, столь радостно распрощавшись с ценным работником Моисею Григорьевичу, именно в силу его ценности отказалась отпускать его больше чем на три дня. Так и получалось – день туда, день (рождения) там и день обратно. На эту встречу Вика возлагала огромные надежды. Перед Эваном была поставлена задача обаять ее родителей.

Если бы она знала, что другие люди поставили перед Эваном другую задачу. И что выполнение ее выпало на тот же самый день.

* * *

Пока Мазуз Шихаби, не подозревая о творящихся рядом событиях, крепко спал, ему на электронный адрес пришло очень странное послание.

Это был сканированный текст из какой-то, судя по загнутому, затасканному уголку страницы, довольно давно изданной книги. Текст гласил: «Сказал Абу-Хурейра, да будет доволен им Аллах: в то время как мы, с помощью Аллаха, ждем Махди {Мусульманский (в осн. шиитский) вариант Мессии.}, а также Ису, сына Марьям, иудеи ждут Даджалю {Мусульманский вариант Антихриста.}. И появится Даджаль в конце времен, и распространит бесчестье по земле, призывая людей поклоняться ему. И будет наделен он большой властью, вызывать дождь и оживлять землю растительностью. И последуют за ним иудеи. И будет приход Даджалю одним из трех главных признаков, которые предшествуют Часу в конце времен прямо перед

Днем Воскресения. И выйдет человек из Наблуса { Арабское название Шхема. }, сын иудейки, но верный мусульманин, и будут с ним воины отважные, и войдет этот человек в селение иудейское, которое сами же иудеи и разрушили. И будет человек этот прославлен вовеки, как спаситель веры мусульманской, и не будет забыто имя его. И начнется последняя война, и будут иудеи сражаться с вами, и сделает Аллах мусульманина властелином над иудеями, и истребит он их. И спросили пророка Мухаммада, где это произойдет, и он ответил – в Иерусалиме, среди окружающих народов. Иудеи спрячутся за камнями и деревьями, и скажут камень и дерево: «О, мусульманин! О, раб Аллаха! За мной прячется иудей. Приди и убей его, пока ни одного еврея не останется!» А дерево гаркад не скажет, ибо это иудейское дерево. И убьет сын Марьям Даджала, и пронзит его в Наблусе копьем».

Письмо того, кто послал это факсимиле, было коротким: «Вот что написано в сборнике хадисов Сунаджиба аль-Салиха». А в окошке над именем адресата значилось «Мазузу Шихаби, сыну еврейки Марьям, уроженцу Наблуса, вождю отважных воинов, что разбили стан у бывшего еврейского поселения Канфей-Шомрон, разрушенного самими евреями».

* * *

Халил бежал мимо дворов и садов, обтянутых сеточными ограждениями, мимо белых стен с железными дверями, мимо гаражей, закрытых на ночь, магазинов и мастерских, мимо мечети, конвоируемой двумя минаретами, каждый из которых был схвачен зеленым неоновым ошейником. Несмотря на то, что он служил телохранителем у самого Мазуза Шихаби, Халил здоровьем не отличался, а тут еще в январские дожди простудился, схватил жуткий кашель, который на фоне того, что он «уговаривал» две трети пачки «Мальборо» в день, прогрессировал на глазах. Поэтому, пронесаясь мимо кофейни, разумеется, уже закрытой, однако украшенной негасимой неоновой рекламой в виде дымящейся чашки кофе, он остановился перевести дух. И подтянуть носок в левом ботинке, который все время сползал. Из-за страха за свою семью Халил не замечал ни света, льющегося, несмотря на позднее время, из зарешеченных окон, ни запаха гари, ползущего со сжигаемых по обочинам куч мусора, а вот этого паршивого ощущения то и дело сползающего носка вытерпеть не мог.

И вновь бегом, бегом, скорее, к Анни, к малышам, к его дому, к грязно-белому бетонному кубу, вместилищу всего, что держит его на этом свете. Только подойдя к двери, он замедлил шаги. Что делать дальше?

В кармане запел мобильник.

– Аллю, Халил? Ты где? А, вот, я вижу тебя в окно.

Халил невольно взглянул на два больших зарешеченных окна ливана. Они были черными.

– Не смотри, не смотри, все равно меня не увидишь, верблюжье отродье! Значит, так – кладешь на землю сначала сотовый... Молодец, правильно. Теперь – пистолет. Не знаю, где он у тебя, но не надо уверять, что его нет. Вот умница. Теперь три шага назад. Отлично. На случай, если у тебя еще какая-нибудь игрушка припасена, подними руки и повернись ко мне спиной. Спиной, спиной, а не в пол-оборота. Вот так. И не оборачивайся. И имей в виду, я выхожу вместе с Анни, приставив дуло к ее виску, так что одно движение – и ты вдовец.

Халил послушно повернулся. Дверь скрипнула, и послышались шаги. Раз, два...

«Странно! – промелькнуло. – Такое ощущение, что идет один человек, а не два. Где же Анни?»

Сзади раздался негромкий хлопок. Халил взмахнул поднятыми руками и упал, раскинув их и слегка вытянув вперед. Лежа он, худой и черный, напоминал дохлого скорпиона.

Шаги простучали в тишине и заглохли. Наступило оцепенение. Выходя из дому, человек в черной маске в спешке не закрыл за собой дверь. Оттуда полз запах крови.

* * *

Слоенные каменные стены пещеры медленно растаяли и понемногу перетекли в гладкие бежевые стены гостиничного номера, временного пристанища «выселенца». Эван очнулся. Когда успел он зажечь свет? Сидел в кровати, думал о Вике, вспоминал вчерашний спуск в пещеру и вот сам не заметил, как включил ночник. На столике лежала тоненькая брошюрка, написанная и распечатанная за свой счет равом Фельдманом – бывшим главным раввином их поселения и по-прежнему их вожаком. Называлась она «Мой дом – Канфей-Шомрон». Почему-то Натан Изак, друг рава Фельдмана и в некотором смысле наставник Эвана, ухватился за идею распространять ее среди полицейских и солдат, которым предстояло выселять евреев из северной Самарии прошлым летом. Слог, надо сказать, у раввина был довольно корявый, даже Эван с его шуплым ивритом это чувствовал. Натан, правда, немного причесал эссе друга, но все равно то здесь, то там вылезали огрехи. Например, как там сказано про стремительные руки и хваткие пальцы?

То ли Эван машинально потянулся за книжицей, то ли она сама скользнула ему в руки, только через несколько секунд он уже, с первого раза открыв на нужной странице, читал:

«Руки у моего отца были большие и стремительные, а пальцы длинные и хваткие. Когда он меня, малыша, дома подбрасывал к потолку или на улице к небесам, я никогда не сомневался, что как высоко ни взлечу, он меня поймает. Поэтому, хотя дух и захватывало, я при этом смеялся. А отец – никогда. Даже не улыбался. И всегда в его взгляде было ожидание – пополам с обреченностью.

Отец часто рассказывал мне о своем детстве, о Львове, большом польском городе, где в центре города все надписи были на идише. Рассказывал о матери своей, моей, стало быть, бабушке, любимице и благодетельнице всех окрестных кошек, особенно одной, серой с рыжиной, ежедневно приходившей за своей порцией требухи ровно в пять. Рассказывал о том, как в пятницу вечером весь центр города звенел еврейскими застольными песнопениями, несущимися из окон на улицы, наполненные цветочными ароматами и свежим дыханием старинного Стрыйского парка, расположенного неподалеку. Рассказывал о йом-киппуре {День поста и молитвы.}, когда поутру все мужчины отправлялись в синагогу и весь центр города, казалось, закутывался в полосатый талит.

Там мой отец вырос, там же он и женился в первый раз. Всю жизнь проработал краснодеревщиком, краснодеревщиком остался и когда немцы из дома, где он родился, переселили их в Замарстынов – район, отделенный от города железнодорожной насыпью и превращенный немцами в гетто. Всего там было около трехсот одно-, двух- и трехэтажных домов, куда немцам удалось впихнуть сто пятьдесят тысяч евреев Львова и окрестных городов. Отца вместе с его матерью, женой Ханной, десятилетним Велвелом и двумя маленьким дочурками поселили в крошечной квартирке на улице Локетки. Квартирка прежде принадлежала какому-то одинокому поляку, которого немцы выселили неизвестно куда, быть может, в бывшую отцовскую квартиру.

Отец рассказывал, а я закрывал глаза и видел: разбитые витрины, рельсы, по которым давно не ходят трамваи, улицы, где почти нет прохожих, – люди боятся выйти из дому – зато часто можно встретить отряд марширующих полицейских...

– Все время были облавы, – продолжал отец. – Все меньше и меньше народу оставалось. – И, помолчав, добавлял: – За нами приходили.

Однажды поздней весной 5702 (1942) года его вызвал комендант гетто, герр Гжимек, несмотря на польское имя, чистокровный немец, и велел сделать письменный стол с двумя выдвижными ящиками и прямоугольной крышкой, отделанной кожей. За это он пообещал, что никого из семьи отца не тронут. Стол с ящиками и крышкой отец сделал, сделал на славу, сам

господин Гжимек пожал ему руку, сказав: «Вообще-то я еврейских рук не жму, но когда речь идет о золотых руках...»

А через неделю во время акции по отлову еврейских стариков забрали мать отца, мою бабушку. Узнав об этом, отец, невзирая на опасность, бросился к коменданту, без вызова.

Удивительно, что тот не рассердился, а наоборот, извинился: «Прости, Залман, произошла несостыковка с моим приказом. Больше такого не повторится. А ты пока мне сделай высокий трехстворчатый шифоньер».

Почему отец своими сильными руками тут же, на месте, не оторвал этому Гжимеку голову? Ведь буквально за неделю до этого инженер Друтовский, которому он когда-то до войны делал мебель, бросился на пытавшего его гестаповца Кайля и придушил его. Может, отца остановило то, что после этого случая он видел, как мстят немцы за смерть своего, как людей сотнями расстреливают и вверх ногами вешают. Взял он свои фуганки и шерхебели, фигурные рубанки и рубаночки – помню, он впоследствии при мне такие же сам изготавливал – и отгрохал трехстворчатый шифоньер из сосны, отделав его грабом.

В день, когда работа была закончена, отец возвращался домой без конвоира. Дорога шла вдоль обрыва. Он заметил, что в одном месте глину слегка размыло дождями и под проволокой можно пролезть. Правда, спуск там крутой, но если его одолеть, то внизу – леса, леса, леса... Домой он примчался окрыленный и тут узнал, что сегодня в десять утра во время облавы увезли Ханну с маленькими Эстерке и Ривкеле. Несколько часов подряд ходил Залман Фельдман по комнате, и все мерещились ему то за шкафчиком рыжие колечки Ривочкиных волос, то на фоне закатных бликов, скользящих по стене, веснушки Эстерке. И все слышались Ханнины причитания, звучащие всякий раз, как его от нее уводили в комендатуру: «Любимый мой! Любимый мой!» Он подошел к окну, взглянул на скамью во дворике, которую он когда-то смастерил из двух поленьев и обломков досок. И он, и Ханна, и девочки часто всей семьей в разрешенные часы сидели на ней, опасаясь отходить далеко от дома. Затем отец направился к скрючившемуся на корточках в углу рыдающему Велвелу, сел на пол рядом и обнял его. Посидев так, встал сам, поднял на ноги малыша, взяв за плечи, потрянул его, чтобы привести в чувство, и сказал: «Собирай вещи. Мы уходим».

* * *

Спуск по обрыву оказался еще труднее, чем он предполагал. Едва ощутимые под подошвой скользкие глиняные карнизы, казалось, так и норовили стряхнуть с себя большие босые ноги Залмана и обутые в маленькие деревянные башмаки ножки Велвела. Именно тогда, цепляясь за спасительные корни растущих у самого края деревьев пальцами, ошарапанными о торчащие из стены камни, отец впервые подумал о том, что мир просто не хочет, чтобы в нем жили евреи, вот и выдавливает их.

Оказавшись внизу, они двинулись по лесу и шли примерно до полуночи, когда Велвел почувствовал, что у него нет больше сил шагать. Место для ночевки оказалось не самым удачным – неподалеку была польская деревня. Зато прямо на поляне, где они остановились, стоял стог сена, куда они и залезли, поужинав: Велвел сухарем, который Ента Хандт из запрещенного немцами благотворительного общества, рискуя жизнью, три дня назад принесла им, а отец – чистым лесным воздухом, пьянящим после духоты и вони, царивших в гетто. Последние слова засыпающего Велвела были: «Как проснусь, пойду в деревню, раздобуду нам что-нибудь поесть...» Отец усмехнулся, глядя на птичье личико спящего сына. «Пойду, раздобуду». Завтра весь день надо будет сидеть в стогу, а как стемнеет...

Спать отец не мог – все время мерещились лица Ханны, Эстерке и Ривкеле, но шевелиться боялся: ночью в лесу все шорохи слышны, а неподалеку поляки. Поляки... немцы... и в каждом – Гжимек. В ком побольше, в ком поменьше, в ком совсем маленький... Но в каждом.

Так и лежал неподвижно с открытыми глазами, лежал-лежал, лежал-лежал, а под утро все же задремал. Разбудил его выстрел, раздавшийся неподалеку. Еще не открыв глаза, он понял: «Велвел». А открыв, увидел, что солнце давно взошло и перебирает росистый бисер на зеленой шевелюре стога. Велвела, естественно, рядом не было. Отец скатился со стога, и забыв об опасности, – что ему теперь была любая опасность?! – кинулся в сторону деревни, бормоча на бегу: «Немцы? Поляки? Немцы? Поляки?» Мальчик до деревни не дошел – лежал на дороге. Это значило – немцы. Если бы добрался до деревни, тогда убили бы поляки.

«Вот и за Велвелом пришли», – твердил отец, расковыривая землю прихваченным из дому ножом краснодеревщика, чтобы похоронить Велвела. Когда дело было сделано, он поднялся. «Я их обману, – сказал он себе. – Я не буду дожидаться, пока за мной придут!» Он ведь взял с собой не только нож, но и веревку захватил – думал, пригодится при спуске с обрыва, если что – Велвелу бросить. Нож он отшвырнул в сторону – нечего заниматься ловлей ветра! А веревку... Что ж, вот это дерево с такими толстыми сучьями вполне подойдет. И растут они достаточно высоко.

«А может, лучше немцев вешать, а не самого себя?» – произнес на идише подошедший неслышно мужчина с трофейным «шмайсером» и положил ему руку на плечо.

Партизан в этих местах было мало, тем более, еврейских партизан. Но когда Вс-вышний решает продлить человеку жизнь, степень вероятности значения не имеет. А люди говорят – «повезло».

Провоевав сначала в еврейском отряде, а потом в Армии Людовой, он приехал в родной город. Все было, как прежде – дома, лебеди, утешающие пруд у главных ворот Стрыйского парка, тополиные аллеи, трамвайные линии, старинные дворцы, люди. Только люди были другие, лица другие. Евреев не было. Надписи на идиш кое-где сохранились, но читать их было некому. Там, где когда-то трепетали клейзмерские скрипки, теперь грохотали армейские духовые оркестры.

Еврейские заповеди отец перестал соблюдать в день гибели Велвела, но, бродя по пустому для него, полному чужой жизни, городу, вспомнил, что сегодня как раз йом-кипур, и отправился в синагогу. Он шел по Стрыйской, по Козельницкой, и то, что читал во взглядах встречных, было, пожалуй, самым страшным – удивление. А это кто еще такой, на нас совсем не похожий, в странном картузе, с черными глазами, с большим носом? Евреев не просто выдавили – их выдавили и из памяти.

В синагоге кресла стояли мягкие и нетронутые... в основном. Арон акодеш{Ковчег для свитков Торы.}, был распахнут. Свитки Торы, конечно, пропали, но ажурные дверцы так и остались поскрипывать под ветром. Разумеется, пурпурная с золотом завеса, а также часы и люстра, все это было снято, но следов сознательного вандализма он не заметил. Разве что запах... Ну, что ж делать – люди все время проходят мимо открытого помещения, общественный туалет далеко, а тут не работает. Вот и... Тем, кто в былые времена здесь молился, это уже теперь все равно.

Он пришел к дому, где когда-то жил с матерью и отцом, а потом и с Ханной, Велвелом, Эстерке и Ривкеле. Дом немножко подремонтировали, но в целом он выглядел, как до войны. Их квартира была на третьем этаже. Он не стал подниматься. Стоять перед чужой дверью? Он – призрак, он из тех, за кем приходят. Просто за ним пока не приходили. Еще придут.

Все. Пора на вокзал. Скоро поезд. Он посмотрел на часы – ровно пять.

Что-то потерялось о его ноги. Он взглянул и обомлел. Кошка. Серая с рыжиной кошка. Та самая. Она пережила войну, и теперь каждый день ровно в пять приходит – ждет, что вернется его мать и накормит ее требухой. Кошка – единственное существо в этом городе, которое помнит, что здесь когда-то жили евреи».

* * *

«Завтра, – подумал тот, кто отправил Мазузу электронное пророчество, – завтра все решится. Если Шихаби клюнет, если он захватит Канфей-Шомрон, начнется такое, что может завершиться уничтожением всей этой гнусной нации, по крайней мере, ее ядра, ее сердца, тех, кто нагло живут на захваченной ими ханаанской земле! Через три недели выборы, на которых, конечно же, к власти придет ХАМАС, и если к этому моменту Канфей-Шомрон будет в наших руках, ХАМАС его в жизни не отдаст. Словательно, боевые действия! А с учетом «кассамов», летящих с юга, из Газы, и «катюш», летящих с севера, из Ливана, где ХИЗБОЛЛА наконец-то перевооружилась и готова к новым боевым действиям, можно не сомневаться, что еврейское государство ждет затяжная война на три фронта. Нынешний, откровенно слабый Израиль ее не выдержит. Сейчас не шестьдесят седьмой год, когда евреи, будучи на грани гибели, превентивным ударом захватили Синай, Газу, Западный берег и Голаны и тем спаслись от уничтожения. Синай они уже отдали, Газу и часть Самарии уже отдали, остальное тоже готовы отдать и создать на этих землях наше государство, что будет с их стороны уже чистым самоубийством. И тогда сбудется моя мечта. Сбудутся пожелания, которые так часто повторял дед, на что отец лишь хмурился. Правда, дед говорил, что в юности и отец был ничего, потом, в Легионе, первую трещину дал. Мир был, есть и будет таким, каким его создал Аллах. И нация, которая хочет его изменить, якобы к лучшему, да еще именем Творца, должен быть уничтожен. А у нас к этому народу особый счет. Наследственный».

* * *

Черная маска с прорезями для глаз и губ была от пота мокрой, словно побывала в ведре с водой. Юсеф сорвал ее на ходу, подходя к своему дому. Отпер дверь, вошел в ливан – точно такой же, как в доме Халила, – и опустил свое тучное тело на пол. Ну вот и все. Еще час назад он бы не поверил, если бы ему сказали, что такое возможно. Чтобы как-то отвлечься от ужаса, который он только что сотворил и пережил, а шесть человек не пережили, он включил фонарик и провел лучиком по стене. На стене красовался ковер с переплетенными именами «Мухаммад» и «Аллах». Нет, эту бойню учинил не он. Он не мог такое сделать. Ну хорошо, Абула... Рука сама нажала на курок, Сухайля догнала пуля, когда он бросился бежать, Анни на него кинулась, как львица... Младенец, разбуженный, разорался... Хотя все равно невероятно... И рука не дрогнула. А зачем он побежал в детскую спальню убивать маленькую Надю? Шайтан, шайтан попутал, свидетель тому Аллах! Ах, сейчас бы забыть обо всем и броситься в объятия Рамизы! Да как забыть, когда весь этот кошмар перед глазами стоит?

Словно в ответ на его мысли, зазвенела мелодия национального гимна Палестины «Билади! Билади!» Убийца в ужасе вскочил, но тут же понял, что это заработал мобильный телефон Мазуза Шихаби. Из-за этого телефона и пришлось столько убить. На экране высветился номер. Местный. Да что там местный! Это же домашний телефон самого Мазуза Шихаби! Значит, уже опомнился, ищет? Ну, ищи, ищи, дорогой! Юсеф нажал на кнопку отбоя. Вот так. А теперь надо посмотреть, из-за чего весь сыр-бор, кто что такое написал или наговорил в сотовый, что потребовалось срочно его изымать.

Так, «эсэмэсок» нет. А что «звездочка сто пятьдесят один» скажет?

По мере того, как Юсеф слушал замолкший навеки для всех остальных голос Ибрагима Хуссейни, лицо его все больше и больше вытягивалось. Когда же он наконец закрыл мобильный, то единственное, что смог вымолвить, было «вот это да!».

В черном проеме коридора, ведущего в спальню, появилась фигура в длинной белой рубашке. Рамиза! Любимая! Наверняка ее разбудил мобильник Шихаби. Он чувствовал, что не в силах подойти к ней.

– Что случилось? – пробормотала она, еще не вынырнув из сна. – Где ты был? Что это за музыка?

Не дождавшись ответа, развернулась и утонула в темных недрах спальни. Он проводил ее влюбленным взглядом и вновь остался наедине с блестящим черным свидетелем махинаций Хозяина.

Итак, зачем Хозяин, верблюжье отродье, велел украсть мобильный? Чтобы Мазуз не прослушал этой записи. Но через два дня Мазуз приобретет новый телефон с тем же номером и прослушает эту запись.

Юсеф задумался. Ну конечно же! Достаточно звонка в компанию сотовой связи, и они по слову Хозяина сотрут эту запись. И тогда хоть выбрасывай этот черный аппаратик, хоть подбрасывай, ничегошеньки уже Мазуз узнать не сможет. Ан сможет! Он, Юсеф, в случае необходимости, всегда может сунуться к Мазузу и поведать ему о кознях Абдаллы! Но и Абдалла это знает. Уж он-то не сомневается в том, что Юсеф все прослушал. Следовательно, жить Юсефу, в соответствии с планами Хозяина, осталось ровно то время, которое потребуется убийце, чтобы доехать из Газы до Эль-Фандакумие. Правда, у Юсефа совсем другие планы на будущее. Он вовсе не торопится туда, куда меньше часа назад отправил Халила с женой и выводком. Но что же делать, чтобы не попасть туда?

Несколько минут Юсеф сидел на полу, размышляя, затем решение пришло само собой. Он прошел в свой кабинет и включил компьютер. Затем вытащил из ящика USB-провод, одним концом вставил его в гнездо мобильного, а другим – в гнездо компьютера. Вот и все. Теперь найти соответствующую программу и скопировать информацию через компьютер. А оттуда – на диск. Вот как спрятать диск – это вопрос.

* * *

«После войны волна времени занесла отца в Палестину. Там он сблизился с парнями из религиозной группы «Квудат Авраам» и поселился в созданном ими к юго-западу от Иерусалима киббуце Кфар-Эцион. Этот киббуц и строился как попытка ответа на то, что происходит с евреями в Европе, как прибежище для тех, кто, уцелев, приедет в Эрец Исраэль. «Сейчас, когда нечеловеческие страдания обрушились на наших братьев в Европе, здесь, в горах Иудеи, мы создадим кров для тех, кто выживет», – так гласил манифест основателей Кфар-Эциона. Ребята буквально сотворили чудо – на голых холмах, среди камней, вырастили цветущий сад. Понятно, что отец с его золотыми руками оказался для них человеком незаменимым. И вообще его любили. Близких друзей, правда, не появилось, но отношения со всеми были равными. Угрюмость его у всех встречала понимание – ведь сколько пережил человек! Да и скидку на разницу в возрасте делали – он был старше всех в киббуце. И только однажды, на собрании в зале «Неве-Овадия», служившем в поселении культурным центром, когда разгорелся особо жаркий спор, перебросить ли часть народа с апельсиновых плантаций на строительство курятника или нет, он не выдержал и очень тихо, но так, что почему-то все услышали, не поднимаясь со стула, с досадой сказал: «Да какая разница?! Все равно за всеми скоро придут». «Что-что?» – переспросил ничего не понявший, как и все остальные, здоровяк Давид Изаак, который в тот день вел собрание. «Убьют, говорю, нас всех», – как нечто само собой разумеющееся пояснил мой отец.

Субботу он публично не нарушал; завтракал, обедал и ужинал со всеми вместе, следовательно, волей-неволей соблюдал кашрут; женился на Рахели, моей будущей матери, по всем правилам, постоял под хупой, но... Никто ни разу не видел, чтобы он, скажем, вошел в сина-

гогу, произнес благословение на еду или надел тфиллин. Ни разу не был ни на одной молитве. Не то чтобы на него из-за этого косились, но однажды все тот же Давид не выдержал и спросил, чего он так шарахается – от молитвы еще ни у кого язык к гортани не прилип. «Терпеть не могу Б-га, – ответил мой будущий отец. – Ужасный антисемит!».

Сразу же после решения ООН о разделе Палестины 18 хешвана 5708 года (29 ноября 1947) арабы начали боевые действия против еврейского населения. Жители Кфар-Эциона и трех близлежащих киббуцев – этот блок поселений назывался Гуш-Эцион – вместе с бойцами Пальмаха сдерживали натиск иорданской армии, именуемой «Арабский легион». Против них шло шесть тысяч солдат, обученных и натренированных британскими офицерами, и помимо винтовок и пулеметов у легионеров были пушки, минометы и броневики. К иорданцам присоединились отряды боевиков под командованием некоего Абдул-Кадера и тысячи местных крестьян, так называемых «нерегуляров». Они извлекли из загашников немецкие винтовки, английские «энфилды» и американские «спрингфилды», выкопали ожидавшие своего часа ящики с патронами и пошли, в основном, правда, грабить, а не сражаться, а если убивать, то безоружного противника, но при этом могли задавить числом. А что до воинского искусства, то пальмахники тоже без году неделя как армией стали. Удар свой арабы направили на Иерусалим. К весне дороги, связывающие его с Тель-Авивом, были перекрыты, и великий город оказался в блокаде. Перед обитателями Гуш-Эциона, нависавшего над шоссе, которое с юга подползало к Иерусалиму, была поставлена задача – всеми силами мешать передвижению арабов из Хеврона в Иерусалим и обратно. А тридцатого апреля был получен приказ полностью блокировать это шоссе, с тем чтобы не дать арабам возможности прислать из Хеврона в Иерусалим подкрепление во время операций ПАЛЬМАХА в Катамоне, где решалась судьба Нового Города. Жители Гуш-Эциона и пальмахники стали воздвигать баррикады, перерезать телефонные коммуникации, устраивать засады на арабские конвои – иными словами, всячески срывать любую помощь арабам с юга. Однако силы были неравны. На подкрепление рассчитывать не приходилось, и скоро Гуш-Эцион сам оказался в блокаде. Зимой с одним из последних конвоев удалось переправить в Иерусалим жен и детей защитников Кфар-Эциона. По сей день эти дети, ставшие уже дедами и бабками, перезваниваясь, кличут друг друга по номерам. Можно услышать, как такой вот седобородый малыш в кипе, набрав номер на мобильном, кричит в него, жестикулируя так, будто перед ним видеофон: «Алло, номер первый? Привет! Это говорит номер тринадцатый. Слушай, как связаться с номером четырнадцатым?» Я был Шестьдесят восьмым. Мой друг Натан Иzaak – Шестьдесят девятым.

В киббуце остались мужчины и молодые девушки. Но и им все сложнее становилось держать оборону. 13 тевета (15 января 1948) им на помощь вышел из Иерусалима отряд из тридцати пяти пальмахников. Они прошли незамеченными мимо арабских деревень, расположенных к югу от Иерусалима, но неподалеку от селения Цуриф наткнулись на пастуха, который бухнулся на колени, моля о пощаде и щедро рассыпая клятвы, что будет нем, как зарезанная овца, и никогда, никому, ничего... Пастуха отпустили. Вскоре взвод был окружен отрядом Абдул-Кадера, насчитывающим несколько сот человек, и после многочасового боя вырезан до последнего человека.

Тела убитых арабы передали англичанам. Спустя двое суток ночью на двор фермы, тараня тьму фарами, въехали три крытых брезентом грузовика в сопровождении вооруженной охраны. Из кабины вышел полицейский инспектор и попросил женщин зайти в помещение. После этого с грузовиков сняли брезент, и взорам собравшихся поселенцев предстали трупы в лужах крови. Некоторые были в бинтах – во время боя санитар перевязывал им раны. Явно были видны следы издевательств, возможно, уже над трупами. Кто-то из мужчин зарыдал. Другие стали отворачиваться. Мой отец невозмутимо взял носилки и пошел к фургону, чтобы приступить к разгрузке. Больше ни один человек не двинулся. Никто даже не в силах был смотреть в ту сторону. Наконец Давид Иzaak сообразил, что если уж разгружать, то в темноте, чтобы не

видеть этого кошмара. Он подошел к англичанам и что-то сказал им. Полицейский инспектор кивнул, и через две секунды фары были выключены. И тут в темноте раздался раздраженный голос моего отца: «Это еще зачем? Что я вам, крот, что ли?»

* * *

Когда, обороняя Русский монастырь, главный форпост поселенцев, отец получил осколок в голову, то санитаркам, остановившим кровотечение и перебинтовавшим рану, пришлось силком его укладывать на больничный матрас, поскольку он вознамерился немедленно вернуться на позиции. И лечь он согласился только при условии, что винтовку ему оставят. А когда через два часа пришли делать ему перевязку, увидели лишь сиротливо остывающий матрас. И отец и винтовка находились там, где им положено было находиться.

В бою он поражал своих товарищей какой-то сумасшедшей отвагой. Ходили легенды о том, как он, осыпaeмый градом пуль, пытался из базуки выстрелить по приближающемуся броневика. Бабука давала осечку за осечкой. А он вместо того, чтобы убежать, продолжал давить на спусковой крючок и завалил броневик, когда тот был уже в нескольких метрах от него. В тот вечер один из поселенцев спросил его: «Ты что, действительно, не знаешь, что такое страх?» Отец пожал плечами: «А чего бояться-то? Все равно убьют!»

* * *

Третьего ияра (14 мая 1948) арабы начали штурм. Когда они ворвались в киббуц и стало ясно, что сопротивление невозможно, руководство киббуца вывесило белый флаг. Отец капитулировать отказался. «Я и в тот раз не дожидался, когда они за мной придут, – сказал он, – и сейчас не буду». Сдал командиру винтовку и отправился прочь. Самое поразительное, что в суматохе арабы не заметили, как он ушел из Кфар-Эциона.

Остальным бойцам численностью сто тридцать человек победители объявили, что будут их фотографировать, выстроили их в ряд и расстреляли в упор из пулемета. Из окрестных виноградников отец слышал выстрелы. На рассвете он добрался до киббуца Мессуот-Ицхак, и когда его спросили, что с остальными, буркнул: «Их выдавили».

Все свое детство я слышал его рассуждения о том, что мы здесь ненадолго. «Поймите, говорил он, – мир – это, фактически, тот же Львов, только побольше. Есть места, откуда нас уже выдавили, а есть – откуда пока нет... Но рано или поздно – сначала из мира, а потом из памяти». Мне это не нравилось. Я не хотел смириться с мыслью, что за мной кто-то придет и что меня откуда-то выдавят. Сразу после Рош-Ашана 5726 (1966-1967) я ушел в армию. Когда там нас заставляли с полной выкладкой пробегать без передышки десятки километров по пустыне, учили стрелять, обучали ближнему бою, я чувствовал, как в ответ на беспрестанно звенящее в ушах вечное отцовское «придут» в моей душе крепнет твердое «не дамся».

В конце весны того же года три арабских страны объявили морскую блокаду Израиля. В Иордании, Египте, Сирии, а вслед затем и в остальных арабских странах была проведена мобилизация. Мы оказались один на один со всем стомиллионным арабским миром. По требованию египетского диктатора Насера войска ООН, служившие буфером между нашими странами, были выведены с Синайского полуострова. Против наших двухсот пятидесяти тысяч солдат у врагов под ружьем было пятьсот тридцать тысяч, против наших восьмисот танков – две с половиной тысячи, против наших трехсот самолетов – девятьсот восемьдесят. История не знала, чтобы кто-то побеждал в войне на два фронта, нам же предстояло воевать на три фронта, причем в районе Кфар-Сабы, где мы жили, ширина страны была тринадцать километров, а в некоторых других местах и того меньше. В том, что всех нас ожидает в случае победы арабов, не сомневался никто. Президент Египта Гамаль Абдель Насер говорил о «тотальной войне, целью

которой будет уничтожение Израиля». Председатель ООП Ахмед Шукейри заявлял, что те из евреев, кто останется в живых, смогут беспрепятственно выехать в Европу, «хотя вряд ли кто-нибудь останется в живых». В Европе на случай, если все же кто-то останется, освобождались здания под госпитали и детские приюты. В целом, человечество смотрело на грядущий новый Холокост как на неизбежность, хотя и печальную. Арабский мы не очень хорошо разбирали, но фраза «сбросить евреев в море» звучала на всех языках. А когда нам в руки попал сирийский журнал с яркими картинками, иллюстрирующими, как это будет протекать, оптимизма не прибавилось. На них красовался арабский витязь с черными бровями вразлет, с роскошными черными усами и с открытым взглядом. Он готовился расправиться с очкастыми чудовищами, и мы почему-то не слишком надеялись на то, что, убедившись, насколько мы на этих чудовищ не похожи, витязь вдруг захлебнется милосердием. Вся страна казалась одним большим гетто, застывшим в ожидании последней «акции», одним большим Кфар-Эционом, сметаемом с пути полчищами ненавистников.

Автобусы перестали ходить – все транспортные средства были переданы ЦАХАЛу. Школы гражданской обороны доставляли в бомбоубежища огнетушители и комплекты первой помощи. Кафе, театры, а за ними и школы, закрылись – население было брошено на рытье траншей. Я помню, как, приехав домой из армии в увольнительную, обнаружил пустой дом. И мама, и отец, и братья с сестрами – все рыли окопы на подступах к городу.

Я отправился к ним. Зрелище было тяжелое. Тысячи людей молча копали, время от времени поглядывая на восток – туда, где за погрузившимся в дымку горизонтом прятался невидимый, но страшный Шхем – логово, из которого не сегодня-завтра на нас, на наших родных, на наших детей обрушатся полчища убийц.

Отцу было за шестьдесят. Сколько я его помню, волосы у него всегда были седыми, Глаза были черными и большими, но глазницы – намного больше, так что казалось, прожектора нацелились на тебя из глубоких пещер. На лбу зиял шрам – память о защите Кфар-Эциона. Нос у отца был слегка вздернутый – есть такой тип еврейских лиц, довольно часто встречается у ашкеназов. И, конечно, морщины. Похоже, на отцовском лице не было ни одного сантиметрика, не покрытого морщинами. Отец и раньше много курил, а теперь по целым дням не выпускал изо рта трубку – длинную, черную, слегка изогнутую. Курил и молчал, лишь время от времени произносил одну и ту же фразу: «Кажется, за всеми нами скоро придут».

16 ияра (26 мая 1967) после завтрака отец, раскрыв газету, внезапно помрачнел – он увидел там нечто такое, что его добило. Потом поднялся, зачем-то полез в ящик кухонного стола, сунул себе что-то себе в карман брюк и сказал: «Не буду дожидаться, пока меня выдавят». Схватил трубку, закурил и вышел из дому. Маму это не встревожило. Она помнила, в какой ситуации отец произнес эту фразу во второй раз в жизни, но не знала, когда в первый. Она продолжала развешивать белье за окном нашего дома – старого, уродливого, с дешевыми квартирами. Белья было очень много, бечевки не хватало. Мама точно знала, что у нее в ящике кухонного стола лежит моток крепкой веревки, скрученной из лески. Но когда она открыла ящик, никакого мотка там не было. Она не успела испытать ужас – только недоумение. Вдруг, повинувшись какому-то шестому чувству, мама раскрыла газету, которую оставил отец. Первое, что ей бросилось в глаза, был заголовок: «Петля на шее Израиля затянулась окончательно». Мелькнула жуткая догадка. В это мгновение раздался звонок полицейского».

* * *

«Натания – Канфей-Шомрон. 16 шекелей. 5/05/05». Если когда-нибудь израильское Министерство Правды в полном соответствии с Оруэллом объявит, что поселение, где он жил, никогда не существовало, он предъявит этот билет-закладку, приютившийся между страниц

книги рава Хаима. Вот до этого места он когда-то дочитал, возвращаясь домой в автобусе из Натании. Что ж, двинемся дальше...

«Самоубийца запрещено хоронить на кладбищах, но к тем, кто повесился, это парадоксальным образом не относится: считается, что между мгновением, когда затянулась петля, и мгновением, когда наступила смерть, проходит достаточно времени, чтобы человек успел сделать тшуву, то есть раскаяться, вернуться к Б-гу, а следовательно удостоиться нормального погребения. И поскольку мы не знаем, что происходило в душе, пока тело дергалось на веревке, то действует презумпция невиновности.

Закон есть закон, но, честно говоря, меня немного коробило. Кто мы такие, чтобы судить или оправдывать человека, прошедшего то, что прошел мой отец – и во Львове, и в Кфар-Эционе. Разве виноват он был в том, что в этом мире еврей уже рождается с повесткой в газовую камеру. Не отца судить надо, а мир менять. Я не знал еще, что не пройдет и десяти дней, как сам стану одним из тех, кому посчастливится участвовать в этом изменении мира. Потому что двадцать второго ияра закончилась моя шива {Неделя траура, которую скорбящий проводит дома.} по отцу, и я в тот же день вернулся в свою танковую бригаду, а в ночь на двадцать шестое {В 1967 – пятое июня, день начала Шестидневной войны.} наше правительство, не дожидаясь, когда «за нами придут» и «нас выдавят», отдало приказ нанести упреждающие удары по вражеским войскам, стянутым к нашим границам. Все знают о том, как израильская авиация разбомбила египетские аэродромы, в течение ста семидесяти минут превратив триста из трехсот сорока египетских самолетов в пылающие обломки. Но как-то не принято говорить, что, по оценкам решительно всех военных экспертов, для выполнения этой задачи необходимо было как минимум в два раза больше самолетов (а их у Израиля просто не было) и как минимум в два раза больше времени (а за это время враги могли бы оправиться, перегруппироваться и раздавить нашу страну). Да, мастерство еврейских летчиков было потрясающим, но десятки бомб, попавших точно на перекрестки взлетных полос, так что одной бомбой уничтожалось сразу две полосы – это, извините!.. При всем уважении к нашим асам. Я, конечно, раввин, мне по штату положено, но всем читающим советую раскрыть глаза и согласиться, что оценка Вс-вышнего моим отцом – да будет благословенна его память! – несколько однобока.

Вслед за уничтожением египетской авиации началось наступление израильских танковых дивизий на египетском фронте. В течение трех дней наши войска заняли сначала Газу, а затем и весь Синайский полуостров. С Иорданией, как известно, израильское правительство воевать не хотело и даже пыталось не отвечать огнем на артобстрелы с ее стороны (в которых десятки мирных жителей погибли и около тысячи было ранено). Но после того как Арабский легион начал наступление в Иерусалиме к югу от Старого города, наши парашютисты получили приказ атаковать. Две тысячи лет евреи, глотая слезы, молились о возвращении в древний Иерусалим. Двадцать восьмого ияра пять тысяч семьсот двадцать седьмого года он вновь оказался в еврейских руках. На очереди были другие города, в стенах которых прошли первые тысячелетия истории нашего народа: Хеврон, Шхем, Вифлеем, Иерихон. Социалисты, стоявшие во главе еврейского государства, не испытывали никакого желания их освободить, но выхода не было: по территории Иордании уже двигались в сторону так называемого Западного берега сто пятьдесят иракских танков и дивизия иракских пехотинцев.

...В среду 28 ияра наша танковая бригада прорвала фронт к северу от Дженина и за ночь прошла по самарийским горам на восток, чтобы занять Шхем. Горы здесь пологие, скорее холмы, а не горы. Мы ехали прямо по гребню. Танк ревел, прыгая с одной базальтовой террасы на другую, и всякий раз при этом окуляр, от которого я, наводчик, не имел права глаз оторвать, бил меня по физиономии. Было безумно жарко, пот застилал глаза, стекая из-под шлема. Казалось, он вот-вот начнет выплескиваться из комбинезона. Ящики со снарядами все время падали со своих мест, снаряды вываливались из ящиков, и Рам, заряжающий, в своем отсеке замучился их подбирать. Впереди тускло светились арабские деревни, и в темноте едва

чернела последняя, из гор выточенная, перегородка, отделяющая нас от иорданской долины. А сзади... Пусть она не была видна отсюда, но я знал, что где-то сзади не спит, затаив дыхание, моя Кфар-Саба, которая еще позавчера была в смертельной опасности. Потому что еще позавчера мы жили в гетто. И если здесь, вот на этом самом месте, где мы сейчас едем, поселятся евреи, то... – то Израиль перестанет быть гетто, еще одним из бесчисленных гетто, раскиданных по миру, а станет действительно страной. Этот хребет под ревущими гусеницами моего «Центуриона» будет стеной, которую не смогут перешагнуть те, кто захочет придти за нами, стеной, которая встанет на пути тех, кто захочет нас выдавить. Наша танковая колонна остановилась. Со скрежетом стали открываться люки. Народ начал вылезать наружу. Привал так привал! Тут и там вспыхнули оранжевые огоньки сигарет. Я тоже было вытащил пачку, но в этот момент из-за соседнего танка раздалось чье-то басистое «Маарив! Маарив!» Ну да, ведь никто из нас еще не успел произнести вечернюю молитву.

Для совместной молитвы необходим миньян – десять совершеннолетних евреев. Нас поначалу собралось только девять возле танка, девять молодых парней из религиозных семей (ну, моя-то религиозной была лишь наполовину), потрясенных тем, что стали соучастниками чуда, равного рассечению вод Красного моря. Я хотел было уже бежать искать десятого, но тут от группы солдат, стоящих возле купы оливок на терраске неподалеку от нас, отделился еще один и двинулся к нам. Судя по походке, это был человек гораздо старше нас. «Милуимник {Солдат или офицер запаса, призванный на сборы или на войну.}», – сказал Рам, глядя, как он карабкается по глыбам. Мы начали молитву. Дойдя до слов «Слушай, Израиль, Г-сподь – наш Б-г!» я подумал: теперь я это знаю точно! Дойдя до слов «Благословен ты, Г-сподь, благословляющий миром народ свой, Израиль!» я подумал: теперь это стало реальностью!

А потом настало время читать кадиш – гимн Вс-вышнему, который произносится в память о недавно умершем родном человеке. При этом в нем нет ни слова о смерти. Что поделаться – еврейская логика. Б-жья логика. Так вот, кадиш читали двое – я и этот десятый. Я – по отцу. А по кому читал он – мы не знали. По обычаю, мы оба вышли вперед, встали рядом и начали хором: «Да возвысится и освятится великое Имя Его!

– в мире, сотворенном по воле Его,

И установит Он Свою царскую власть и взрастит спасение...»

Голос показался мне жутко знакомым, настолько знакомым, что я боялся признаться себе в том, чей это голос, уговаривая себя, что все это мне лишь кажется, что я ведь сам читаю вслух, как же мне разобраться, на чей похож голос того, кто читает вместе со мной.

«Создающий мир в высотах Своих,

да сотворит Он мир для нас

и для всего Израиля...»

Молитва закончилась. Человек шагнул ко мне, вытащил трубку – длинную, черную, слегка изогнутую.

– Огонька не найдется? – он произнес это на удивление глухо, как будто набрал в рот могильной земли. Я протянул зажигалку. Словно перевернутое сердечко, вырвалось пламя, и в его ореоле я увидел лицо – большие глаза в глубоких глазницах, слегка вздернутый нос... Не было шрама, не было морщин. Мужчине было лет сорок, может, чуть больше.

– Чего вылупился? – раскуривая трубку, спросил милуимник уже совсем другим голосом, ничуть не похожим на отцовский. – Сейчас не таращиться надо, а воевать!

– Вы знаете, – робко начал я. – Вы очень похожи на моего отца, да будет благословенна память праведника...

– Все евреи похожи друг на друга, – отрезал он и повернулся, чтобы направиться к своим.

– А простите такой вопрос... По кому вы читаете кадиш?

– «По кому, по кому», – раздраженно произнес он. – По самому себе! Хватит дурью маяться! Драться надо! Пока нас всех не выдавили.

И побежал к своим, оставив меня приросшим к земле.

Прошло несколько минут. Я пришел в себя. Огляделся. По фиолетовому океану ночи черными китами плыли холмы. Я понял, что когда-нибудь вернусь сюда, на эту гору, на этот сторожевой пост моей Родины, чтобы поселиться здесь навсегда.

Местное население осыпало нас цветами и рисом – как раз в это время должны были прибыть на помощь легионерам иракские танковые соединения, и арабы не сомневались, что мы и есть долгожданные братья и союзники. Такие же счастливые улыбки оказались на лицах у первых арабских солдат и офицеров, которым довелось нас встречать. Они явно были сбиты с толку и не знали, кто перед ними – друзья или враги. Сколько еврейских жизней Вс-вышний сберег благодаря этой случайности, этому эффекту неожиданности, этому маленькому чуду!

Рева, наши «Центурионы» ворвались в лабиринт шхемских улиц, с грохотом лавируя то между старинными стенами, сложенными из бесформенных камней, то между современными бетонными кубами. Когда мы проезжали мимо одного недостроенного куба – серой толсто-стенной клетки, окаймлявшей темную пещеру, – из пещеры выскочил араб в форме легионера, бросил автомат и поднял руки. Я узнал его – черные брови вразлет, красивые черные усы, открытый взгляд. Я понял – мы победили».

Глава вторая Плато Иблиса

Мазуз Шихаби, вожак группировки «Союз Мучеников Палестины», штаб-квартира которой находилась в самарийской деревне Эль-Фандакумие, проснулся от страха. Нет, он не видел, как Халил прошествовал на цыпочках от двери к подоконнику и обратно. Вместо этого он видел сон. И снился ему страх. Не страх в каком-то образе, а страх в чистом виде, бестелесный, как Аллах. От этого страха он и проснулся.

Так не бывает, одернул себя Мазуз. Вот сейчас он покурит немножко, придет в себя и сообразит, что же его так напугало.

– Халил, принеси наргиле, – крикнул он. Снаружи никто не отозвался. Вот мерзавец, неужели заснул на посту? Сроду такого не бывало. Ну ладно, не раздувать же угли самому. Перебьемся чем попроще.

Не включая света и не вставая с кровати, он пошарил под оттоманкой, нащупал пачку «Ноблесса», выудил из нее сигарету и маленькую «ронсоновскую» зажигалку, чиркнул, затянулся и поморщился.

Мерзкий еврейский «Ноблесс»! Вот ведь пристрастился он, сидя по тюрьмам, к крепким сигаретам. И хотя сейчас, оказавшись во главе пусть небольшой, зато перспективной, организации, он мог бы услаждать себя самыми изысканными табачными изделиями, ничего из этого не выходит. Если хочется чего полегче, курит наргилу, а как дело доходит до сигарет – застрял на «Ноблессе». Спонсоры из-за границы когда приезжают, косятся на него за плебейский вкус. И то ведь сколько сил еще потребовалось, чтобы на относительно благородный «Ноблесс» перейти после дерущего горло тюремного «Аскотта».

Страх этому бронебойному «Ноблессу» изгнать не удалось, но в мозгах благодаря его тяжелому дыму кое-что прояснилось. Мазуз понял – он боится Абдаллу Таамри. С одной стороны, Аллах свидетель, Абдалла имеет право на то, чтобы его боялись. Миллиардер, владелец крупнейшей строительной компании, которая ведет дела не только на территории Автономии, но и в странах Персидского залива. Да что там! Он строил для американцев воздушные базы на Ближнем Востоке! Он был личным другом Арафата и его посредником на переговорах с израильтянами! А с другой стороны, вчера, разговаривая с ним по телефону, Мазуз держался более, чем независимо! Откуда же сейчас взялся этот страх? Может быть он, Мазуз Шихаби, в душе трус? Он, который с двадцати лет мотался по тюрьмам и ни разу не утратился, не сдался, не предал! В таком случае, чего же он сейчас боится? Непонятного. Было что-то очень странное во вчерашнем звонке Абдаллы, в словах: «В ночь на пятнадцатое число месяца Зуль-Хидджа в 1426 год от Хиджры, то есть на семнадцатое января 2006 года по общему календарю, группа бывших обитателей ликвидированного Шароном еврейского поселения Канфей-Шомрон совершит попытку вернуться на прежнее место жительства, силой захватить территорию разрушенного поселения и восстановить его. Когда поселенцы будут тайком, как шакалы, пробираться в свой Канфей-Шомрон, вы устроите засаду на плато Иблиса и уничтожите всех до одного. Завтра, сразу после того, как я вам позвоню, отрядите человека с видеокамерой, чтобы он провел там съемку местности, а затем доложите мне о результатах». Голос у Абдаллы Таамри был красив, хорошо поставлен и очень похож на голос местного хафиза – знатока Корана – который в Лейлят аль-Кадр – Ночь Могущества – с 26 на 27 рамадана в их деревенской мечети до рассвета вслух читает Святую Книгу.

Когда Мазуз попытался в деликатной форме выяснить, почему этот человек берет на себя смелость приказывать ему, тот ответил: «Слушайте и принимайте к сведению. Вся операция будет проходить под моим личным контролем. Ее успех в моих интересах. Вы можете

отказаться или саботировать мои распоряжения. Первое – ваше право, второе – в ваших физических возможностях. Но усвойте – ваш «Союз Мучеников» – не самая большая и не самая хорошо вооруженная группировка на Западном Берегу и тем более во всей Автономии. Я могу вас сделать своей гвардией, и в этом случае... Поймите, в ФАТХе наш народ уже разочаровался, в ХАМАСе – разочаруется. Вот тогда-то к власти приду я или мои люди, а вы тут же станете чуть ли не главной боевой силой во всей Палестине, ее руками, ее штыком. До тех пор, помимо выполнения моих заданий, вы сможете заниматься и собственной деятельностью, если она не будет противоречить моим целям и принципам. Понятно, что эта деятельность не должна выходить на первый план в ущерб моим нуждам. При этих условиях я даже готов такую деятельность финансировать – надо же помогать тем, кто помогает тебе. Теперь рассмотрим вариант, при котором вы отказываетесь от моего предложения или уклоняетесь от выполнения моих требований. В этом случае я вас автоматически зачисляю в категорию своих врагов, и вашу роль получает какая-нибудь другая группировка, которая полностью переходит на мое обеспечение, а взамен уничтожает моих врагов всех до одного, в том числе и вас. Учтите, у них будет маленькое преимущество перед вами – бескрайнее изобилие денег на фоне вашей извечной бедности. А деньги – это, как вы понимаете, все: и оружие, и аппаратура, и мозги, и исполнители. Я выражаюсь ясно?

– Предельно, – отвечал Мазуз, открывая пачку «Ноблесса».

– Что вы скажете по этому поводу?

– Что я могу сказать? Я безмерно уважаю вас и с удовольствием принял бы любое ваше предложение. Но вы начали с угроз, а это, знаете ли, унижительно.

– Я не начинал с угроз...

– Вы разговариваете так, что не оставляете мне выхода. Я не могу согласиться на ваше предложение только по одной причине – потому, что лишен возможности не согласиться.

В трубке возникло молчание. Оно длилось чуть ли не минуту, а потом Таамри тяжело вздохнул и сказал:

– Уф! Терпение от Аллаха, спешка от Шайтана. Ладно, начнем сначала.

Начали и закончили. И вот теперь он, Мазуз, со вчерашнего дня добровольно, ну то есть, совершенно добровольно, стал орудием могущественного Абдаллы Таамри. Свершился этакий ташаххуд, «первая клятва при Акабе». В роли пророка Мухаммада выступал Абдалла, а представителем жителей Ясриба, будущей Мекки, присягающих ему в верности, стал сам Мазуз.

Откуда же сейчас такой жуткий страх? Откуда ощущение, что Абдалла хочет его уничтожить? Что за дикое предчувствие вдруг охватило легендарного вожака боевой палестинской группировки? Нет, надо брать себя в руки.

Натянув на плечи верблюжье одеяло, Мазуз попытался усесться по-турецки на своей любимой оттоманке, про которую говорили, что она придает ему силы, как мать-Земля древним героям. И тут же вскрикнул от боли. Сухожилие! Еще вчера оно неизвестно почему вдруг разболелось. Он думал, за ночь пройдет, а стало только хуже, и намного.

– Халил! Да принесешь ты, собачий сын, наргиле или нет? – позвал он охранника.

Но Халил почему-то не отреагировал. Ничего себе! Куда он мог подеваться с боевого поста? Ладно, позвоним другому ординарцу, Радже. Он, хотя и долговязый, да умный.

Кутаясь в одеяло, Мазуз сунул ноги в ночные туфли и прошлепал к подоконнику, морщась на ходу от боли в сухожилии над правым бедром. В темноте провел ладонью по подоконнику, куда он всегда клал на ночь сотовый телефон. Телефона не было. Но в этот момент Раджа сам появился на пороге. Его худое лицо с большим носом было бело, как оперение ибиса.

– Саиди! – заорал он, забыв поприветствовать хозяина. – Убили Халила Сидки и всю его семью!

* * *

«...Ни в коем случае не допустить их проникновения на территорию бывшего поселения Канфей-Шомрон. При этом, в силу сложности создавшейся в стране обстановки, избегать любых инцидентов и ни при каких обстоятельствах не применять против поселенцев никакого насилия, включая простое рукоприкладство».

Полный бред. Остановить несколько десятков здоровых мужчин, которые под покровом ночи, рискуя жизнью, под носом у арабов прошли двадцать пять километров, причем сделать это так, чтобы ни один кулак не взметнулся во тьме и ни один синячок не украсил бородатые физиономии фанатиков! Интересно, как штабные кретины представляют себе ситуацию? Им, небось, еще снится благословенный июль прошлого, 2005-го, года, когда накануне Размежевания десятки тысяч людей собрались в Кфар-Маймоне, поселке к северу от границы сектора Газа, чтобы идти в блокированный полицией и войсками Гуш-Катиф и спасти своих братьев от выселения. Тогда его, Коби Кацира, ребятам противостояла прекраснородушная поселенческая молодежь, которую раввины накручивали чуть ли не в тех же выражениях, что в этом мудром приказе: «Солдаты – наши братья! Даже словесных оскорблений нельзя себе позволять». Чего тут было волноваться? Нет, понятное дело, газеты и телевидение предрекали кровавые схватки демонстрантов с солдатами и прогнозировали сотни убитых и раненых, но он, Коби, как и остальные военные, лишь посмеивался, понимая, что никакой крови не будет. К тому же им было известно и о настроениях Совета Поселений, который возглавлял собравшихся. Похоже, его вожаки сами не ожидали, что такие океаны народа схлынут в отклик на его призыв, и теперь судорожно решали, что с этими океанами делать. И главное, он видел, как настроены сами «бунтари» – девчужки, скандирующие «Солдат, полицейский, я тебя люблю!», парни, скандирующие «Солдат, полицейский, откажись выполнять приказ!». Что же до редких исключений, то он, Коби, помнит, как какой-то хмырь начал кричать: «Вы – КГБ! Вы – КГБ!». Как же все вокруг на него зашикали! А кто-то – Коби в темноте не разглядел лица – заорал с русским акцентом: «Я – бывший узник Сиона! Ты не смеешь оскорблять наших солдат!». Ну чего, спрашивается, таких бояться? Они же запросто могли снести и ограждения, и солдатские цепи. Военные и копы были бы бессильны что-нибудь с ними сделать. Но – «наши братья, наши братья!».

Не было серьезного сопротивления уже и потом, в самом Гуш-Катифе, да и здесь, в Северной Самарии. Слезы были, еще какие были слезы, причем с обеих сторон – плачущие солдаты входили в дома и выводили из них плачущих поселенцев. Были полные боли выкрики тех, кто отказывался сам выходить и кого приходилось вытряхивать за руки – за ноги. Были демонстративно поднятые руки, как в варшавском гетто, – драться не велят, ругаться запрещают, так хоть жестом... Ох, как газеты тогда к этим поднятым рукам прицепились! Рыдающих десятилетних детей, которых вышвыривали из домов, где они родились, сердитые дяди из прессы и с телевидения величали провокаторами. Даже его, Коби, это шокировало. Да, не любят наши СМИ поселенцев! Как сорок лет назад, после Шестидневной войны, поверили, что едва мы вернем арабам Иудею, Самарию и Газу с Голанскими высотами, и тут же наступит долгожданный мир, так и сейчас верят, хотя ему, Коби, как военному, ясно – арабы хотят войны и только войны. Отца бы в этом убедить! А что до Размежевания, то не было настоящего сопротивления. Казалось бы, что может быть проще? Пятьдесят человек перегородили один перекресток, когда ехали автобусы забирать «выселенцев» из того же Канфей-Шомрона, так с ними два часа ни армия, ни полиция не могли справиться. Трижды оттесняли пытавшихся разогнать их полицейских. Если бы так они заняли все перекрестки – тогда все, конец Размежеванию! Так почему же не заняли? Потому, что надеялись бородатые и их жены с молодня-

ком, что Размежевания и без того не будет, что в последний момент откажутся солдаты и офицеры выполнять приказ, причем не двое-трое, а в массовом порядке:

«Смоль, ямин, смоль!
Мефакед, ани ло яхоль!
Правой, левой, правой!
Командир, я не могу!»

Уже виделось им, как Коби и его товарищи по оружию братаются с изгоняемыми из домов братьями по крови, и под торжественные аккорды хэппи-энда поселенцы возвращаются в свои нетронутые бульдозерами дома, защитники отечества умаршировывают в родные казармы, а оскандалившееся правительство уползает в отставку. Щас. Нет, понятно, что никакого удовольствия от участия в этом сволочизме ни Коби, ни другие не получали. Коби до сих пор не может забыть, как он за день до начала операции зашел в поселение, приговоренное к расправе. И первое, что увидел – поселенца, стригущего газон. Аккуратно так стриг, каждый кустик обрабатывал, каждый цветочек обходил... Словно дочке кудри расчесывал. У Коби аж в горле запершило.

Но – приказ есть приказ. Что это за армия, если в ней каждый делает лишь то, что считает нужным?! Коби от избытка чувств врезал кулаком по пластиковому белому столу, покрытому пятнами и разводами от теплой колы, которую они вчера пили с приезжавшим проверять его подполковником Моти Сабагом.

Ну ладно, хватит воспоминаний. Надо решать, что сейчас делать. Те, что придут в ночь на семнадцатое, от себя самих пятимесячной давности будут отличаться, во-первых, тем, что летом перед ними лишь светилась перспектива стать обездоленными, а теперь они уже вкусили этой радости, во-вторых, тем, что они понимают – на сегодняшний день солдаты им враги, и речь пойдет не о том, чтобы их убеждать, а о самом настоящем прорыве.

Есть и третий фактор. Поселенцы – народ дисциплинированный. Слово рава для них – ого-го! Так вот у этих – зловердный рав Фельдман. Известная личность. Вон, кстати, его брошюрка лежит на полке за «видиком» между пустой пачкой из-под «Ноблесса» и забытым кем-то карманным молитвенником в пластиковом переплете. Называется «Мой дом Канфей-Шомрон». Юные поселенцы в оранжевых майках перед Размежеванием у ворот армейских баз такие раздавали.

А после они же чуть график Размежевания не сорвали, не давая в течение пяти часов солдатам и полицейским подняться на крышу синагоги в Канфей-Шомроне – один из немногих случаев серьезного сопротивления... Камни, правда, не кидали, но воду и краску на атакующих лили от всей души. Газеты писали, что и кислоту лили. У некоторых солдат и полицейских, обильно политых юными поселенцами, действительно, появились кожные раздражения на лице и заболели глаза. Против рава Фельдмана, возглавлявшего оборону крыши, и студентов его ешивы завели уголовное дело. Газеты зашлись в экстазе.

Потом вдруг обнаружилось, что у самих поселенцев точно так же лица и глаза распухли. Помимо этого выяснилось, что вода, которую они лили на осаждавших, была сама родом из полицейских и армейских шлангов и использовалась именно против ешивников, а они вынуждены были вычерпывать ее и сливать вниз, чтобы под ними не провалилась крыша, огороженная довольно высокой стенкой. Так что в водичке-то кислота была, да вот кто ее туда налил? Напрашивающийся вывод сделан не был, и вместо того, чтобы открыть новое дело, просто закрыли старое, а газетчики, мужественно отказавшись от погони за сенсацией, вообще ничего не сообщили. Рава Фельдмана, продержав три месяца в тюрьме, выпустили.

И зря! Он теперь совсем озверел. Кричит, что их отказ от насилия власти использовали в своих целях. Ясно, что сейчас уже все пойдет по-другому. Сейчас с этими «выселенцами» шутки плохи. Их можно убрать только силой, и притом беспощадной силой. А приказ лепечет: «Силу не применять». Гениально. И так, еще раз. В ночь на семнадцатое января

сего года группа бывших жителей бывшего поселения Канфей-Шомрон, ликвидированного по плану Размежевания в августе прошлого года, выходит из поселения Элон-Море, чтобы горными тропами проникнуть на территорию Канфей-Шомрона и возродить его. Кстати, откуда это известно? Видно, ШАБАКУ{ Служба внутренней безопасности Израиля. } удалось некогда внедрить своих ребят в Канфей-Шомроне или в Элон-Море, а то и завербовать кого-то из поселенцев. Над канфей-шомронцами сейчас, должно быть, особо трудятся – те без средств к существованию, без будущего, без постоянной крыши над головой, а есть которые и вообще без крыши: живут в палатках, и неизвестно, когда и что их ждет. Вот уж, действительно, вербуй – не хочу. Хотя с другой стороны, вряд ли ШАБАК сильно преуспел в вербовке – не удалось даже выяснить, ни сколько поселенцев отправляется в дорогу, ни в какое точно время, ни, хотя бы приблизительно, по какому маршруту. Так, небось, какого-нибудь стукачка хиленького вербанули... Не то что в арабской среде – толпы информаторов. Ну, да не это важно. Главное – что он, Коби Кацир, командующий ротой, расквартированной здесь, получил приказ не допускать на территорию бывшего поселения его бывших жителей. При этом дабы на фоне наэлектризованной обстановки в стране не произошло нечто явно нежелательное для правительства, строжайше наказано не применять никакой силы.

Теперь посмотрим, как, скорее всего, будут развиваться события. Отряд в несколько десятков поселенцев выходит ночью из Элон-Море, карабкается в темноте по скалам, затем через перевалы спускается в долину и ползет прямо под окнами арабских деревень. В случае если хоть кто-то из арабов мается бессонницей и заметит ночных странников, весь отряд в течение ближайших двух часов будет вырезан в полном составе. Кстати, идут поселенцы, судя по всему, без всякого оружия, чтобы их потом не обвинили в попытке вооруженного нападения на армию. Так вот, если они все же доходят целыми и невредимыми, то их встречает Коби Кацир со своими девяноста орлами. Поселенцы сносят к чертовой бабушке весь заслон и спокойно разбивают палатки на месте своих бывших и будущих домов. Солдатам, которые пытаются помешать этому или обрушить только что выросшие шатры Авраамовы, они, отрекшись от былого пацифизма, дают в ухо. Отвечать строго-настрога запрещено. Коби вынужден рапортовать наверх, что приказ не выполнен, и просить о подкреплении. Подкрепление прибывает, причем в таком количестве, что, навалиясь, можно эвакуировать не десятки, а сотни людей, обойдясь при этом без выбитых зубов, но у офицера, не выполнившего приказ (который выполнить невозможно!) – неприятности. Впрочем, не такие уж большие. Все бы ничего, если бы... Если бы не папа.

Коби окончательно загрустил, вспомнив вчерашний отцовский крик по телефону: «Ты что, смеешься? На следующий же день все газеты, все телеканалы раструбят, что сын Йорама Кацира либо никудышный офицер и не может выполнить элементарный приказ, либо, что еще хуже, потворствует правым экстремистам».

Рассмотрим другой вариант. Его орлы, орудуя дубинками или прикладами «эм-шестнадцать», развешивают тумачи направо и налево, при этом часть ночных туристов уползает на карачках, утирая кровь с бородушек, других на вертолетах увозят в «Меир», «Бейлинсон», «Гиллель-Яфе» и прочие капища израильской медицины. В общем, победа полная. А на следующий день правые поднимают шум – бедные, лишенные крыши над головой поселенцы при попытке вернуться под отческую сень, дабы в последний раз облобызать родные камни, зверски избиты солдатами. К ответу палачей!

«Позвольте-позвольте! – возражают армейские чины. – Вот наш приказ – четко и ясно сказано: никакого насилия. А что некий капитан Яков Кацир самоуправство проявил, так в семье не без урода».

«Ты с ума сошел! – орал в трубку отец, когда Коби объявил ему, что, если нужно, он готов применить силу. – У Йорама Кацира сын садист! Еще все помнят, как чисто, без крови, Шарон и Мофаз провели Размежевание, а тут какой-то офицеришко устраивает побоище! Ну да ясно,

яблоко от яблони далеко не падает! И я с твоей легкой руки сразу превращаюсь в фигуру, что называется, одиозную! На ближайших же выборах при составлении партийного списка меня обходят и Ури Данович, и Шмуэль Левинзон, и Меир Битон. И с шестого места я перемещаюсь в лучшем случае на десятое, а то и на двенадцатое. И не могу уже козырять тем, что мой сын, в отличие от некоторых, не пригрелся на тепленьком местечке, а служит в боевых частях!».

* * *

Есть такое русское слово – «живчик». И есть такая русская пословица – «маленькая собачка – до старости щенок». Не думаю, что этим лексическим феноменам можно найти аналог в иврите. А жаль, потому что в результате бедный Натан Изак за всю жизнь так, должно быть, и не получил точной характеристики того, как он выглядит на самом деле. И опять-таки жаль, потому что был он личностью более чем колоритной. Невысокого роста, сухонький, жилистый, с очень жиденькой и длинненькой бороденкой, он все время куда-то торопился, все время суетился. Все – от уроков Торы до планов по созданию и восстановлению поселений – излагал он сбивчиво, спотыкаясь, то повторяя одно и то же, то перескакивая с пятого на десятое. У окружающих создавалось впечатление, будто предыдущих лет жизни явно не хватило ему, чтобы все, что нужно, сказать и, главное, сделать, – потому-то он сейчас и спешит, словно чувствует, что сроки поджимают. При этом ноги его постоянно пружинили, так что, чем бы он ни занимался, сидел ли, стоял ли, шагал ли, он всегда при этом немножко подпрыгивал. И еще одна деталь – очки. Большие и круглые, как глаза стрекозы, но дужки у них каким-то безвестным умельцем сделаны были под острым углом, что придавало им сходство с ногами кузнечика. При каждом прыжке Натана сидящий у него на носу стрекозничек тоже подпрыгивал, а при каждом третьем прыжке падал на пол.

В отличие от Натана, первый из его собеседников, рав Хаим Фельдман, был спокоен и нетороплив. Чувствовалась в нем некая внутренняя сила. Вместе с тем видно было, что в его упругих мускулах кроется также способность и к стремительным, в случае необходимости, действиям. Кто-то из живущих в Канфей-Шомроне русских репатриантов сказал однажды: «Рав Фельдман похож на очень доброго Мефистофеля». Поразительно точное определение! Даже серебро, многочисленными волосками проникшее в его шевелюру, казалось, сделало это лишь для того, чтобы оттенить ее черноту. Ну, а уж подстриженная, что нечасто встречается у религиозных ашкеназов, борода и вовсе отливала куда-то в синеву. Высокий, подтянутый рав Хаим Фельдман явно был непрístupен для все сметающей на своем пути силы, имя которой – годы. Создавалось впечатление, что если положить рядом три его фотографии – одну сегодняшнюю, другую десяти- и третью двадцатилетней давности – то разобрать, где какая, будет невозможно. При этом он давно уже стал живой легендой поселенчества, а диапазон мнений о нем был столь широк, что хоть на прилавок выкладывай!

Высокий лысый тель-авивец, сидя в кафе на улице Шенкин, бормотал с ненавистью:

– Все поселенцы – фанатики и правые экстремисты! Один Фельдман чего стоит!

А в это время где-нибудь в Самарии, на остановке, где ждет попуток необремененная деньгами публика, какой-нибудь парнишка в кипе и с пейсами до пояса митинговал:

– Рав Фельдман? Да он же левый! Нам такие не нужны!

Вторым гостем в гостиничном номере Натана был уже знакомый читателю Эван, увенчанный оранжевой кипой с буквой V. Когда, сидя на тахте, обтянутой бурым в мелкую клетку дерматином, и уставясь в линолеумный пол, расчерченный концентрическими кругами, он заявил, что считает всю затею безнадежной, Натан первым делом подпрыгнул в кресле, разрисованном тем же узором, что тахта, а потом уже, поправив очки, спросил, почему.

– Может быть, я ошибаюсь, но по-моему, Шарон не будет Шароном, если позволит нам вернуться в Канфей-Шомрон, – ответил Эван, а в голове у него свербело: «Вру, вру, вру, не

потому я не хочу идти, что это безнадежно, а по другой суперважной причине, личной, эгоистичной!»

– Но, Эван, пойми же! – воскликнул Натан, воздев к потолку сухонькие пальцы, контрастирующие с довольно солидными бицепсами. – Шарон провел Размежевание без крови! Он этим гордится! А тут побоище в Канфей-Шомроне! Порча репутации! Ему это надо? Тем более – в глазах общественности мы несчастные! Бездомные!.

– Мы такие и есть, – вставил Эван.

– Совершенно верно! – Натан не удержался и опять подпрыгнул. Вместе с ним подпрыгнули очки. – Обездоленные рвутся в свой дом! Разрушенный! И он пошлет солдат расправиться с ними? На глазах у всего Израиля? Перед выборами?!

– Не пошлет, – согласился Эван, – но пройдет два-три дня, и туда нагонят такое количество солдат, что всех нас эвакуируют без единого синячка.

– Возможно! – развел руками Натан и, втянув голову в плечи, скрючился в кресле так, будто он примостился на краю табуретки. – Положимся на волю Вс-вышнего. Он поможет!

– Или не поможет, – сыронизировал Эван. – Но мы рискнем. Сходим в Канфей-Шомрон, пару дней проведем за решеткой, и к концу недели все будем обратно в этой же гостинице. Или не все. Может, кого-то террористы укокошат, может, кого-то по дороге, высунувшись из окна, подстрелит из «спрингфилда» времен Британского мандата какой-нибудь мирный арабский дедушка. При всем моем к вам, Натан, уважении, рисковать чужими жизнями ради химеры...

Он почувствовал, что весомость всех этих справедливых аргументов доставляет ему неизъяснимое наслаждение, словно позволяет не думать о той главной причине.

– Химеры? – переспросил возмущенный Натан, кинув на Эвана негодующий взгляд сквозь стрекозьи глаза очков. – Химеры, говоришь?! Земля Израиля – химера?! Диалог еврейского народа с Б-гом – химера?!!

– Вопрос в том, стоит ли заведомо безнадежное предприятие человеческих жизней, – отпарировал Эван. И тут в разговор вступил рав Хаим, до тех пор сидевший на краю кровати у окна и наблюдавший, как зеленые «эгедовские» автобусы один за другим втекают в акулю глотку Центральной Автобусной Станции.

– Стоит ли человеческих жизней? – задумчиво повторил он. – Ты прав. Речь, действительно, идет о жизнях. О жизнях семи миллионов человек и о самом существовании нашего государства. Арабы не скрывают, что любой сантиметр отданной им земли они используют лишь как плацдарм для уничтожения Израиля и ни для чего больше. Для того и началось после Шестидневной войны поселенческое движение, чтобы лишить их этого плацдарма!

– Правда? – переспросил Эван с оттенком иронии. – А я-то думал, что чудо нашей победы вы восприняли как начало предсказанных пророками времен Избавления всего человечества. А они в свою очередь должны начаться с воссоединения еврейского народа со своей землей. Так что заселение Иудеи и Самарии – это наш долг перед всем миром.

– Совершенно верно... – начал Натан, но рав Фельдман его перебил:

– Прежде всего это гарантия того, что смертельная угроза никогда уже над страной не нависнет. В тот момент, что мы смирились с отступлением из Канфей-Шомрона, считай, что отдано все. Сначала этого потребуют арабы, затем наша левая интеллигенция, наконец – мировая общественность. И – не удержишься. Сдашься. А дальше – возвращение в границы 67-го и – новая резня под старым насеровским лозунгом: вымостить берег моря еврейскими черепами! Плавный переход от Израиля к Освенциму!

Эван закрыл глаза и услышал Голос – не живой и даже не телевизионный, а скорее – телефонный. Звучал он по-английски, но с арабским акцентом: «хотя вряд ли кто-нибудь останется в живых».

...Зал аэропорта Бен-Гурион сверху напоминал дворик в каком-нибудь придорожном поселке в пустыне Негев, где горячий ветер с остервенением заверчивает струи песка. Только

песчинки были живые, с ногами, с руками, а в руках чемоданы, а на руках дети. И гонял их по аэропорту не ветер, а стремление убраться из страны, которой оставалось жить считанные дни. Меж тем радио сообщало: «Бои ведутся в районе Хайфы, Натании, Лода...»

«В Лоде!» – в ужасе закричала полная женщина в цветастом платье, с красным лицом, сжимая руку маленькой то ли дочки, то ли внучки. «В Лоде! Они уже совсем рядом!»

– Не дай Б-г! – прошептал Эван, очнувшись.

– Не дай Б-г! – поддержали его Натан и рав Хаим.

– Все, что вы говорите, верно, – устало согласился Эван, сам не понимая, отчего он устал больше – от прыжков Натана, от чугунной логики рава Хаима, от неожиданной галлюцинации или от собственной внутренней борьбы и попыток загнать обратно нечто важное, рвущееся наружу из глубин подсознания. – Все верно, но нужно придумывать что-то новое, а не браться за дело, заведомо безнадежное. Может быть, я ошибаюсь, но по-моему, пока у власти Шарон, мы в Канфей-Шамрон вернуться не сможем.

– Ничего ты нового не придумаешь. А нам Б-г поможет! – Натан Иzaak вновь осел в глубинах кресла.

– Кстати, почему вы тех, кого отобрали для похода, вызываете поодиночке?

– Чем позже ШАБАК обо всем узнает, тем лучше.

– Правда? – осведомился Эван. – И поэтому вы используете для бесед гостиничный номер?

Он показал пальцем сначала на неровно выкрашенную желтой краской стену, а потом на собственное ухо.

– Ты слишком увлеченно читал Оруэлла, – сказал Натан.

– И потом, почему вы считаете, что если есть стукачи, они не оказались среди первых посетителей? Когда вы начали свои собеседования?

– Какая разница?

– Значит, не вчера и не позавчера, иначе бы вы сказали.

– По крайней мере, так ШАБАК не знает, сколько нас идет и кто именно.

– Значит, у вас с равом Фельдманом был жесткий предварительный отбор, и я, надо понимать, удостоился. Увы, не смогу оправдать доверия.

Натан вновь развел руками.

– Но обещаю молчать обо всем услышанном, – произнес Эван и двинулся к выходу. Когда за ним захлопнулась бурая дверь с медной ручкой, совесть наконец открыла рот, и он задумался об истинной причине своего отказа идти в Канфей-Шомрон.

В шесть часов выход из поселения Элон Море. А в семь тридцать он должен быть у Вики. В семь тридцать решается судьба.

* * *

– Здравствуйте – Юсеф, – зазвучал в мобильном знакомый голос, в котором не было ни понижений, ни повышений тембра, словно он принадлежал роботу. – Вы – разумеется – меня – узнали.

– Да, сайд Камаль! Как же мне вас было не узнать, верблюжье отродье!

Последние два слова он, правда, не сказал, но подумал.

– Мы – благодарим – вас – за проведенную – операцию, – продолжал Камаль каким-то голосом. – А сейчас – я хотел бы – встретиться – с вами.

«Ах вот как, – с ужасом подумал Юсеф, – значит, поняли, что я в курсе дел и решили убрать по-быстренькому. А может, решили: выполнил работу – пусть замолчит навсегда».

– Соблаговолите – сайид Масри – неотложно – занять место – в своем лиловом – почтенного возраста – «мерседесе» – с треснувшим – левым – подфарником – и отправиться – в Рам-

аллу. Вы будете ехать – по шоссе Тира – затем свернете – на улицу – Эль-Баладия – после чего – проследуете – в Старый город – к крепости – крестоносцев. Там – имеется – башня – Аль-Тира. Она очень – большая – и, безусловно, – вам известна. Напротив нее – вы увидите – стоянку – автомобилей...

Юсеф прекрасно знал, о какой стоянке идет речь. Огромная стоянка! Когда ее строили, рассчитывали на уйму туристов. А сейчас – какие туристы? Стоянка явно пустует. Ну заедет иногда нефтемагнат какой-нибудь щедрый или европейский правозащитник. А так вокруг – никого. Человека там прихлопнуть и труп спрятать – никаких проблем.

– ...Убедительно – прошу вас – приехать – на эту – стоянку – как можно – скорее. Я тоже – уже в пути. Так что скоро – встретимся. Кстати – захватите – Мазузов – мобильный. Я вам – кое-что – передам...

«Весом в девять граммов», – мысленно добавил Юсеф.

– ...и мы разъедемся.

«Он в Газу, я – машааллах – к семидесяти двум девственницам», – про себя закончил Юсеф.

* * *

В первый раз мухтару деревни Бурка были выделены правительством Хашимитского королевства Иордания пятьдесят миллионов динаров на строительство дороги, ведущей на восток. Мухтар не взял себе ни копейки – все пустил на строительство новой виллы для владельца окрестных земель шейха Абу-Хакима. Тут грянула Шестидневная война. Бурка оказалась под пятой оккупантов. Первое, что сделали новые власти, – это выделили деньги на строительство дороги. Мухтар пожал плечами и построил шейху еще одну виллу. После чего его вызвали в Министерство строительства, объяснили, что вновь выделяемые деньги имеют целевое назначение, что они должны быть потрачены на дорогу и ни на что больше. Мухтар все понял и передал деньги шейху. Шейх растрогался и построил виллу мухтару. Власти плюнули, перестали выделять деньги, и унылый проселок, многократно фотографируемый израильскими и иностранными корреспондентами, стал символом нищеты и угнетения палестинского народа. Потом началась Первая интифада, выяснилось, что одними джипами не обойтись, придется гонять и легковушки с мотоциклами, и для армейских нужд была построена бетонка. Больше всего возликовали жители Бурки и окрестных деревень. Они срочно стали учиться вождению и приобретать «субару» и «фиаты», благо теперь было, где гонять. После того, как в 1994 году создали Палестинскую автономию, правительство Рабина в качестве жеста доброй воли передало новым властям деньги на дальнейшее строительство дороги. За жест поблагодарили, а деньги пошли на нужды палестинской революции. Спустя два года правительство Нетаньягу опять передало революционерам деньги. Но к этому времени Автономия уверенно стала на ноги, штат ее работников разросся, а у каждого семья, причем, в соответствии с законами шариата, сложносочиненная. Так что нужды Революции тоже возросли. Следующим, кто предоставил деньги на строительство дороги, стало правительство Эхуда Барака. Палестинцы в тот момент активно готовились к новой войне с Израилем, которую они начали два года спустя и назвали Второй интифадой. Из-за границы везли оружие и боеприпасы, так что деньги пришлось очень кстати. Во время «Второй интифады» израильтяне – опять же в военных целях – построили еще несколько десятков километров бетонки, протянув ее до деревни Таллуза, к северу от Шхема, а затем соединив с пятьдесят пятым шоссе, по которому можно было ехать хоть в Иерусалим, хоть в Галилею.

Именно в районе Бурки и свернул на восток Юсеф в своем лиловом «мерседесе», вместо того, чтобы мчаться на юг, где возле старинной башни аль-Тира ждал его, навинчивая глушитель на дуло револьвера, дружелюбный Камаль. Дорога соскальзывала с одного склона и взле-

тала на другой. Склоны не были крутыми, линии их были нежны, как линии плеч у Рамизы. Юсеф спустился в Бикат-Санур, Санурскую долину, затем снова взобрался на горный хребет... Впрочем, хребтом этот в несколько тысяч раз увеличенный диванный валик назвать было довольно трудно. Юсеф траверсировал его, увидел издалика хаотично белеющие постройки Наблуса, которые мгновенно скрылись за лысой горой Эйвал, миновал оставшуюся слева многоэтажную деревню Таллуза и выкарабкался на шоссе, пронизывающее Самарию с севера на юг. На юг он не поехал – Рамалла ему не была нужна. Повернул на север и вскоре въехал в деревню Мухайям Фариа. Он старался обо всем забыть и думать о Рамизе. Вообще-то, Рамиза была единственной в мире реальностью, все остальное – лишь ненужным миражом. Проблема заключалась в том, что оно, это остальное, не знало о том, что оно мираж, и настолько нагло предъявляло права на истинность, что порой вконец запутавшийся Юсеф начинал ему верить.

Он ехал мимо старых одноэтажных домиков. Временами навстречу попадались разбитые машины. Зелени почти не было видно, лишь кое-где топорщился высохший кустарник. С горы шерстяными шариками скатывалось стадо овец. На пригорке стоял задумчивый осел и пожевывал колючки. Лиловый «мерседес» Юсефа остановился возле относительно высокого и ухоженного дома с «кайсариями» – сводчатыми потолками, как на старых крытых рынках. Юсеф резко затормозил и выскочил из машины. Буквально на ходу он щелкнул ключом электронного зажигания. Машина пискнула, моргнула электрическими фарами и уснула. Юсеф огляделся. Ни автомобилей, ни людей поблизости не было. Он заглянул в освещенное окно. Расем был один в комнате. Юсеф тихо постучал, даже не постучал, а пробежался подушечками пальцев по стеклу, как пианист по клавишам рояля. Расем поднял глаза. Юсеф описал круг пальцем в воздухе, мол,пусти меня. Расем двинулся к двери, и Юсеф, поднявшись по криво вырубленной из камня лесенке, вошел в дом. Через пятнадцать минут дверь опять отворилась, и на пороге появился Расем. Он посмотрел налево, направо – вроде бы все тихо, только мухи гудят над недавно раздавленной, да так и оставшейся лежать посреди дороги бездомной собакой.

– Выходи! – шепнул он, обернувшись. Тучный Юсеф протиснулся мимо него и сбежал по ступенькам. Уже выезжая из деревни, он позвонил Камалю.

– А – Юсеф – слава – Аллаху. Куда вы – запропалились.

– А вы меня ждете?

– Конечно – жду.

– И глушитель уже накрутил, верблюжье отродье?

– Какой – еще – глушитель. Вы что-то – не то – говорите... – голосом, лишенным эмоций возмутился Камаль, машинально кинув взгляд в сторону «бардачка».

– В общем, слушай, Камаль, и очень внимательно. Ждать ты, конечно, можешь еще сколько хочешь, если тебе делать нечего, но сотовый телефон Мазуза Шихаби я выкинул, а все, что покойный его дружок там наговорил, я переписал на диск. Диск этот находится в надежном месте и у надежных людей, которые знают, куда его передать в случае, если со мной что-нибудь случится. Для меня это залог того, что я не получу от вас в подарок пулю в затылок. Мне придется по-прежнему верой и правдой служить Хозяину – после того, как я уюкошил целую семью, включая грудного ребенка, мне деваться некуда. Но если вы, верблюжьи отродья, против меня хоть что-то предпримете, знайте – мне терять тоже нечего. Не успеет ваша пуля долететь до моей несчастной башки, как диск окажется на столе у Мазуза.

Ошарашенный Камаль молчал ровно полминуты. Ситуация неожиданно вышла из-под контроля, и под контроль надо было ее вернуть. Юсеф говорит, что верно будет служить Хозяину. Что ж, может, оно и к лучшему. Сейчас, когда проводится столь сложная операция против Шихаби, не с руки лишаться своего человека в Эль-Фандакумие. Однако через две недели, после того, как этот человек поймет, что Шихаби вот-вот уничтожат и сам он Хозяину больше не нужен, он может запаниковать и броситься к Шихаби. Не дожидаясь этого, его надо будет убрать. Полминуты хватило на то, чтобы Камаль своим кибернетическим мозгом просчитал

все варианты, после чего он, откашлявшись, произнес, аннигилируя, как обычно, любые вопро- сительные интонации:

– Ну что – вы – Юсеф. Пока – вы нам – служите – никто вас – убивать – не будет. Наоборот – мы даем вам – новое задание. Возвращайтесь – в Эль-Фандакумие – поприсутствуйте – на похоронах – семьи Сидки – а начиная – с шести часов – займите наблюдательную позицию – так чтобы проследить – кто – из жителей – Фандакумие – на военной базе – на месте – еврейского поселения – выйдет – из штабного – вагона.

* * *

Да, тяжело быть отпрыском известного политика! Коби поднялся со стула, прошелся по линолеумному полу, снял с полки брошюрку и пролистал. Он тогда, летом, только начал ее читать. Даже до создания поселения Канфей-Шомрон не дошел. Читал про Холокост, про Войну за Независимость. Может, почитать сейчас? Вдруг мятежный рав какую идейку против самого себя и подкинет?

Коби снова сел за столик, закурил «Ноблесс» и наугад раскрыл брошюру. Надо же! В точности на том месте, где полгода назад остановился. Ну-ка, ну-ка...

* * *

«– Плохо дело, – сказал Менахем Штейн и задумчиво провел пальцами по густой черной бороде, словно пытаясь собрать ее в горсть. Странно было видеть, как растерян этот человек, который прежде, точно опытный лоцман, всегда знал, где повернуть, чтобы обогнуть скалы, и как не сесть на мель. Менахем был не просто адвокатом. Однажды, месяца полтора назад, он приехал обсудить, как лучше всего в суде защитить наши интересы, засиделся допоздна и заночевал в палатке... В этой палатке он с тех пор и поселился. В Петах-Тикве у него жили жена и сын с дочерью, готовые переехать к нам, как только будет дано разрешение на дальнейший завоз караванов {Времянки в виде вагончиков без колес.}. Пока же по распоряжению БАГАЦА, Высшего Суда Справедливости Израиля, развитие поселения было прекращено вплоть до рассмотрения жалобы некоего Хусейна Маджали по поводу того, что мы обосновались на его территории. Менахем послушно обитал в палатке в трех метрах от моего каравана на травянистом склоне той самой горы, где когда-то я встретил таинственного двойника моего отца. Наше новорожденное поселение мы называли Канфей-Шомрон – «Крылья Самарии».

Представляете, адвокатский «мерседес» с изумлением проводит ночь под открытым небом, прижавшись сверкающим крылом к палатке, что скособочилась в результате ночного налета самарийского ветра. На рассвете из этой палатки вылезает коренастый чернобородый Менахем в двубортном костюме, шерстяном, черном в белую полоску, и, на ходу стряхивая с обшлагов брюк колючки и сухие травинки, садится в этот самый «мерседес», проверяет, на месте ли заветная «джеймсбондовка» с документами, и едет по самарийским грунтовкам.

А в тонированных окнах, привыкших отражать пантеры глаза встречных автомобилей и алые пасти реклам, мельтешат скалы, похожие на лошадиные зубы, и белые арабские улицы с усачами, хмуρο глядящими вслед лимузину с ненавистным желтым номером {Желтые номера на автомобилях принадлежали израильтянам, синие и зеленые – арабам.}.

И вот сейчас в недавно построенной синагоге – сарае, который мы с гордостью называли словом «цриф» – «хижина», он вновь и вновь проводил согнутыми пальцами по бороде и говорил своим знаменитым басом, столь часто во время процесса гипнотизировавшим и публику, и истцов с ответчиками, и, главное, судью:

– Вы создали здесь поселение, вы построили столовую и синагогу, поставили пятнадцать караванов и несколько палаток. Главное... или вам казалось главным... что есть разрешение

правительства на создание поселения. Слава Б-гу, времена на дворе наконец-то настали неплохие. У власти правые, премьер-министр Бегин откровенно нам сочувствует, полицейские расправы ушли в прошлое, поселения появляются одно за другим. Уже восстановлен существовавший до Войны за Независимость к юго-западу от Иерусалима блок поселений Гуш-Эцион. Создан новый блок поселений в секторе Газа – Гуш-Катиф. Вашими усилиями вновь появился еврейский квартал в Хевроне, а рядом – поселение Кирьят-Арба. Дошла очередь и до Самарии. Восемь раз наша группа переходила Зеленую черту {Граница 1967.} и разбивала палатки и восемь раз солдаты нас за руки – за ноги забрасывали в грузовики и увозили обратно. Наконец, мы привели тысячи людей – и победили. Мы получили разрешение на создание поселения здесь, на этой горе. Мы не слишком волновались, когда началась эта канитель с БАГАЦем, даже когда сюда прислали солдат следить, чтобы мы втихаря не занимались строительством. Ну и что с того, что земля формально принадлежит какому-то там Хусейну Маджали?! По закону, существующему еще со времен турок, если на земле нет построек либо посадок, государство вправе забрать дикий клочок земли у нерадивого хозяина. Вы все это прекрасно знаете. А здесь пустошь, которой в жизни никогда не касалась рука хозяина. Даже трава редкая и жесткая... – он потер правый бок, упакованный в черную с белыми полосками шерсть двубортного пиджака. – И лишь одного факта мы не учли: не далее как два с половиной месяца назад наш уважаемый глава правительства заявил, что Иудея, Самария и Газа носят статус, определенный Женевскими конвенциями как временно оккупированные или контролируемые территории, а на такие земли вышеуказанное уложение не распространяется...

Наступившую тишину можно было в прямом смысле назвать мертвой или гробовой. Все встали, словно провожая в последний путь мечту о создании поселения Канфей-Шомрон, распростершего одно крыло над Кфар-Сабой, а другое над Шхемом. Казалось, еще мгновение – и раздастся озвученное срывающимся голосом какой-нибудь из присутствующих женщин: «И-и-и! Земля наша родная! На кого же мы тебя покинем?!» Но все молчали. Только мой друг Натан Иzaak отвернулся, и по сжатым кулакам его я понял, что лучше в лицо ему сейчас не смотреть. Сам я понимал, что должен это пережить, но не понимал, как. Когда моего отца опускали в землю, я еще не осознал его смерть. Спустя десять дней на этой самой горе я уверовал в то, что он жив. И вот сейчас по-настоящему настал час прощания.

Почему Бегин фактически отказался от права на земли, политые нашей кровью и подаренные нам Вс-вышним? Очевидно, мало евреям выйти из гетто. Нужно, чтобы гетто вышло из евреев. А пока не вышло, еврей неосознанно вытягивается во фронт перед господином комендантом. Помните Гжимека? И Бегин, и тем более – те, кто были до и особенно после него, стали срочно искать себе Гжимека. Впоследствии они его нашли.

А тогда мы стояли и без слов молились об одном: «Б-же! Не дай отчаянию одолеть нас! Б-же! Не дай отчаянию одолеть нас!».

– Есть, правда, один вариант, – продолжал Менахем, – но не знаю, приемлем ли он.

Все лица повернулись к нему. Только мой кровный друг Натан, сын Давида Изаака, вечного оппонента моего отца, почему-то продолжал стоять спиной, хотя, судя по тому, как напряглась его спина, он тоже внимательнейшим образом слушал.

– На территории, оккупированной или временно контролируемой, оккупационная власть имеет право отобрать у местных жителей кусок бесполезной или даже полезной площади с «территорий» в военных целях... А здесь – в стратегически важной для нашей обороны точке, на горе, откуда просматриваются и простреливаются...

– Ты предлагаешь создать здесь военную базу? – спросил я.

– Не военную базу, – воскликнул он, – а военное поселение! Есть такой термин! Поселение, созданное по стратегическим соображениям. Армия, без сомнения, поможет нам и будет ходатайствовать о...

– Не-е-т! – раздался буквально крик Натана. Он повернулся к нам лицом, перекошенным от боли. – Не-е-ет! Не по стратегическим соображениям! Мы пришли жить сюда не по стратегическим соображениям! Мы пришли сюда жить потому, что мы евреи, потому, что это наша земля!

– Эта земля... – начал я тихо, но так, что Натан почему-то осекся, – эта земля завещана нам отцами... отцом... Отцом... в первую очередь для того, чтобы... чтобы за нами не приходили и чтобы нас не выдавливали. А это и есть самые что ни на есть стратегические соображения.

Большинство присутствующих – и в первую очередь Натан – тысячу раз слышали от меня историю моего отца и поняли, о чем речь.

– А уйти, встав в красивую позу, – продолжал я, – и отдать наши земли на растерзание...

– А так – признать, что это не наши земли! – мой ближайший друг глядел на меня с такой ненавистью, какая явно не подобает религиозному еврею. Впрочем, сам он по сей день утверждает, что никакой ненависти на дух не было, а было лишь возмущение моими словами, которые он тщательно отделял от того, кто их произносил. – Вы забыли слова нашего учителя, рава Авраама Кука: «Страна Израиля неотделима от народа Израиля!». Не будет вам безопасности, если начнете Страной торговать! Б-г не даст вам безопасности!..»

«Интересно, какой из себя этот Натан Иzaak, – подумал Коби. – Наверно, этакий амбал с громовым голосом. Должно быть, покруче самого Фельдмана будет!»

«Заскрипела дверная ручка. Дверь приоткрылась. В первый момент показалось, что она это сделала сама собой, и только потом все увидели выплывшего из темноты, жмурящегося от света керосиновой лампы моего четырехлетнего Амихая. Он обвел заспанным взором присутствующих и, провозгласив: «Папа!», направился ко мне, поскуливая на ходу, как щенок, которого выгнали под дождь из теплого дома. Я подхватил его на руки, он тут же свернулся в клубок и через минуту сонно засопел.

Натан с нежностью посмотрел на него, потом с негодованием – на меня. «Какой опасности ты собираешься подвергнуть жизнь этого ангела?!» – говорили его глаза. «А ты?!» – ответил я молча».

* * *

Давно уже возле Шхема-Наблуса нет Дубравы Учителя. Давно уже вырублены древние дубы. Единственное, что напоминает о них, – это слово «Балата», что по-арабски значит «дуб». Так называется находящийся здесь лагерь беженцев – скопище бетонных барачков. Да на горе еврейское поселение так и называется – Элон-Море. Дубрава Учителя.

А еще есть заброшенный сад возле Замка Тоукан, турецкой крепости пятнадцатого века, расположенной в Старом городе. Человек, отправивший этой ночью Мазузу Шихаби электронное послание, теперь, наслаждаясь солнечным утром, сидел там с закрытыми глазами под темно-зеленым платаном, усеянным цветами, похожими на розовые свечи. Сейчас, сейчас он в который раз отправится в ставшее привычным, но всегда прекрасное странствие. Наблус вновь станет Шхемом, древним Шхемом, его Шхемом. Живительный ветер воскрешал славные времена. В вышине перешептывались дубы, под которыми некогда пришельцы с берегов далекого Евфрата с восторгом слушали своего вожака – великого странника Авраама. А потом их внуки. И вот уже он, Даббе, среди них. И вот уже нет на нем кожаной куртки и вельветовых брюк, и горло не стянуто воротничком и галстуком. Длиннопольный плащ из крашеной козьей шерсти обнимает тело, на ногах – цветные сандалии из кожи молодого бычка, медные браслеты приятно холодят запястья и щиколотки, с левого плеча свисает лисий хвост. Тогда в Шхеме...

* * *

«Утро выдалось неожиданно теплое для зимы, – продолжал читать Коби. – Менахем вылез из палатки, почесал заколтуневшую бороду, подумал-подумал, да и снял пиджак. На заключительное заседание БАГАЦа мы ехали впятером. Солнышко раскошело, распоясалось, Амихай на руках у провожавшей нас Бины улыбался вовсю, помахивая мне ручкой, настроение было хорошее, и в победе мы почти не сомневались. Иерусалим нас встретил недавно построенными на отвоеванных пустошах желто-бежевыми кварталами, которые мы тоже воспринимали как знак укрепления нашего присутствия на Святой земле. Дома были мощными, словно бастионы, готовые выдержать любой удар.

Но когда мы вошли в зал суда, внутри вдруг что-то тревожно екнуло. Показалось, что украшающий стену здоровенный квадратный стеклянный щит с изображенным на нем семисвечником странным образом мерцает, а два израильских флага по краям длинного стола, за которым заседали три судьи, неожиданно затрепетали.

– ...Оглашается решение суда. В связи с тем, что разрешение на создание поселения на земле, принадлежащей господину Хусейну Маджали, выдано Министерством внутренних дел Израиля 7 июля 1977 года, а ходатайство от Министерства обороны подано в правительство лишь 14 января 1978 года, никак нельзя считать, что поселение создано из стратегических соображений, а следовательно, оно не может обладать статусом военного поселения. Поэтому Высший суд справедливости государства Израиль постановляет отменить разрешение Министерства Внутренних Дел от 7 июля 1977 года на создание поселения на земельном участке, принадлежащем Хусейну Маджали, и обязать лиц, находящихся на его земле, немедленно ее покинуть.

В зале суда начало темнеть. Очень быстро. Через какую-то секунду все исчезло. Наступила глухая ночь. Не было ни судьи, бесстрастно зачитывающего решение, ни бородатых арабов, радостно обнимающих счастливого Маджали, ни печальных лиц моих друзей. Были только мы вдвоем – я и мой отец. Он набил длинную, черную, слегка изогнутую трубку своей любимой «Нахлой», пошарил по карманам и глухо сказал «Дай прикурить!» Я чиркнул зажигалкой. Проклятая «Нахла» никак не хотела разгораться, я все пальцы себе обжег. Отец, так и не раскурив трубку, начал медленно отступать в темноту. Я достал сигарету и закурил сам. И тотчас услышал крик дежурившего в зале полицейского:

– Господин, прекратите курить! Вы находитесь в помещении Высшего суда справедливости!

Резко рассвело. Флаги по бокам стола провисли. Я посмотрел на судью. Судьи не было. Был закон. Закон смотрел на меня глазами, стеклянными, как квадратный щит с семисвечником. Медленно и сладко я затянулся, высосав треть сигареты зараз, и побрел вон из зала, не обращая внимания на оклики полицейских, друзей, врагов...

К Канфей-Шомрон мы подъезжали уже когда сумерки взяли долину за горло. Шоссе сменилось бетонкой, бетонка – грунтовкой. А вот и та полянка, дальше которой дороги нет, полянка, на которой застряли убогие «фольксваген», «рено», «пежо» и «симка», принадлежащие нашим первопроходцам. Все, кто оставался в лагере, сгрудились вокруг площадки. Как потом выяснилось, Натан на серенькой «симке» Цвики Блоха уже успел сгонять на военную базу и позвонить оттуда лично Ариэлю Шарону. Тот занимал пост министра сельского хозяйства и был нашим главным другом в правительстве. Он присутствовал на всех заседаниях Суда и две недели назад пламенной речью о смертельной угрозе, которая нависнет над страной в случае, если не будет создано наше поселение, чуть не поколебал судейские сердца. Приезжал он и на последнее заседание и, вернувшись к себе в Министерство сельского хозяйства, сообщил обрывавшему провод Натану горькие новости.

Так что о приговоре, вынесенном нашему поселению, все уже знали. Да и радио захлебывалось. Когда мы вышли из машины Менахема, меня поразило, что молчат все, даже дети. Натан – невысокий, щедедушный, с прыгающей походкой...»

«Вот тебе и амбал!» – разочарованно подумал Коби.

«...В своей желтой куртке, в некоторых местах неотстирываемой измазанной смолой здешнего негустого сосняка, он первым подошел ко мне, крепко обнял и твердо сказал: «Мы никуда отсюда не уйдем»».

* * *

«Легко сказать «мы отсюда не уйдем»! Начни Бегин нас выселять, мы не смогли бы даже толком сопротивляться. Солдаты жили здесь же, разгуливали среди наших палаток и караванов, следили, чтобы мы не начинали новое строительство. В любой момент они могли получить приказ ликвидировать несостоявшееся поселение. И что тогда?»

Хорошо хотя бы, что арабы, издали завидев солдат, резко удалялись. Во-первых, они наивно полагали, что солдаты прибыли для нашей защиты, а во-вторых, в те далекие годы еще уважали Израильскую армию.

В газетах велась перестрелка. Кто атаковал нас, кто БАГАЦ, кто правительство. Впрочем, правительство атаковали все кому не лень, включая его собственных министров: одни – справа, другие – слева. В общем-то, за дело. Одновременно объявлять территории оккупированными и строить на них поселения – это лихо.

Про нашу с Натаном ссору уже все забыли. Мы вновь были лучшими друзьями. А в остальном – жизнь была адская. Из-за нехватки воды и антисанитарии дети болели. Жара и холод нас достали. Не то чтобы мы привыкли к сильно тепличным условиям. Три года назад, когда с боем добились разрешения на создание первого поселения в Самарии и поначалу обосновались в складских помещениях на военной базе Кедум, так там вообще по крохотуле-Амихаю крысы бегали. Нет, мы были готовы сражаться еще десятки лет, несмотря на усталость. Но усталость при этом никуда не девалась.

Представители правительства регулярно приезжали на переговоры – все пытались придти к какому-то соглашению. Мол, сейчас вы соберите манатки, а мы подумаем, поищем, глядишь, какой-другой кусочек земли вам и отстегнем, ну вот честное слово! Иногда после очередной дискуссии в табачном дыму где-нибудь в нашей дощатой столовой или на пригорке с видом на обрамленную зелеными хребтами долину Дотан, мои друзья начинали прогибаться. Уж больно собачья была у нас жизнь в отрыве от всех, и больно красочно эмиссары Бегина обрисовывали нам светлое будущее нашего поселения... в другом месте. Да и честное слово тогдашних лидеров страны было еще действительно честным. Короче, все чаще во время таких дискуссий мы – я, Натан, Менахем, – ловили на себе вопросительные взгляды наших друзей, наших единомышленников, тех, что оставили теплые гнезда и пустились в возглавляемую нами авантюру. Натан стоял насмерть. Мы возвращаем еврейскую землю еврейскому народу, выполняя тем самым заповедь Вс-вышнего. Его и только Его мы и должны слушаться. А БАГАЦ нам не указ.

Менахем разводил руками – дескать, вот так же Бегин разведет руками, не пуская нас на новое место, и скажет: «Когда я давал слово, то искренне хотел». А так мы уже здесь.

Что же касается меня... Когда я смотрел на эти горы – невысокие, осыпанные белыми камнями, тонущие в хамсинном мареве, – когда, поднявшись на хребет, я пытался отыскать на пяточке глинистого грунта след проехавшего здесь десять лет назад танка, словно последний след моего отца, – головой я понимал, что другая гора может оказаться стратегически не хуже. А может и не оказаться. Для меня это не имело никакого значения. Мое место было здесь.

* * *

Это был не тот Шарон, которого вы привыкли видеть на телеэкранах, не Шарон времен премьерства – располневший, если не сказать расползшийся, с бегающими глазками. Живой, энергичный, в два раза худее, чем сейчас, он и тогда был «бульдозером», так же шел напролом, но сознательно, а не по инерции. Выполняя функции сугубо штатские, в Канфей-Шомрон, тем не менее, он почему-то приехал на армейском джипе. Несмотря на полноту, буквально выпорхнул из машины и, размахивая какой-то синей папкой, бросился к нам, крича: «Хаим! Менахем! Натан! Скорее сюда!».

То, что он нам привез, означало победу. Полную. Почти. Это было решение правительства о создании нашего поселения – правда, не здесь, а по другую сторону Шхема, на горе Кабир. С точки зрения стратегической, новое место было еще лучше. С него открывался вид и на долину Тирца, и на Иорданскую долину. С него просматривался, а в случае необходимости и простреливался, Шхем. Ясно было, что упускать такую блестящую возможность никак нельзя.

Все молча глядели на нас троих. Но Натан ничего не говорил, лишь лицо его было белым, как луна, которая как раз в этот момент с интересом высунулась из-за туч. Менахем, который в жизни не курил, попросил у меня сигарету и, очевидно, счел свою миссию выполненной. Следовательно, отдуваться за всех суждено было мне. Радость набухла в наших друзьях, но для ее взрыва, для многократного «Ура!», для плясок под «Ам Исраэль хай!» {«Народ Израиля жив!»} нужен был детонатор. Все смотрели на меня и ждали.

– Мы победили, – ответил я и пошел прочь.

* * *

Мы вышли одновременно – я из каравана, а луна – из-за туч. Все наше поселение, навеселившись, спало. В празднестве принимали участие и солдаты, которым, по-моему, здорово обрыдло контролировать наше поведение. Теперь наступила тишина, прерываемая стонами окрестных шакалов. Гора смотрела на меня, шевеля редкими ресничками сосен.

– Уезжаешь? – спросила Гора.

– У меня нет другого выхода.

– А как же я? – спросила Гора.

– Но если я сейчас не уеду сам, меня выселят насильно; нас все равно с тобой разлучат.

– Мне будет плохо без тебя, – сказала Гора.

– Мне тоже будет плохо, но я... я ненадолго. Я попробую что-нибудь сделать. Как только мы обоснуемся на Кабуре, я вновь начну прокладывать путь сюда.

– Я не смогу без тебя, – сказала Гора.

Мне нечего было ответить. Я не понимал, что творится.

– Отец! – закричал я. – Отпусти меня!

– Я тут ни при чем, – ответил отец и, попыхивая трубкой, скрылся в ущелье.

На скалы, на россыпи белых камней, сверкающих в лунном свете, на козьи тропы, на лохматые сосны огромными клочьями ваты обрушился туман. Он перерос в дождь – последний дождь перед наступлением лета. Несильный, нежесткий. На плоских глыбах быстро образовались лужи. Капли падали в них, словно семена жизни, чтобы со временем прорасти – сперва стеблями, а затем зернами и плодами, и дарить нам жизнь. С краев глыб стали срываться ручейки и разбегаться черными ящерками – кто к Иордану, кто к Кинерету, кто к морю, а кто – в землю. Я протянул ладонь, и на нее упало несколько капель. Я попробовал их на вкус. Капли были солеными.

Окончательно развинтившаяся дверная ручка с лязганьем шмякнулась на железное крыльцо. Дверь нашего каравана приоткрылась, и, осторожно перешагнув через высокий порожок, на крыльцо вышел Амихай. Он вопросительно смотрел на меня. Было в его взгляде что-то от взгляда горы, да и реснички, как сосенки...

– Амихай, – сказал я, – ты знаешь, мы скоро переезжаем. Мы будем жить на горе Кабир. Там еще лучше, чем здесь. Там мы будем смотреть на высокие горы Эваль и Гризим, где наши прапрадедушки клялись Б-гу в верности, внизу будет древний Шхем, куда когда-то пришел наш прапрапрадедушка Авраам. И будет у нас там не караван, а большой красивый дом, прямо-таки дворец: с ванной, с цветами на окнах и садиком у крыльца.

Амихай закрыл глаза, все это себе представил, потом опять взглянул на меня и тихо сказал:

– Папа, а давай останемся здесь.

* * *

Большая ночная бабочка кружилась под низким плохо выбеленным потолком нашей углой синагоги, нашей «хижины». Ноги у этой бабочки были длинные и кривые, как у ядовитого паука, и выглядела она довольно жутко. Все невольно провожали ее взглядом, и я использовал эту мгновенную передышку, чтобы глотнуть содовой, откашляться и, главное, – собраться с духом. Затем я начал:

– В заявлении, которое мы подали в правительственные инстанции, с просьбой разрешить нам создать поселение, имеется сто тридцать два имени. Фамилий, правда, поменьше, потому как первыми, кого человек втягивает в общее дело, являются, как правило, его братья, сестры, ну и жена, разумеется. Все это не имеет значения. Всем понятно, что сто тридцать две подписи не означает, что сто тридцать два человека поселятся на горе Кабир...

Лица моих друзей напряглись: к чему, дескать, он клонит?

– Так вот, мы с Биной решили остаться здесь, – взял я быка за рога. – Если после того, как вы переселитесь, возникнет проблема с караванами, мы готовы по первому требованию переселиться в палатку и передать вам караван.

Первым молчание нарушил Натан.

– Я тоже остаюсь! – воскликнул он, вскочив с места. – Мой принцип – еврей не уходит оттуда, где он...

Натан на секунду замялся в поисках нужного слова, и я машинально за него закончил:

– ...окопался!

– Нет, Хаим, – с укором сказал Натан. – Не окопался. Укоренился.

– Как бы то ни было, – примирительно сказал я, – ты тоже остаешься.

– И я, конечно же, тоже, – объявил Менахем. – Кабир уже наш. Пусть часть ребят туда отправляется. Здесь же еще придется повоевать. А в мирное время кто главный воин? Адвокат.

Тут началось то, чего я больше всего боялся. «Я тоже остаюсь» – стали раздаваться голоса с разных концов синагоги. «И я! И я! И я!»

Короче, вчера все кричали «ура», сегодня все решили остаться. Пришлось прекращать это стадное безобразие.

– Подождите, подождите! – сказал я. – Большинство должно отправляться на Кабир. Там – главная работа. А здесь необходимо чисто символическое присутствие. Строить здесь все равно не дадут, а если начнут выселять, то, сколько бы семей ни осталось, нагнать солдат всегда можно в десять раз больше.

Наступила тишина.

– Ребята, – продолжал я. – Поймите, здесь достаточно десяти – пятнадцати человек. Ну двадцати, включая детей. А там – чем больше, тем лучше. Постройте большое поселение на

горе Кабир. Оттуда открывается вид на Шхемскую долину, на то место, где некогда стояла дубрава. Там праотец наш Авраам обучал адептов единобожия. И назовите свое поселение так, как это место называлось при Аврааме – «Дубрава Учителя». Элон-Море.

* * *

Лунное свечение едва-едва пробивалось сквозь облака. Гора стояла вся исполосованная козыми тропами... А может, то были шрамы от сердечных ран – ведь и у Горы есть сердце.

– Ну, теперь ты довольна? – спросил я и закрыл глаза.

Казалось, я физически ощущаю, как мне на лицо проливается лунный свет, словно Гора прикасается прохладными губами к моему горячему лбу.

* * *

Прежде, бывало, с утра то там, то сям детские голоса раздаются. Опять же Натан бегают, суетится, всех будит – кому-то надо на работу в Кфар-Сабу или в Натанию ехать, значит, пора всем подниматься, чтобы наши пташки ранние могли в миньяне утреннюю молитву прочесть. А с тех пор, как большинство уехало в Элон-Море, – тишина. Миньяна, то есть десяти молящихся мужчин, все равно не набирается. Дети только у нас с Бинной да у Натана с Юдит. Так что спи хоть до девяти. И так все лето. Но в то утро мне показалось, что кто-то меня ухватил за плечо стальными клещами. «Менахем», – понял я, не размыкая век. И точно! Над ухом – его бас: «Хаим! Вставай! Послушай, что по радио говорят!»

«Что, – спросонья пробормотал я, – уже движутся бронетанковые дивизии нас выселять?»

Вместо ответа чернородый адвокат выскочил из моей спальни в салон, служивший по совместительству кухней, и включил на полную мощность транзистор, стоявший на краю псевдомраморного покрытия, в центре которого хлюпал вечно протекающий кран.

Дикторша завершала казенным голосом: «...заявил буквально следующее: «Очень горько, что на переговорах между группой «Канфей-Шомрон» и представителями правительства за три недели не достигнуто никакого прогресса. Если правительству не удастся придти к какому-либо соглашению с группой или, как его называли, ядром «Канфей-Шомрона» и переговоры с поселенцами зайдут в тупик, я подам в отставку»».

– Кто подаст в отставку? – спросил я, еще не проснувшись. – Ясир Арафат? Джимми Картер?

– Дурак! – заорал вышедший из себя Менахем. – Какой к черту Картер? Мой тезка! Менахем Бегин!

Я не обиделся на его эпитет в мой адрес – отчасти потому, что сам с ним согласился, а возможно потому, что до меня понемногу стало доходить услышанное по радио. И пока я еще с полузакрытыми глазами бормотал утреннее приветствие Ему – «Благодарю Тебя, Царь живой и вечный за то, что возвратил мне душу мою милосердно», в омуте моего сознания ситуация понемногу прояснилась. Итак, из-за девяти придурков в кипах и членов их семей, которые поселились на чьей-то чужой полянке размером тридцать на сорок метров и тупо отказываются переселяться, могло пасть правительство четырехмиллионного государства. В том, что Бегин сдержит обещание и, в случае провала переговоров с нами, действительно уйдет в отставку, можно было не сомневаться. Это был Бегин, еще не сломленный Кемп-Дэвидом { В Кемп-Дэвиде премьер-министр подписал договор с Египтом, по которому арабам передавался Синайский полуостров, а расположенные там еврейские поселения и город Ямит уничтожались. }, не лгущий и не идущий на компромиссы с совестью.

Что тут началось! Левые, кои имели пребывать в оппозиции, завизжали от восторга, а правые... К нам зачастили министры, члены Кнессета, члены Совета поселений – все упрашивали нас убраться из Канфей-Шомрона, лишь бы сохранить власть правых в стране. Часами, сидя на плоской глыбе известняка в жидкой тени сосен над раскрытым томом Талмуда, я уносился мыслями прочь от рабби Акивы и рабби Гиллеля и мучился сомнениями – а может, лучше отступить? Если к власти придут левые, то всех нас все равно выселят, и не только отсюда – найдут предлог, чтобы раздавить те десятки поселений, которые мы создали за последние годы. И все из-за нашего упрямства. Я бросал взгляд на мою Гору. Она смотрела на меня сухими черными глазами пещер и молчала. Резкий ветер, гудя, ворвался в долину, ударился о скалы и вернулся ко мне хриплым криком хребтов: «Не бросай нас! Мы твои!»

Есть Третьейский Судья, помогающий находить решения в спорах, которые порой бывают посложнее, чем эта свара между Менахемом Бегинным и хребтами Самарии. Парадным подъездом во дворец Его мудрости обычно служат книги, в которых толкуется Закон. Сейчас я чувствовал, что на воротах этого подъезда висит большой амбарный замок. Но есть потайная дверь, запасной вход, тайный туннельчик, о котором не знает никто, кроме каждого, кто желает о нем знать. Это молитва. Всю ночь я бродил по темным ущельям, по косым овечьим тропам и по распахнувшим пасти пещерам. Всю ночь я молился. Я говорил Вс-вышнему: «Пожалуйста, помоги мне найти выход! Дай мне знак – перешагнуть ли через себя или стоять на своем? А еще лучше, чтобы мне не пришлось делать ни того, ни другого, соверши маленькое чудо, подбрось какой-нибудь третий выход. Ну что Тебе, Вс-могущему, стоит!»

А через три дня ко мне подошел Натан и сказал:

– Ну вот что, Хаим! Мы не хотели тебя зря обнадеживать, и потому молчали. Но, похоже, дело выгорает. Собирайся и поедешь с нами.

– С кем «с нами»? – спросил я, ничего не понимая.

– Со мной и Менахемом.

– Которым? – задал я очередной идиотский вопрос.

– Штейном. А ты думал, с Бегинным?

– А куда мы поедем?

– Увидишь.

* * *

В жизни не видел домов более убогих, чем у этого Хусейна. Серый бетонный куб со сломанными решетками на окнах. Но кофе с кардамоном, которым он угощал нас в меджлисе – гостиней, обвешанной проеденными молью коврами – был отменным. Да и поданный на большом медном блюде с вычеканенным на нем орнаментом черный виноград навеки останется одним из вкуснейших воспоминаний моей жизни. За окном иссохшую землю робко трогал тонкими пальцами первый октябрьский дождик, который арабы почему-то называют «крестным». Конечно же, Хусейн был предупрежден о нашем визите – как впоследствии выяснилось, переговоры через посредников – таких же хитрых арабов, как и он сам – велись уже три недели. Но только позавчера наступил прорыв.

Он радушно принял нас и в течение часа настойчиво предлагал нам то кус-кус, то креветки, то бульон, почему-то с пряниками, и всякий раз горестно вздыхал, слыша наш отказ. Маслинами мы, впрочем, угостились.

– Кстати о маслинах, – пробасил Менахем, раскинувшись в типичном арабском кресле, предназначенном не столько для сидения, сколько для лежания, поскольку нормальные гости, в отличие от нас, после трапезы пребывают именно в таком состоянии. – Почему там, где сейчас стоят наши караваны, ты когда-то не посадил оливки? Или дом бы построил, что ли... Места-то какие! Обидно, что зря пропадают.

Хусейн настороженно молчал.

– Ты кто по профессии? – продолжил Менахем.

– Повар, – с обидой сказал Хусейн. – А вы даже моей стряпни попробовать не хотите.

– Это наши заморочки, – успокоил его Менахем, запуская пальцы в черную бороду. – А стряпню твою с удовольствием попробовали бы в э-э-э... где, говоришь, твой папаша торгует восточными сладостями?

– В Нью-Йорке, – пробормотал араб, по тону адвоката поняв, что тот и сам знает, где сейчас находится Маджали-старший.

– Это моему отцу надо спасибо сказать, – вставил Натан, вертя в руках давно не чищеную золоченую вазочку, покрытую арабской вязью.

– Ну вот, – согласился Менахем. – С папашей скооперируешься, глядишь, откроете арабский ресторан. Народ к вам валом повалит. Миллионами ворочать будете, к нам в гости на собственном самолете прилетать. Но это в будущем. А пока... шестидесяти тысяч долларов тебе за ту полянку, где наши караванчики стоят, хватит?

Потом уже мне Натан рассказал, что Хусейн прекрасно знал, о чем пойдет речь. Но в тот момент казалось, он потрясен этим предложением. А уж как я был потрясен! И еще больше потрясен – в следующую секунду, когда араб, вместо того, чтобы выкрикнуть что-нибудь вроде «Аллах акбар! Родиной не торгуют!», заявил: «Пятьсот тысяч и ни центом меньше!»

Сошлись на ста».

* * *

Коби задумался. Так значит, в свое время идею создания здесь поселения как важнейшего стратегического объекта поддержал лично Ариэль Шарон. Именно эти места он имел в виду пятнадцать лет спустя, когда в ответ на призывы левых в память о недавно убитом премьере начать немедленно отдавать территории, писал: «Оттого что Рабина убили, горные хребты Самарии не стали ниже и проходимее для арабских танков». Потом он сам сделался премьером. Что стало с хребтами, неизвестно, но Канфей-Шомрон и другие стратегические объекты уничтожены. Арабы растащили остатки домов и сожгли синагоги. Однако дальше стало происходить нечто непонятное – бывшую территорию Канфей-Шомрона объявили военной зоной, и арабов оттуда попросили. Некоторое время она пустовала, затем там построили бункер. Через месяц бункер был расширен до размеров укрепления, так называемого муцава, и заселен двенадцатью солдатами. Вскоре там возник так называемый миткан – временный военный лагерь с постоянно сменяемым контингентом. Наконец, примерно за месяц до описываемых событий, там была расквартирована рота парашютистов под командой капитана Якова Кацира, которая должна была стать ядром будущей стационарной военной базы. Жили пока в палатках, только штаб располагался в вагончике, да еще неделю назад завезли новые караваны, которые стояли пока пустыми, поелику не до них было. Все бы ничего, но ни евреи, ни арабы не могли в толк взять одного – зачем ради создания военной базы потребовалось уничтожить поселение?

* * *

...Запел телефон на столе, отрывая Коби от мемуаров рава Хаима и возвращая его к действительности с ее тупиковыми вопросами без ответов. «А вдруг в этом звонке спасение!» – подумал Коби, поднося трубку к уху. Так часто бывало в критических ситуациях – не знаешь, что делать, и тут какой-нибудь пустяк – телефонный звонок, случайно встреченный знакомый, неожиданно найденная в недрах ящиков стола давно потерянная вещь – становится чем-то очень важным или резко проясняет ситуацию. «А может, в этом звонке спасение?» – мысленно

произнес Коби, не подозревая, что попал в точку. В этом звонке действительно было спасение. И – гибель.

* * *

Медленно, еще под впечатлением видения, которое было у него в саду возле замка Тоукан, брел он к своей машине. Исходя сизыми выхлопами бензина, от которых начинало першить в горле, мимо проехал грузовичок, набитый отчаянно блеющими баранами. «Интересно, – подумал «Даббет-уль-Арз», – а верблюдов тоже в грузовиках перевозят? А в Индии – слонов? Техника, Шайтан ее забори. Только она в этом мире и меняется. Да еще костюмы. А все остальное – в точности как в его сне наяву. И все конфликты в так называемом Западном мире – суть те же раздоры между учениками Авраама и его детьми. Учениками, которые смотрят на мир, как на уютное кресло, и детьми, которые рвутся его переделывать. А кто арабы – ученики или дети? Биологически – дети, потомки Ишмаэля. А духовно – все равно ученики. Даже если представить, что Мухаммад был пророком, все равно все его учение – перепев еврейской Торы. А христиане, те и не отрицают свою вторичность. Так что ничего не изменилось. Все – как тогда в Шхеме.

* * *

– Капитан Яаков Кацир слушает, – отбарабанил Коби.

– Капитан, – заговорила трубка с сильным арабским акцентом, при этом голосом однотонным, как у робота, – насколько – нам известно – ваша база – находится – на холме – рядом – с Эль-Фандакумие. Следовательно – вы должны знать – так называемое – «Плато – Иблиса». Имеется в виду – некая – площадка – окруженная – скалами. Мы вам настоятельно – рекомендуем – в кратчайший срок – отправить туда – наряд. А – с позволения сказать – «корреспондента» – которого вы – отловите там – расспросите – как можно подробнее – о том – какие – имеются – у его хозяев – планы – на шестнадцатое января.

– Что?! – взревел Коби. – Кто вы? Откуда вы звоните?!

Но трубка уже умерла.

Несколько секунд Коби сжимал ее в руках, тупо на нее уставившись, затем срочно вызвал к себе сержанта Шмуэля Барака и приказал немедленно взять с собой одиннадцать солдат и отправляться на «Плато Иблиса».

После чего позвонил на телефонную станцию и выяснил, что звонили ему с телефона-автомата, расположенного в городе Газа на улице Салах Эд-Дин.

Опять шестнадцатое января!

* * *

Нет, это уже слишком! Неизвестно, чем Мазуз прогневал Аллаха, но явно прогневал. Все навалилось на него в один день, да что в один день – в одно утро! Сначала, в виде, так сказать, разминки, разболелось сухожилие. Потом выяснилось, что ночью кто-то вошел к нему в комнату и утащил мобильный телефон. Затем обнаружилось, что его верный охранник Халил, дежуривший в эту ночь, непонятно каким образом оказался в собственной квартире, вернее, на пороге ее, причем в убитом виде, а вместе с ним застрелены его беременная жена и четверо детей, включая грудного младенца. Ужасно, конечно, но все в руках Аллаха. Кисмет! {Кисмет (турецк.) от арабск. кисма – доля. Полная предопределенность Аллахом всех событий и судеб людей.} Да и Мазузу ли биться в истерике? Уж он-то насмотрелся в своей жизни на смерть

и детей, и взрослых, начиная с его собственной матери, которую в состоянии наркотической ломки он сам... Ну да ладно, что былое вспоминать! Мазуз устроил разнос двум другим охранникам – длинному Радже и коротышке Аззаму, после чего срочно вызвал корреспондентов израильских, западных и арабских газет и каналов телевидения. Вместе с ними отправился на место преступления. Бродя по комнатам, украшенным витиеватым орнаментом, перешагивая через трупы, он подробно рассказывал о ночном рейде бандитов из ЦАХАЛа, ворвавшихся ночью в деревню и зверски расправившихся с верным сыном палестинского народа, активистом «Союза Мучеников Палестины» и его личным соратником Халилом Сидки, а заодно и со всей его семьей. Корреспонденты понимающе кивали, фотографировали трупы, а потом, закончив дела, отправились информировать.

Тем временем Мазуз распорядился приступить к обряду гусул – обмывания тел. Покойников надлежало обмыть три раза: водой, содержащей кедровый порошок, затем водой, смешанной с камфарой, и наконец – чистой водой. Тут раздался звонок Абдаллы Таамри – срочно отправляй человека с видеокамерой на плато Иблиса. Здесь ждут распоряжений две команды: одна женская, чтобы омыwać Анни, вторая – мужская для всех остальных, а на том конце провода ждет Таамри. Ничего не поделаешь, Таамри поважнее. Пришлось отправлять. Отправил Ахмеда Хури – он и с камерой управляется, и разведчик опытный. Только начал, как хороший мусульманин, выяснять, не надо ли выплатить долги погибшей семьи, – еще звонок. Сообщают из Эль-Халиля. Там убит неизвестными корреспондент «Аль-Хайят аль-Джадида», по совместительству личный осведомитель и друг Мазуза, Ибрагим Хуссейни. Здравствуйте! Там убийство, здесь убийство...

Бедный Мазуз за утро опустошил пачку «Ноблесса» и вскрыл новую. В первую очередь надо было заняться семьей Сидки. Мазуз отдал нужные распоряжения. Пришлось, наконец, разобраться с долгами убитых и позаботиться о кафанах – саванах, – обеспечив бедного Халила и всех его сыновей, кроме Маруанчика, изорой, тканью для окутывания нижней части тела, а также камисой, рубахой до колен, и лифофой – тканью, покрывающей с головы до ног. Грудному Маруану достаточно было одной лифофы, а вот Анни к лифофе, изоре и камисе требовались еще химора, косынка, и хирка – полотно для покрывания груди.

Все это было сделано. Оставалось начать расследование, чтобы выяснить, кто на самом деле убил Ибрагима и связано ли это каким-то образом с Мазузом. Хорошо бы залезть в интернет и посмотреть там все, что известно об Ибрагиме Хуссейни. Но сначала – проверить почту; сегодня он еще ее не смотрел. Вдруг там еще какие-нибудь новости? Такой уж сегодня день веселый. Обнаружив пришедшее ночью письмо о сыне иудейки и разрушенном иудеями их же селении, Мазуз некоторое время тупо смотрел на экран компьютера, а затем издал вопль, с которого начинается эта глава. Действительно – это уже слишком! Значит, он, Мазуз Шихаби, рожден быть правой рукой Махди, да еще ему суждено убить Даджала, злейшего врага Аллаха. Правда, сколько себя Мазуз помнит, всегда говорилось, что Даджала должен убить во время второго пришествия пророк Исса, сын Марьям, тот, из которого после первого его пришествия неверные тупицы сделали себе божка. Но вот в этом хадисе говорится просто «сын Марьям», а как его будут звать – Исса или еще как-нибудь, например, Мазуз, – это неясно. Впрочем, даже если того будут звать Исса, на долю Мазуза тоже немало достанется. Начать войну, в результате которой Шайтан будет изгнан из мира, это не шутка. Недаром черным по белому написано: «И будет человек этот прославлен вовеки, как спаситель веры мусульманской, и не будет забыто имя его».

«Раджа! – морщась от боли в бедре, позвал он ординарца, сменившего на посту убитого Халила. – Принеси мне из библиотеки сборник хадисов Сунаджиба аль-Салиха!» Интересно, кто послал ему этот текст и зачем. Мазуз взглянул на электронный адрес отправителя. dabbetularz@gmail.com. Это ему ничего не говорило. Он посмотрел в своих адресах. Ничего нет. Вернулся Раджа.

– Сайиди, – сказал он. – У нас нет сборника хадисов Сунаджиба аль-Салиха. Есть сборник Сахиha аль-Бухари, есть хадисы Муслима, есть «Китаб ас-сунан» Абу Дауда, есть «Джами ас-сахих» Абу Иса Мухаммада ат-Тирмизи, есть сборники Абу Абдаррахмана ан-Нисана и Абу Абдаллаха ибн Маджи. А этот, наверно, какой-то малоизвестный.

– Понятно, – ответил Мазуз, хотя для него в мире все меньше и меньше становилось понятного. – А скажи-ка, Раджа, ты же у нас когда-то в медресе учился... Что такое «даббету-ларз»?

– Как-как? – переспросил Раджа, прищурившись, словно изучая Мазуза под микроскопом.

– Да-бе-ту-ларз.

– Даббет уль-Арз! – расхохотался Раджа. – Да ведь это просто Даббе. Ну вы же в школе учили!

– Я болел тогда, – со злостью сказал Мазуз, и ординарец, поняв, что может дороговато заплатить за свой смех, не стал дальше задавать вопросы, в результате чего так и не узнал, что болезни, помешавшие в свое время Мазузу стать суфием, – мусульманским мудрецом – именовались «гашиш», «марихуана», «LSD» и так далее.

– Хорошо, хорошо, – с готовностью сказал слуга. – Согласно одним комментариям, Даббе – это маленькое существо, червячок или микроб, с помощью которого Аллах уничтожит могущественные орды Яджуджа и Маджуджа {Гога и Магога.} – народов, которые в конце времен станут главной ударной силой Зла. Согласно другим – это большое животное, настолько волосатое, что невозможно отличить перед от зада. Оно появится опять же в конце времен и будет учить людей, как им бороться со злом, а так же метить им носы, чтобы отличать правоверных от врагов.

– Гм, – глубокомысленно произнес Мазуз, доставая очередной «Ноблесс». Это «гм» означало: то, что ты знаешь про какое-то там Даббе, все равно не сделает тебя умней меня. – Можешь идти, Раджа.

Раджа удалился, а Мазуз задумался. Кто же этот таинственный микроб или червячок, возомнивший себя в будущем победителем и уничтожителем страшных Яджуджа и Маджуджа? Прежде всего нужно выяснить, откуда взялся сборник хадисов, настолько малоизвестный, что Раджа, в медресе учась, о нем ничего не слышал. Только что Мазуз рылся в памяти компьютера, а теперь начал рыться в собственной памяти. И «накопал» то, что нужно.

– Алло, Вахид?

– Простите, вас плохо слышно. Кто это говорит?

– Вахи-ид! – заорал Мазуз, роняя изо рта сигарету и одновременно вытаскивая из пачки новую.

– Вот теперь я вас слышу, – спокойным голосом сказал Вахид, старший товарищ, человек, приведший его некогда в Революцию, при этом один из крупнейших в Палестине специалистов по хадисам профессор Вахид Мухаммад Али, – но все равно не узнаю.

– Вахид, да это же я, Мазуз Шихаби, ваш ученик!

– А, привет, Мазуз, – произнес Вахид невозмутимо и даже как-то утомленно, словно они ежедневно по часу болтали, и ему это сильно надоело. – Да благословит тебя Аллах! Давно мы с тобой не общались, видишь, я уже и голос твой забыл.

– Где ж давно, – возмутился Мазуз. – Вы ведь мне на прошлой неделе звонили, мы еще про Канфей-Шомрон говорили. Я сказал тогда, что пока Шарон – да покарает его Аллах! – правит евреями, ничего предпринимать невозможно.

– Да, припоминаю, – как-то неопределенно сказал Вахид. – Тогда непонятно, почему я тебя не узнал. Может, что-то с телефоном?

– Очень может быть, – согласился Мазуз. – Тогда мы с вами разговаривали по мобильному, а сегодня его украли.

- Сочувствую. Ну ладно, чем могу?..
- Слушайте, Вахид, во-первых, скажите, кто такой Даджаль?
- Даджаль? Источник и направитель мирового Зла. Пророк Мухаммад сказал, что последний бой с ним начнется, когда умме { Мусульманский мир. } исполнится тысяча пятьсот лет. То есть начиная с 1427 года по хиджре, или с 2001 года по григорианскому календарю.
- Понятно, иными словами – в наше время.
- Совершенно верно.
- А что он будет делать, этот Даджаль?
- Сказано, что он будет провоцировать анархию, террор и безбожие, подчинит людей власти их низменного естества, нафса, заставив забыть о душе. Он уничтожит чувство сострадания, милосердия и уважения между людьми, будет удерживать людей в страхе и угнетении, разглагольствуя при этом о своей божественной сути.
- Америка?
- Скорее, сионистское образование. Америка не претендует на божественность. Да и у власти, как в Америке, так и во всем мире, стоят еврейские денежные тузы и еврейские интриганы. Так что нити все-таки сходятся в Тель-Авиве.
- А кто уничтожит этого Даджала?
- В это время второй раз явится в мир некогда спасшийся от смерти пророк Исса. Полагают, что он и заколет его. Но достоверно известно лишь одно – у того, кто заколет Даджала, мать будет иудейка по имени Марьям. Поскольку Иса – сын Марьям, решили, что это он. Но есть и другая версия. У Имама ибн-Катира написано, что имя героя будет напоминать название одного из этих вражеских племен – Яджуджа или Маджуджа. А что ты все спрашиваешь?
- Да так. Скажите, у вас есть сборник хадисов Сунаджиба аль-Салиха?
- Конечно, есть! Вот он, прямо передо мной на книжной полке.
- Вы не могли бы сейчас мне прочесть, что написано на странице... э-э-э... сто тридцать седьмой, начиная со слов «Сказал Абу-Хурейра, да будет им доволен Аллах...»?
- С удовольствием... сейчас... только открою... Ага! «Сказал Абу-Хурейра...» – и Вахид озвучил в точности то, что Мазуз прочитал в электронном письме.
- Все ясно, спасибо, – пробормотал Мазуз. – Вы знаете... Я вам потом позвоню... Мне надо все обдумать.
- Что обдумать?
- Все... все... Да хранит вас Аллах. – Он бессильно уронил трубку на рычаг. Из состояния транса его вывел голос Раджи: – Сайиди! Творится что-то странное. Ахмед Хури, которого вы отправили на плато Иблиса, пропал вместе с камерой.

* * *

Дверь вагончика отворилась, и на пороге на фоне голубого полудня прорисовался Шауль Левитас, худенький солдат с длинными черными пейсами. Пейсы смотрели вниз. Вниз смотрел большой нос солдата. Вниз смотрели грустные черные глаза.

– Заходи, Шауль, садись, – тепло приветствовал его Коби.

Шауль зашел и сел, но без энтузиазма. Некоторое время он разглядывал линолеумный пол неопределенного цвета, затем поднял глаза и устремил на капитана взор, полный печали.

– В увольнительную на шабат? – догадался Коби.

Солдат мрачно кивнул.

– Чей день рожденья на сей раз?

– Мамы, – просипел солдат и вновь уставился в линолеум.

– Та-а-ак... – Коби встал из-за стола и прошелся по вагончику, заложив руки за спину. – Значит, три недели назад у нас родился брат, две недели назад – другой брат и на прошлой неделе – еще один брат. Только вот не помню, старшие братья или младшие.

– Два младших, один старший, – признался Шауль.

– Поня-атно, – протянул Коби. – А теперь, значит, мама!

– Мама, – скорбно констатировал Шауль. И тут же робко предложил:

– Я принесу копии удостоверений! Вы посмотрите даты!

– Да верю я, – отмахнулся Коби. – Ты мне скажи – сколько у тебя всего братьев-то?

– Семь...

– Ага. Значит, троим еще предстоит родиться.

– Предстоит, – радостно согласился Шауль. – А еще шести сестрам и папе. Да и мне, – добавил он неуверенно.

– Ой! – отреагировал Коби. Потом задумчиво прошелся от стены к стене и вдруг спросил:

– Одного я не понимаю, боец Левитас! Ты у нас на базе второй год. И что-то я не помню, чтобы ты в прошлом году на какие-то дни рожденья отпрашивался. А тут вдруг они у тебя зарядили. Как из пулемета.

Боец Левитас вновь опустил голову. Коби встал, подошел к нему и положил руку на плечи:

– Да успокойся ты! Поедешь, куда тебе нужно, только... – Он вдруг прищурился. – Постой-постой. Ведь вы, досы{Прозвище религиозных.}, дни рождения-то толком и не празднуете! По-вашему, это день, когда человек должен побыть один и... как это называется – «хеш-бон нефеш»{Дословно: счет души, смысл – суд собственной совести.}, да? То есть все они, да и ты с ними вместе в прошлом году родились как положено, но ты увольнительных по такому случаю не брал, мол, совпадет – поеду, не совпадет – по телефону поздравлю. А тут вдруг заметался между домом и базой.

Лицо Шауля стало красным, как его берет.

– Короче, – попытожил Коби, – скажи, как ее зовут, – и я тебя отпускаю. Дай только мне убедиться в собственной проницательности.

– Сегаль, – прошептал Шауль. Теперь на фоне его лица красный берет парашютиста казался нежно-розовым. Наступила полуминутная пауза, во время которой Коби попытался было сопротивляться искушению продолжить допрос, но любопытство победило. Он достал пачку «Ноблесса», вытащил сигарету, закурил и начал расспрашивать. Через полторы минуты Коби уже знал, что с белокурой красавицей Сегаль Шварц (Коби позабавила эта цветовая игра, ведь «шварц» на идише значит «черный») Шауль знаком с детства, но только недавно, приехав в увольнительную и проводя занятия в «Бней-Акиве», он с ней пересекся, посмотрел на нее другими глазами и...

– В этот шабат – эрусин{Официальная помолвка.}! – слово это у него прозвучало трепетно, как фраза из сонаты для скрипки.

Шауль Левитас всегда казался Коби немного забавным, но вообще-то неплохим солдатом. Коби, считавший, как и любой нормальный израильский офицер, своим долгом обещать семье всех подопечных и познакомиться с их родителями, конечно же, побывал у него в поселении неподалеку от Ариэля. Мать очень приятная. Отец погиб на Ливанской. В целом, конечно, живут небогато, но не голодают. Бывает и похуже.

«Милый! Ответь, это я!»

Коби вздрогнул, не сразу поняв, кто это вдруг здесь заговорил женским голосом.

«Милый! Ответь, это я!»

Ну да, он же совсем недавно поставил на своем мобильнике новый звонок, если можно было назвать звонком этот нежный, эротичный, чуть с придыханием голосок, к которому он еще не привык:

«Милый! Ответь, это я!»

Впрочем, номер, высветившийся на экранчике, однозначно свидетельствовал, что никак не этот голосок зазвонит в трубке, а забурчит в ней знакомый, даже можно сказать, родной бас. Коби кивнул ошарашенному Шаулю, дескать, все в порядке, поезжай, когда и куда тебе нужно, а сейчас можешь идти. Как только хлопнула дверь, он приложил сотовый телефон к уху.

– Да, папа, здравствуй!

– Ну, – без предисловий начал отец, – ты что-нибудь надумал?

(Мог бы и поздороваться, дорогой родитель!)

– Пока нет, но...

– Ты что, меня угробить хочешь? – взвился отцовский голос, ввинчиваясь капитану в ухо. – Ты не понимаешь, что все это специально подстроено, чтобы меня утопить?! Ты не понимаешь, что...

– погоди, папа, погоди кричать! Послушай меня!

– А чего слушать?! Ты, понимаешь ли, совершенно не...

– Па-а-а-па!

– Что ты орешь?

– Ну вот, наконец-то! Понимаешь, сегодня у меня был очень странный звонок...

После рассказа Коби трубка наполнилась глухим молчанием. Затем в ней все-таки очнулся отцовский голос:

– У тебя есть какое-нибудь, хотя бы предположительное, объяснение этой истории?

– Папа, у меня такое ощущение, что я вижу какой-то бредовый сон, в котором разобраться невозможно, а можно лишь проснуться.

– Проснуться ты еще успеешь, а пока скажи, что собираешься предпринять.

– Папа, ну откуда я знаю? Я только что отправил туда своего сержанта.

– Одного?! – в ужасе возопил отец.

Он явно держит бедного Коби за полного дебила.

– Да нет же! – раздраженно отвечал капитан. – С ребятами.

– Ну ладно, – успокоился отец. – Значит, так! Держи меня в курсе всего, будь со мной все время на связи. Что бы ни произошло, немедленно меня информировать. Похоже, мы имеем дело с какой-то очень опасной провокацией, и один неверный шаг может иметь катастрофические последствия. Ничего не предпринимай, не обговаривай со мной. И еще – мы ведем с тобой переговоры только по мобильному.

– Почему, папа?

– Когда командир отдает тебе приказ, ты тоже спрашиваешь его «почему»? Кстати о приказах – эта резня в Эль-Фандакумие не твоих рук дело?

– Папа, да ты что?! Как тебе такое в голову могло придти?! Это вообще не ЦАХАЛ! Израильтяне такое в жизни сотворить не могли! Какая-то арабская провокация!

– Правда? А то весь мир на ушах стоит! В разных столицах перед нашими посольствами проходят в скорбном молчании колонны демонстрантов с портретами умученных жидов детисек. Все клеймят палачей. Руководство нашей партии послало гневный протест.

– Кому? Палачам или тем, кто их клеймит?

– Какая тебе разница? Главное, чтобы ты в этом не был замазан.

* * *

Тото стоял на задних лапах, когтями передних прочно упершись в обтянутые джинсами бедра Эвана. Кудлатую голову он положил Эвану на живот... да нет, не положил, прижался, изо всех сил задирая вверх черную пуговку носа и заглядывая в глаза с выражением безбрежного счастья. Эван нагнулся так резко, что оранжевая кипа чуть не свалилась, ухватил песика

под попу и поднял на руки. В ту же минуту каждый миллиметр лица юноши был тщательно вылизан розовым язычком, со скоростью движения которого могла конкурировать только скорость вращения вокруг своей оси черного хвоста Тото, по конфигурации напоминающего ветвь папоротника. Потом еще раз вылизан и еще раз. И это хорошо, потому что ни хозяин дома, друг Эвана, Арье, ни его жена Орли, не заметили слез, которые очень уж хотели вырваться из глаз Эвана. Заметить их было невозможно, и все же Вика подошла сзади, положила ему на спину ладошку и прошептала:

– Эван, успокойся... пожалуйста...

Эван зажмурился и кивнул. Что делать! В гостиницу с собаками не пускали, а другого жилья после Размежевания у него не было.

– Проходите, ребята, – проговорил Арье, обладатель атлетической фигуры и при этом такого большого и нелепого живота, что тот казался просто приклеенным – Вы надолго к нам в Элон-Море?

– У нас автобус через пятьдесят минут, – отвечал Эван, лаская Тото. – Я и сам соскучился и по вам, и по нему. Но особо расслаживаться некогда...

Однако Вика уже порхнула мимо него к Орли, восточной принцессе из редкой породы тех, что с возрастом становятся только красивее, и зашебетала что-то о «потрясающих видах здесь, у вас в поселении», о том, что она «такой красоты в жизни не встречала». Орли, польщенная так, будто речь шла о ее личной красоте или будто она сама слепила и раскрасила все эти горы, предложила девушке выйти на верандоподобный балкон (или балконоподобную веранду), откуда открывался вид на вади – широкое ущелье, по некрутым склонам которого белели скалы, сползающие, подобно селям, к щедро покрытому травой руслу давно пересохшей реки. Оно начиналось прямо от угла и как бы уплывало из-под ног к подножьям горы Эваль и горы Гризим, где была расстелена долина, покрытая, словно рассыпанным зерном, белыми домами и домиками Шхема. На веранде, при открытых дверях, женское стрекотание развернулось с удвоенной силой.

– Хорошо, что ты приехал, – сказал Арье, усаживаясь на диван рядом с Эваном, поглощенным взаимными вылизываниями с Тото. – Знаешь, мы очень скучаем, и главное – он, – Арье ткнул пальцем в серебристо-черную морду песика, – он ужасно скучает.

– Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, он скучает по мне и скучает по Канфей-Шомрону, по дому, в который его принесли полуторамесячным щенком, в котором он прожил три года и из которого нас с ним вышвырнули наши родные солдаты. Как он там сейчас, мой дом? Говорят, армия многое повзрывала, а остальное дорушили арабы, которые приходили туда не столько мародерствовать, сколько поглумиться.

– Арабы, как я слышал, в основном, резвились в синагоге, – отметил Арье. – Гадили в «арон акадеш», потом все подожгли. А что с твоим домом стало – не знаю.

– И я не знаю, – грустно подытожил Эван. – Не знаю, жива ли еще моя акация, тот саженец, помнишь, с ним еще сплелась мальва с цветами здоровенными и круглыми, как глаза у куклы. Мы еще смеялись, глядя на эту умильную парочку. А сейчас вспоминаю и... – он запнулся, зарывшись лицом в пахучую шерсть Тото.

– Иногда Тото – сытый и гуленьый – без причины начинает скулить. Просто с тоски.

– Я тоже, – уныло сообщил Эван. – Когда вспоминаю Канфей-Шомрон, тоже скулить начинаю. И тоже – с тоски. Правда, насчет сытости у меня проблема – работу-то я потерял вместе с домом – зато с гулянками все в порядке, – он показал пальцем на помесь балкона и веранды, откуда доносились хоровые трели Вики и Орли. Арье задумчиво произнес:

– Слушай, Эван, она, конечно, очарование, но... Как вы жить-то будете? Ты религиозный, она нет. Я не то, что не встречал, я и не слышал о подобных шидуках {Сватовство.}.

Эван помолчал.

– Нет, с Викой-то все в порядке. Меня она любит, теоретически со мной почти во всем согласна. А насчет практического соблюдения заповедей – как-нибудь разберемся! Но вот ее семья...

Он взглянул на часы.

– Скоро идти. В другой раз пооткровенничаю. Пока что расскажи, как у тебя дела.

Арье понял, что «скоро идти» здесь не причем. Просто есть еще что-то, о чем Эван хотел бы рассказать, но считает – не по-мужски переваливать свои проблемы на чужие плечи.

– У меня все как обычно. Как все наши поселенцы устраиваются, так и я. Знаешь ведь сам, какие у нас в поселении миллионеры... Каждую встречу концов с концами можно отмечать пушечным салютом.

– А где ты сейчас преподаешь?

– Ну как – восемь часов в нашей ешиве-тихонит {Старшие классы школы, с 9 по 12, с изучением как Торы, так и общеобразовательных предметов.}, шесть – в итамарской и четыре в ариэльском колледже, на подготовительном отделении – мехина называется. Крутиться-то надо. Семью кормить, детишек. В Элон-Море половина взрослых – преподаватели, а вторая половина на фабриках. В основном, на Баркане.

– Ну а как же! В тамошней промзоне и наши канфей-шомронцы работали. Да вот после Погрома их по всей стране раскидало – пришлось поувольняться. Теперь без работы сидят. Но за тебя, вроде бы, порадоваться можно. Ты хотя бы большую часть времени в родном поселении работаешь?

– Вроде бы да... – неуверенно протянул Арье. Он встал с дивана, прошелся по залитой предвечерним светом комнате от балконной двери до входной мимо книжного шкафа, где из-за ажурных стеклянных дверей глядели англо-, иврито- и русскоязычные надписи на корешках. – Вроде бы да. Видишь ли, поселенческие дети – это весьма специфическая публика. Израильская молодежь вообще избытком дисциплины не страдает, а уж эти юные горцы...

– Неужели сволочи? – спросил Эван, усердно чеша пузо Тото, который воспользовался тем, что Арье встал, и занял его место на диване, развалившись на спине и раскинув все четыре мохнатые лапы.

– Да нет, что ты! Дети хорошие. Умненькие такие. Половину перемены, правда, на головах стоят, зато другую половину книжки читают. Подходит такой вот шкет и спрашивает: «Учитель, а что выдумаете о теории Карла Маркса?» Неслабо, правда? А про человеческие качества и вообще говорить нечего. Там есть парнишка – зовут его... ну, чтобы не получилось злословия – скажем, Офер. Так вот, он начисто лишен обоняния и при этом страдает энурезом – знаешь, что это такое?

Эван кивнул:

– Да. Недержание мочи.

– Вот-вот. Его-то самого вожатый в душ постоянно гоняет, так что сколько рядом ни стой, ничего не заподозишь. Зато в комнату к нему войти невозможно. А в комнате, между прочим, еще два человека обитают. Вызвал их директор, все, говорит – ребята, хорош мучиться, давайте я вас под каким-нибудь предлогом переселю в другую комнату. А те: нет, он не догадывается, что в ешиве знают о его болезни. Если уйдем – поймет, и ему больно будет! Проходит пара месяцев – уже по коридору мимо его двери пройти нельзя – так шибает. Директор снова к ним. Те – ни в какую. В общем, кончилось тем, что один из них сознание потерял. Тогда их в приказном порядке в другую комнату перевели. Два часа проходит – к директору являются двое других его одноклассников: поселите нас с Офером, чтобы ему обидно не было. Мы не просим – требуем!

– Да, – восхищенно протянул Эван. – Цадики! {Праведники.}

– Цадики, – согласился Арье. – Только после урока с этими цадиками я выхожу, как будто по мне катком проехали. Директор говорит – скажи, кто нарушал! А никто! Все очень

милы, все меня любят. Просто им мама с папой забыли объяснить, что, когда учитель начинает говорить, это не означает, что ты, чтобы ему скучно не было, тоже должен начать говорить, за компанию, значит, или, скажем, гулять по классу, или заниматься каким-нибудь интересным, увлекательным, а то и общественно-полезным делом. Короче, никто специально не мешает, только урок в труху рассыпается. Ну ладно, хватит об этом. Что у нас с прогулкой по ночной Самарии?

На секунду Эван онемел от изумления.

– К-какой прогулкой?

Арье расхохотался.

– Конспиратор! Да ведь я из Элон-Море осуществлять буду связь с вами. Так что я все знаю – и то, что шестнадцатого вечером вы выходите, и сколько вас, и в чьей ты группе. В группе Натана Изака, верно?

– Верно, но... но я никуда не иду.

Теперь уже онемел Арье.

– Ты что?!

Эван молчал.

– Ты же всегда был такой... такой сионист!

– Был, – подтвердил Эван, почесывая за ушами постанывающего от счастья Тото. – Был и есть. Но участвовать в безнадежном предприятии не хочу.

– Ты считаешь, его на сто процентов безнадежным?

– На двести. А ты?

– Ну, не знаю...

Арье смущенно скользнул взглядом мимо Эвана куда-то в сторону, где солнечные лучи, проникая в дом сквозь открытые двери веранды, целовались со стеклянными дверцами книжного шкафа.

– Все ты знаешь, – сказал Эван. – Знаешь, что, пока у власти Шарон, ни о каком возвращении ни в Гуш-Катиф, ни к нам речь идти не может. Его не зря зовут Бульдозером. Он шел напролом, когда давил арабов. Он шел напролом, когда давил нас. Может быть, я ошибаюсь, но по-моему, это не тот правитель, которого можно поставить перед свершившимся фактом, захватив обратно то поселение, которое он у тебя отобрал. Это все же Шарон, а не слабак какой!

– Так что же делать предлагаешь?

Эван пожал плечами.

– Ждать.

– Чего?

Эван молчал. Арье опять рассмеялся.

– Слушай, когда две недели назад у Шарона был микроинсульт, ты, наверно, на радостях галель {Благодарственная молитва, возносимая в праздники.} прочитал?

Эван серьезно ответил:

– Хорошие мы будем евреи, если начнем радоваться чужому несчастью...

– Ну ладно, ты не веришь в успех, но ведь и сидеть сложа руки тоже... Почему бы не рискнуть? Что ты, в конце концов, теряешь?

– Что касается меня, то я теряю все.

– А именно?

– Вику.

* * *

В деревенской мечети было достаточно тобут – носилок с раздвижной крышкой – хотя до сих пор ни разу столько народу одновременно не хоронили. На носилки положили одеяла, а на них – убитых. Затем задвинули крышки и сверху покрыли материей.

Мулла встал между носилками. Никаких рукны, коленопреклонений, и саджа, падений ниц, не было. Мулла трижды произнес «ас-салат!», приглашая тем самым всех к молитве, и осведомился у родственников покойных, не осталось ли у тех каких-либо долгов. Особенно это было актуально в отношении Маруана. Тут все взгляды благоговейно обратились к гордо потупившему взгляд Мазузу, щедро оплатившему долги погибшей семьи из кармана... теперь уже, разумеется, кармана Таамри. Затем мулла воззвал к Аллаху с просьбой о прощении грехов и милости к покойному. В этом обращении к Небесам содержалось четыре такбира, иными словами, в ней четырежды прозвучало «Аллаху акбар!» По традиции, тела в могилы опускали ногами вниз, над Анни при этом держали покрывало, чтобы мужчины не смотрели на нее. Никаких гробов, разумеется, не было. В могилы стали бросать горстями землю, произнося аяты из Корана «Все мы принадлежим Аллаху и возвращаемся к Нему». Когда могилы были засыпаны так, что возвышались над уровнем земли на четыре пальца, их полили водой, кинули еще семь горстей земли и прочли еще один аят: «Из Него сотворили вас, в Него возвращаем вас, из Него изведем вас в другой раз». Громкое оплакивание запрещено, но на этих похоронах и тихого не было. Было оцепенение. Ужас. Да еще полные ненависти взгляды в сторону разрушенного Канфей-Шомрона, словно точно знали, что еврейские убийцы, перестрелявшие семью мучеников пришли именно оттуда. Все это бойко фиксировали корреспонденты с фотоаппаратами и видеокамерами, чтобы скорее сообщить во все концы мира о новом зверстве израильтян. Очевидец рассказывал:

– Вон там, мимо того холма, проехали их джипы. Была глубокая ночь, и мы не ожидали набега...

Его перебивала свидетельница:

– Маленькая Надя так просила, так просила: «Дяденьки-евреи, дяденьки-евреи, не убивайте моего папу!» А потом – автоматная очередь – и тишина.

– А как рыдала Анни, – вступала другая свидетельница, молодая женщина в черном платке. – «Хоть одного из детей оставьте! Хоть одного!» Потом и ее...

И вновь настало безмолвие. Но уже когда последняя горсть земли была брошена на могилу, вдруг крик прорвался из уст матери Анни. Вскинув руки к небу, она заорала:

– Девочка моя! Деточки мои! Маленькие мои! Вернитесь ко мне! Зачем вы ушли от меня! Как же я буду без вас! О Аллах! Зачем ты позволил убить их? – странное это амикошонство с Аллахом уже насторожило окружающих, как-то выбивалось оно из традиционного мусульманского фатализма и покорности судьбе. А дальше шло нечто и вовсе непонятное. – О Аллах, помоги найти их настоящего убийцу! Покарай его! Может, он здесь, этот негодяй! Может, он среди плачущих мусульман стоит здесь, злорадствует!

О, пусть ненависть моя схватит его за горло!..

При этих словах успевший вернуться и скорбящий вместе со всеми Юсеф Масри почувствовал, как незримые пальцы стискивают его кадык с такой силой, что очередное «верблюжье отродье» застряло в горле. А остальные, слыша крик женщины, начали обмениваться недоуменными взглядами – о чем это она? Ведь ей перед похоронами ясно объяснили, кто убил ее дочь и внуков. Может, отец Анни догадается унять истеричку? Но тот и сам сидел на земле, обхватив голову руками, и тихо выл. К счастью, те из корреспондентов, что не знали арабского, ничего не поняли, а те, что знали, торопливо выключили видеокамеры.

* * *

В номере рава Хаима Фельдмана, где полстены занимала карта Самарии, Натан провел серию прыжков вокруг нее, доказывая преимущества прохода именно по данному ущелью и время от времени подбирая с ковра очки.

– Ой вэй! – вздохнул рав Хаим. – Не кажется ли тебе, Шестьдесят Девятый, что в вади нас легко могут перехватить? По-моему, лучше обойти вот эти скалы справа, а затем по тропкам – их тут до черта – подняться на склон. При этом, в случае засады, мы увидим солдат сверху, даже если луна будет за облаками.

– Да нет же! Да нет же! Да посмотри сюда! Через вади – напрямую, а по склонам... Это в три раза дольше!

Натан выплясывал с карандашом перед картой, а рав Хаим с грустью смотрел на его покрытые старческой рябью руки. Насколько сам он был моложав, настолько его друг за все эти годы постарел.

– Если нам преградят дорогу в ущелье, – невозмутимо сказал рав Хаим, – деваться будет некуда: справа и слева скалы.

– Шестьдесят Восьмой, да откуда они узнают, что мы там идем? – воздел руки к глянце-вому гостиничному потолку Натан и подпрыгнул особенно высоко, так что очки отлетели куда-то влево и брякнули о деревянную спинку стула.

– Ой-вэй! – вновь сказал рав Хаим.

Натан прекратил плясать, поднял очки и устало опустил на край тахты.

– Слушай, Хаим, – начал он, словно цитатой из анекдота. – Круглым путем это тридцать километров.

– Тяжело, конечно, – невозмутимо сказал рав Хаим.

– Не тяжело – невозможно! – перебил его Натан, вновь вскочив. – Это же по горам!

– Тяжело, – упрямо повторил рав Хаим. – Но возможно. Надо только тщательно отобрать тех, кто пойдет, а которым послабее – объяснить, что это не увеселительная прогулка, а...

– Попробуй, объясни это! Обида будет смертельная, – возразил Натан, и в голосе у него самого почему-то зазвучала обида.

– Объяснить им будет не очень сложно. Надо понять, что то, что мы сегодня делаем – это нечто новое, чего прежде не было. Все, чем мы занимались летом, вся эта наша, с позволения сказать, «защита» Канфей-Шомрона, как и всей Северной Самарии, равно как и Гуш-Катифа, – извини, это была игра.

Натан открыл рот, чтобы протестовать, но рав Хаим, не обращая внимания, продолжал:

– Мы даже не ставили задачу задержать «Размежевание», чтобы на будущее неповадно было, хотя сделать это было не слишком сложно. А ведь мы вообще могли бы его сорвать, если бы не запирались в поселениях, а перекрывали дороги, не давая проехать тем, кто собрался нас выселять. Но сейчас речь не о том. Сейчас мы идем в Канфей-Шомрон не для того, чтобы что-то продемонстрировать, а чтобы остаться там навсегда. Мы возвращаемся домой. И все бывшие жители Канфей-Шомрона должны понимать, что в ночь на шестнадцатое пройдут только самые крепкие. Те, что смогут выдержать противоборство с солдатами и закрепиться. А потом уже явятся остальные. Сейчас не время амбиций. Слабым надо остаться.

– А я все равно пойду! – запальчиво крикнул пятидесятилетний Натан.

– И я, – задумчиво согласился пятидесятилетний рав Хаим.

* * *

На экранчике видеокамеры узкий проход между двумя грядами скал сменился ровной площадкой, круглой, как кнопка, и обросшей кустами, как поселенец – бородой. Кусты при этом были непривычно для здешней каменистой местности длинны и всклокочены. Видно, на этом пятачке невесть как попали в землю какие-то особо питательные вещества, вот зелень и распоясалась. Коби вспомнил, что читал где-то, будто встарь, когда цари разбивали в каком-нибудь месте сад или цветник, они приказывали там сначала резать скот, дабы земля пропиталась кровью, после чего растительность становилась обильнее и сочнее. Может быть, и здесь земля Израиля пропитана кровью? Хотя с другой стороны, а где – не пропитана?

Площадку эту, плато Иблиса, он узнал – она находилась к юго-востоку от Канфей–Шомрона и упиралась в скалы с расселинами и пещерами, но тропка, виляя между утесами, поднималась на небольшой перевал и дальше вела прямо к бывшему поселению. Площадку, очевидно, снимали со всех возможных ракурсов так, что практически не было на ней квадратного метра, который не попал бы в поле зрения видеокамеры. Но это было еще не все. По экрану медленно поплыла дорога, начинавшаяся от перевала и идущая прямо к поселению, как бы параллельно шоссе, на котором Коби собирался в ночь на семнадцатое января расположить своих бойцов. Более того, судя по всему, «кинооператор», дойдя до Канфей–Шомрона, вернулся затем на площадку и с работающей видеокамерой прошел по сквозной пещере, этакому недлинному тоннелю, который соединял все ту же площадку с вади, уходящим из Санурской долины дальше на юго-восток – туда, где за хребтами сейчас тихо светится окошками Элон-Море. Иными словами, похоже, что видеокамера этого усатого араба, которого двадцать минут назад ребята взяли на плато Иблиса, выдвигает гипотезу о том, что шестнадцатого «выселенцы» не собираются, дойдя до Санурской долины, выползая на шоссе и двигаясь так, чтобы уткнуться Кобиным молодцам лоб в лоб. Нет, дойдя до вади, они пойдут направо и через этот тоннель и обмусоленную видеокамерой площадку выйдут прямо к Канфей–Шомрону. Если только знают о существовании этого тоннеля. Ха! Еще бы им не знать! За двадцать пять лет существования поселения небось все успели здесь облазить.

Стойте-стойте! По телефону неизвестный советовал расспросить «корреспондента» поподробнее насчет шестнадцатого. А он, Коби, уже сделал стойку и строит все свои расчеты на том, что арабам все известно насчет предстоящей вылазки поселенцев. Не рано ли? Но неважно, что известно арабам, зато капитану Кациру благодаря их съемке теперь известно, как предположительно будут двигаться поселенцы. Капитан подошел к карте. Вот здесь Элон-Море. Вот тут где-то проходит тропка, по которой они двинутся на север. Кстати, точное время их выхода неизвестно. Ну хорошо, вышли они из Элон-Море. Интересно, куда пойдут – на запад или на восток? В принципе, Канфей–Шомрон от них на северо-западе. Но прямо на западе – Шхем. А между ними и Шхемом – деревня эта, Азмут. Нет, идти напрямую – значит угодить арабам в лапы. А что у нас на востоке? Ага, долина Тирцы! Есть в этой долине деревни арабские? Одна, да и та небольшая. Обойти ее ничего не стоит. А дальше? Не на шоссе же им выходить? А не надо на шоссе. Для этого имеется вади. Вади, в котором днем пасутся овцы, а ночью... Вряд ли там ночью кто-нибудь бродит. Пожалуй, по вади пройти будет безопаснее всего. Дальше – дорога, которая ведет к бывшей ферме Коэна. Знакомое место. Коби вдохнул горький дым воспоминаний.

Это было три или четыре года назад, когда их отправили в помощь «магавникам» {Солдаты «Магав» (сокращение от «мишмар а гвуй»), пограничная охрана.}, штука крайне редкая. Коби был тогда сеген-мишне, младший лейтенант. Если и сейчас он, капитан, считает себя обязанным выполнять любой приказ, а зачем и что из этого выйдет – начальству виднее, то тогда, три года назад, с него и подавно были взятки гладки. И все-таки щемило. Дело даже не

в том, что, в отличие от нынешних нежностей с «оранжевыми», там был мордобой так мордобой, и приказ, пусть и негласный, но твердый – по возможности лупить ногами по яйцам. Это ладно – велено было лупить, вот он и лупил. Больно было другое – ферму построили на том месте, где арабы расстреляли из автомата ехавшего в машине Бени Коэна, начальника охраны всего района и всеобщего любимца. Его вдова и сыновья в память о нем создали так называемую «гиву» {Холм.}, или, как это называли с его, Кобиного, увенчанного кокардами, берега – «форпост». Зародыш будущего поселения. Понятно, что наверху это никому не нравилось, особенно когда «гиву» стали активно заселять молодые энтузиасты в кипах и число жителей Хават-Коэн, «фермы Коэна», уже достигло двадцати. Но поскольку участок был куплен семьей Коэнов, а стояли там исключительно «караваны», то есть вагончики без колес, времянки, власти ничего с ними поделать не могли. Зато когда ферма обрела каменную и бетонную плоть, причем без всякого разрешения официальных органов – а такое разрешение в жизни не могло быть получено – тут-то и пришел приказ разрушить эти стационарные постройки.

Со всей Самарии съехались тогда поселенцы, особенно молодежь, защищать эту ферму. Ну и солдат нагнали тысяч двадцать. Магавников не хватило, вот и – случай редчайший! – припрягли оказавшихся под рукой парашютистов. И пусть он, Коби, сын известного политического деятеля, не шибко тогда интересовался политикой, и пусть не слишком волновали его вопли пейсатых юнцов, что вон те, вон те и вон те арабские постройки воздвигнуты без всякого разрешения, а их, мол, вы не трогаете, но жалко ему было Бени Коэна, человека, жившего ради каких-то, пусть ему, Коби Кациру, неведомых, идеалов и тоже охранявшего и защищавшего их братьев, евреев. А теперь вот его убили, и даже грязный серый бетонный навес, ставший памятником ему и его делу, не имеет права стоять на его земле, и детей его, сирот, Коби обязан избивать за то, что чересчур верны они памяти отца. Обидно.

Ну ладно, на чем мы остановились? На Хават-Коэн? Желтый палец курильщика заскользил по склонам Шхемской долины, зацепился за кабирский хребет, укололся о вершину горы и ковырнул вади. Дальше на северо-запад прямо в этом вади торчит арабская деревня Мухайям Фариа, но за несколько километров до нее вади раздваивается, и можно пройти по южному ответвлению. А там через холмы – в Санурскую долину. Вот тут начинается самое интересное – он-то думал, что они выйдут на шоссе, где он их и перехватит, но, если верить арабской съемке, они могут через площадку и тоннель, минуя посты, пройти прямо в Канфей-Шомрон. И тогда вместо того, чтобы просто преградить им дорогу, придется выволакивать их уже из самого Канфей-Шомрона, что сделать силами одной роты практически невозможно. Приехали. Теперь попробуем выяснить, что известно арабам и что они в связи с этим собираются предпринять. Заодно узнаем, что это за странный проход между скалами, с которого начался просмотр арабского киношедевра. А может, не стоит все это выяснять? Сообщить в ШАБАК, пусть они и разбираются. Глядишь, вступят в контакт с поселенцами, дескать, арабам ваши наполеоновские планы уже известны, а арабы не мы – чикаться с вами не будут, так что – как это у вас называется – «пикуах нефеш» {В иудаизме – запрет подвергать опасности чью-либо, в том числе и свою, жизнь.}? В общем, отменяйте, ребята, операцию, если не хотите моря крови.

«Милый! Ответь, это я! Милый! Ответь, это я!»

Это был отец. Опять отец. Коби колебался недолго. Конечно, он не имеет права рассказывать кому-либо о таинственном кинокорреспонденте. Даже отцу, даже такому умному отцу, как его отец. Кстати, о приказе насчет шестнадцатого января он тоже не имел права говорить. Но что же делать, если он никогда не знает в точности, как поступить, а отец всегда знает.

– Вот что, – сказал тот, выслушав рассказ Коби. – Ни в какой ШАБАК пока не сообщай. Тебе не известно, ни что у ШАБАКа на уме, ни что у арабов на уме. Допроси-ка этого араба сам и позвони мне, а там посмотрим. Может быть, вообще без ШАБАКа обойдемся.

– То есть как? – возмутился Коби.

– А так, – спокойно отвечал отец. – Учти, что провокация против меня может исходить как раз из ШАБАКА.

* * *

Когда Мазуз вернулся в свой кабинет с окнами во внутренний дворик, уже начало темнеть. Надо бы еще помолиться, прочесть из Корана суру «Аль-мулк», попросить Аллаха, чтобы тот сжалился над покойными. Сегодня ночью на кладбище явятся ангелы Мункар и Накир и учинят им допрос. Молитвы сейчас существенно помогут несчастным. Мазуз еще раз вызвал Раджу и Аззама, чтобы осведомиться, прояснилось ли что-нибудь насчет убийства семьи Халила, а также убийства Ибрагима Хуссейни. Узнав, что – нет, нахмурился. Затем поинтересовался судьбой своего мобильного. Соратникам она была так же известна, как ему. Голос Мазуза стал ледяным. Он спросил, знают ли они по крайней мере, что обо всем этом думает полиция {Имеется в виду полиция Палестинской Автономии.}. Когда оказалось, что она, по-видимому, ничего не думает и даже следствие еще толком не начато, он обрушил на головы Раджи и Аззама такое, по сравнению с чем утренний скандал показался им щебетаньем влюбленных в саду, полном роз.

Выгнав нерадивых из комнаты, Мазуз закурил, сел за компьютер на вертящийся стул, вытянув правую ногу, чтобы сухожилие меньше болело, и почти машинально нажал пальцем на «мышку». Экран засветился, и Мазуз увидел, что получил новое письмо. Обратный адрес был тот же – dabbetularz@gmail.com. Послание было кратким. «Сын Марьям, не пора ли?! В Коране сказано: Мы поступили справедливо, даровав победу верующим».

Что он мог ответить? Пророчество пророчеством, но когда во главе вражеского государства стоит зверюга, который только что со своими-то расправился так, что мало не показалось, а уж с чужими... Он ответит то же, что ответил несколько дней назад Вахиду.

Мазуз быстро напечатал: «Я верю в предсказание. Но время еще не настало. Пока у власти Шарон, никакой захват территории Канфей-Шомрон невозможен». Затем поднялся, потянулся, прохромал к оттоманке... и вдруг услышал откуда-то ниоткуда голос Вахида: «...имя героя будет напоминать название одного из вражеских племен – Яджуджа или Маджуджа». Вспышка – озарение – и он вскочил, как ошпаренный. Маджудж – Мазуз!

* * *

– В последний раз спрашиваю, что тебе известно насчет шестнадцатого января?

– Сайиди! – Господин! – черноусый Ахмед молитвенно сложил руки перед грудью. – Ва-Алла эль-адхим... Клянусь Аллахом...

– Это я уже слышал. Тебе нечего добавить?

Ахмед воздел руки к небу. Еврейский офицер распахнул дверь вагончика и, высунувшись, крикнул:

– Шмуэль!

Словно из-под земли, в дверном проеме появился широкоплечий и мелкоголовый сержант Барак.

– Расстреляй его, – спокойно сказал Коби и сделал жест правой рукой, будто стряхивал крошки со скатерти.

– То есть к-как «рас-с-стреляй»? – растерянно прошептал Ахмед. Всякий раз, начиная нервничать, он заикался, что придавало ему весьма жалкий вид. Впрочем, израильтянина, похоже, это не трогало.

– Как? Сейчас увидишь, как, – спокойно проговорил Коби и демонстративно погрузился в чтение бумаг.

– Пошли, – равнодушно сказал сержант, передернул затвор автомата и легонько прикоснулся дулом к плечу усаха. Тот отскочил, будто от этого прикосновения его ударило током.

– В-вы не с-сделаете этого! – завопил он.

– Это еще почему? – удивился Коби. – Только не вздумай дергаться, бросаться на нас или пытаться убежать. Ничего, кроме лишних мучений, ты себе этим не доставишь. И нам неудобства – например, потом кровь твою с пола вытирать.

Ахмед в ужасе посмотрел на линолеумный пол, как будто по нему уже растекались потоки его алой крови и их вытирали грязными тряпками. Почему-то мысль о фланели или мешковине, в которую будет впитываться его кровь, оказалась для него совершенно непереносимой.

Коби меж тем невозмутимо продолжал:

– Так что уж, пожалуйста, без эксцессов. Тихонько сходи с сержантом в лесок, а потом тебя там и закопают.

– Сп-п-прашивайте, господин, – одними губами нарисовал Ахмед.

Коби хотел было в четвертый раз пробубнить: «Что тебе известно про шестнадцатое января?», уже трижды обломавшееся об ответное «Ничего, господин!», но – внезапное озарение! – и он, сам вскочив со стула, навис над столом, по другую сторону которого кукожился Ахмед, и буквально выдохнул:

– Что это за проход между скалами, с которого начинается твоя кассета? Где он? Зачем он?

Ахмед выпрямился (Эх, была не была!), приосанился (Внимание! Я собираюсь сделать важное заявление!) и торжественно провозгласил:

– Это д-дорога между нашей д-деревней Эль-Фандакумие и п-плато Иблиса, на к-котором мы собираемся устроить п-поселенцам засаду.

* * *

– Понимаешь, папа, они откуда-то знают про это выступление поселенцев и теперь готовят...

– Что они готовят, я понимаю. Меня интересует, что ты готовишь.

– То есть?

– Ну твой план действий!

– Да какой у меня может быть план? Сообщу обо всем в ШАБАК...

– Так, дальше?

– Дальше они по своим каналам уведомят обо всем поселенцев, и поход отменится.

– Совершенно верно. Или не уведомят, и поход не отменится.

– Почему?

– Потому. Ты знаешь, чего хочет ШАБАК? Спасти еврейские жизни? Или загробить еврейские жизни? Выручить сына Йорама Кацира? Или утопить сына Йорама Кацира?

– Папа, что ты такое говоришь?!

– Я говорю то, что вижу. Кто-то слил арабам информацию о готовящемся походе поселенцев, и сделал он это, чтобы подставить Коби Кацира, а через него – Йорама Кацира. Но у арабов такая же нежная «агават Ишмаэль», как у нас – «агават Исраэль» {Любовь между евреями. «Агават Ишмаэль» придумано по аналогии Й. Кациром для обозначения любви между арабами.}, они так же друг с другом враждуют, так же соперничают, так же друг друга топят.

Очевидно, информацию о шестнадцатом января передали некой группировке, а о планах ее проведать «конкуренты» – не знаю, идет ли речь о «ХАМАСе», «Исламском Джихаде» или о каких-то мелких группках. Вот эти-то конкуренты тебе и позвонили. А теперь напрашиваются вопросы. Во-первых, почему звонок из Газы, а не из Шхема? Хотя Газа формально и не

столица, но судьба Автономии решается именно там. Следовательно, звонок был на каком-то высоком уровне.

– А откуда людям на этом высоком уровне известно про меня, скромного капитана Кацира?

– Во! – восхитился отец. – Вот теперь ты попал в самую точку. Предположим, узнать, чья рота расквартирована на территории Канфей-Шомрона и скорее всего будет послана против поселенцев, особенного труда не составит. Следующий вопрос – зачем вообще было это выяснять? Если кто-то захотел подгадать соперникам, проще всего было позвонить прямо...

– В ШАБАК! – воскликнул Коби.

– Именно! – согласился отец. – И возможна только одна причина, по которой он этого не сделал.

– Какая?

– Он знал, что информацию о готовящейся вылазке поселенцев террористы получили не откуда-нибудь, а из ШАБАКА.

У Коби голова окончательно пошла кругом.

– Что же делать, папочка? – растерянно пробормотал он.

– А вот что, – ответил отец. – Сейчас ты отпускаешь этого араба... Как его зовут?

– Ахмед...

– Редкое имя. Хорошо. Отпускаешь этого Ахмеда. Не бойся, он никому ничего не скажет. Едва главарю банды и даже рядовым головорезам станет известно о том, что он у вас раскололся, даже если он сам в этом им признается и покается, считай, что ближайшего рассвета ему уже не встретить.

– Папа, объясни, что мне это даст?

– Очень просто. Ты делаешь его своим осведомителем. Если он заартачится или начнет увиливать, пригрози, что подкинешь информацию его атаманам. Надеюсь, ты записал на видео, как он дает показания?

– Да нет...

– М-да... – протянул отец. – Похоже, на некоторых детях природа не то что отдыхает, а объявляет бессрочную забастовку.

Коби молча проглотил этот комплимент. Отец и сам понял, что немного переборщил, и заговорил уже помягче.

– Итак, немедленно запиши на кассету весь его рассказ – на иврите. И сам на ней нарисуйся, чтобы ясно было, кому парень стучит. Начнет упираться, пригрози, что расстреляешь.

– Уже пригрозил.

– Вот видишь? Ты не законченный идиот. Есть проблеск надежды.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Теперь делаем вот что – пусть он информирует тебя обо всех планах своей банды. И накануне шестнадцатого января ты расположишь ребят так, что они смогут положить эту банду в два счета. Когда появятся поселенцы, которые, как я понимаю, идут безоружные...

– Естественно! Ведь если при столкновении с солдатами у них будет оружие, их можно будет обвинить в вооруженном нападении на солдат.

– Замечательно. Теперь смотри. Поселенцы выходят на плато. Арабы дают по ним первую очередь. Дают не для того, чтобы кого-то убить – это только в кино так кладут людей, к тому же тут ночь, хотя бы и лунная. Дают очередь исключительно с целью прижать их к земле. А потом, когда поселенцы беспомощно распластываются на сухом самарийском грунте, усеянном камнями и колючками, – я правильно излагаю, а то я в ваших краях давно не был?

– За последние годы чернозему не прибавилось...

– Чудесно. Так вот. Арабы сочтут возможным спокойно двинуться с автоматами к разлегшимся безоружным поселенцам, дабы перестрелять их при свете все той же луны. Но стоящие

начеку, то бишь в засаде, бойцы блестящего полевого офицера Якова Кацира, сына не менее блестящего политического деятеля, депутата Кнессета Йорама Кацира, паля поверх уткнувшихся носами в грязь еврейских голов, уничтожают кровавую банду, а после принимают в свои объятия спасенных ими поселенцев – перепачканных, перетрусивших, но живых. И те, забыв о планировавшемся прибытии в Канфей-Шомрон, покорно идут в объятия. А куда деваться? На спасителей-то с кулаками не кинешься!

* * *

Что ж, значит, теперь он, Ахмед Хури – еврейский агент. В течение нескольких часов жизнь рухнула, и на ее месте зачернело здание новой жизни, ничего общего не имеющей с предыдущей. Несколько часов назад из Эль-Фандакумие в бывший Канфей-Шомрон уходил нормальный человек, любящий своих друзей, любящий свою семью – Афу, Хусама, Амаля – любящий свой народ, хотя и – как совсем недавно выяснилось – не готовый отдать жизнь за него. Возвращается же грязный предатель, вымоливший у врага прощение ценой того, что будет толкать под пули своих товарищей и невидимым образом подставлять ножку своим командирам. Хорош, нечего сказать! А что было делать? Умирать? Хоть и сказано в Коране «всякому, имеющему душу, надобно умереть не иначе, как по воле Аллаха, сообразно книге, в которой определено время жизни» – Кисмет! – но почему-то хочется, чтобы в этой книге было определено побольше времени.

Ахмед спустился по пологому склону, где ступенились террасы, на которых жители деревни выращивали оливы. Эти террасы были отгорожены одна от другой невысокими сложенными из камней стенами, выполняющими функции межей, и Ахмеду пришлось попотеть, перелезая через них. Вслед за тем он нырнул в пещеру и по тоннелю выбрался на плато Иблиса. Вон уже внизу светятся голубоватые огоньки Эль-Фандакумие, над которыми горят электрические зеленые кольца, опоясывающие минареты. Там закончилась саят аль-магриб, вечерняя молитва. Рядом – кофейня, где он так любит вечерами сидеть с друзьями, Мустафой и Исмаилом... фруктовые сады... туман, тонкий, как крылышки богомоллов.

Как бы то ни было, при виде малой родины Ахмед зашагал веселее. Скоро он будет дома, а дома все будет хорошо. Не может быть плохо. Ему было неизвестно, что в тот момент, когда он выходил из вагончика капитана Кацира, две пары глаз смотрели на него в бинокли ночного видения – один, купленный на деньги европейских гуманитарных организаций, переданные страждущему палестинскому народу, другой... на покупку другого тоже кое у кого нашлись деньги. Первый бинокль прижимал к переносице следивший за происходящим дозорный Мазуза Шихаби, второй держал в руках Юсеф Масри, сотрудник штаба того же Шихаби. Впрочем, Шихаби был бы очень удивлен, застань он последнего за этим занятием.

* * *

– Плохо! Плохо! Очень плохо! – Коби развел руками. – Сколько раз говорить – воздействию сильным на слабое!

Потирая ушибленный бок, рядовой Шауль Левитас стал вяло подниматься с земли, покрытой сосновыми иглами. Настроение у него при этом было чуть ниже похоронного. Круглолицый самар{Старший сержант.} Моше Гринштейн только что отправил его в длительный пируэт над поляной, где проводилась тренировка по Крав Мага – израильской системе рукопашного боя и самообороны без оружия.

– Ну-ну, не вешай нос, Шауль! – сменил Коби гнев на милость. – Ты ведь начал хорошо. Какой главный принцип Крав Мага? Любой предмет, попавшийся под руку, можно использовать, как оружие. Вот ты и пытался использовать эту щепку. Замечательно! Она относится к

категории «хафацим дмуей сакин» – «предметы, подобные ножу». Основные приемы с таким предметом – прямой тычок на прямом хвате, тычок по дуге на прямом и обратном хвате, режущее движение. Ты применил режущее – прекрасно. О чем ты забыл? О том, что это все же не нож. Когда ты его используешь, атакуй уязвимые части тела противника, в первую очередь – не защищенные одеждой. Лицо, шею, кисти рук и запястья! А ты куда ткнул?

Читатель никогда не узнает, куда ткнул Шауль, потому что мобильный телефон Коби вдруг запел по-особому нежно: «Милый! Ответь, это я!»

Почему-то всегда, когда звонила Яэль, тембр этого женского голоса сотового клише менялся, так что Коби по самому звонку чувствовал – звонит не кто-нибудь, а она, любимая!

– Алло, Коби?

Он махнул рукой самару Гринштейну, чтобы тот продолжал занятие с солдатами, а сам, приложив к уху мобильный телефон, зашагал к своему вагончику в состоянии полнейшей любовной нирваны.

Хорошо, что она позвонила. Приятно иногда вспомнить, что на свете есть не только красные береты, ночные патрули, стукачи в куфиях, террористы и поселенцы, а еще и квартира в Алфей-Менаше, Яэль, которая и уют бережет, и делами занимается, и о нем, о Коби, помнит каждую секунду, что есть еще маленький Ноам, который, куда бы ни шел, тащит с собой за полосатый хвост своего любимца, мехового тигра раза в полтора больше его самого. Коби, сидя на стуле, чуть откинувшись, прикрыл глаза, представил, что они сейчас сидят с Яэль и Ноамом на своей огромной веранде и пьют. Он – пиво, Ноам – свой любимый малиновый сок, а Яэль, как всегда, – в любую погоду и в любое время дня и ночи – крепкий кофе.

– Коби, Коби, что ты молчишь, что с тобой?

– Здесь я, – тихо сказал в мобильник Коби, очнувшись за своим рабочим столом в армейском караванчике. – Здесь я, дорогая, не волнуйся!

– Конечно, я волнуюсь! – возмутилась Яэль. – Ты все не звонишь и не звонишь. У тебя что, какое-то ночное задание? Операция?

– Да нет, нет, просто дел очень много!

– Дел много? Коби, милый, ты же знаешь, как я переживаю! Неужели ты не мог...

– Мог, мог, прости меня, Яэль. Честное слово, заматался. И потом, неужели ты за все эти годы не устала волноваться?

– Устала-не устала! Что ты такое говоришь? Разве к этому можно привыкнуть?

Тут их разговор прервался, потому что к жене пришла соседка, а главное, Яэль уже знала, что ее драгоценный Коби жив, не ранен, а когда он до дому доберется, того он и сам не знал.

Мобильный уснул, Яэль вновь была где-то за десятки километров в тихом уютном Алфей-Менаше – одно название, что «Территории», – а Коби опять нос к носу со своими мыслями. Вернее, с одной мыслью, которая не давала ему покоя. Все замечательно рассчитал папа, кроме одного – а что если своей первой очередью, той самой, которой поселенцев будут прижимать к земле, арабы кого-нибудь так прижмут, что потом, когда все встанут, он там и останется? Да, конечно, издали в темноте попасть сложно, но не невозможно. И вообще, все может случиться. Есть такое понятие – «шальная пуля». Нет, отец слишком легко распоряжается чужими жизнями. Но в одном он прав – никуда ни о чем сообщать нельзя, и ловушку для арабов надо делать самому. Только такую, чтобы полностью исключить возможность гибели хотя бы одного из поселенцев. А как?

* * *

Мазуз с шипяще-свистящим звуком втянул в себя дым из наргиле. Что за гадость этот «Аль-Бустан». То ли меда в нем переизбыток, то ли табак какой-то не такой – в общем, мер-

зость ужасная. Говорил же: «Не покупайте «Аль-Бустан»! Купите лучше что-нибудь подороже, но так, чтобы, когда куришь, блевать не тянуло!» Нет, все-таки купили «Аль-Бустан».

Ну хорошо, вернемся к нашей проблеме. Почему Абдалла Таамри потребовал, чтобы человек Мазуза явился в определенное место с определенным заданием. Почему он просто не изложил Мазузу ситуацию и не предоставил свободу действий: мол, так и так – примерно такое-то количество поселенцев примерно в такое-то время выходят из Элон-Море и идут примерно таким-то маршрутом? Ваша задача перехватить их и уничтожить. Вместо этого он вникает во все детали, указывает, куда конкретно кого-то посылать, хотя ясно, что сам Мазуз в этом разбирается куда лучше. И еще – как быть с Ахмедом Хури, которого Мазуз лично отправлял с видеокамерой на плато Иблиса и которого потом наблюдатель в бинокль видел выходящим из каравана еврейского офицера? Он, кстати, мог послать и кого-то другого. Пожалуй, этого Ахмеда имеет смысл допросить.

Как некое инопланетное чудище в американском фильме, откуда-то снизу, из-под оттоманки, вынырнул огромный паук и, перебирая шерстистыми ногами, помчался по стене. Проворный Мазуз в мгновение ока сорвал с ноги туфлю и залепил в чудище. Труп членистоногого полетел на пол, а на стене осталось серое пятно. Мазуза передернуло. Он уже собрался позвать кого-нибудь, чтобы останки жертвы предать совку, но тут раздался телефонный звонок. Один из людей Мазуза сообщил странную новость – сотрудник его штаба, Юсеф Масри, по непонятным причинам занимается слежкой за Ахмедом Хури.

* * *

– Ну, наговорила по-русски?

– Где же наговорила? Мы у них были-то всего ничего.

– Ну, при этом вы с Орли тараторили с такой скоростью, словно спешили, пока мы не ушли, по ролям пересказать «Гамлет».

– Ты с Арье и Орли хорошо знаком? – с интересом спросила Вика.

Эван кивнул.

– Я и раньше, когда жил в Канфей-Шомроне, часто бывал в этом поселении, да и сейчас заезжаю. У меня здесь много друзей.

Вика слушала вполуха. Остановка, на которой они сидели и ждали автобуса, находилась у самого обрыва, и девушка любовалась вади – широким ущельем, по некрутым склонам которого белели скалы, сползающие вниз наподобие селей. Это вади начиналось прямо от поворота дороги и как бы уплывало из-под ног к подножьям горы Эваль и горы Гризим. Вика делила свое внимание между красотой, ластящейся к ее ногам, смыслом того, что говорил Эван, и звучанием его ивритской речи, ароматизированной англо-американским акцентом, который доставлял ей неизъяснимое наслаждение.

А Эван тем временем продолжал:

– Так вот, Орли и Арье, – они родом из России, из Еревона.

– Не «Еревона», а Еревана, и вообще, это не Россия, а Армения, – просветила неуча Вика.

– Ну, Армения – та же Россия. И родители у Орли – армяне. А «Erewon» мне нравится больше. Если читать его задом наперед, то почти получается наше «Nowhere» – «нигде». Что же касается Арье и Орли, они в этом вашем Ереване-Erewon'e вместе в школе учились. Арье, тогда его как-то по-другому звали, еще в школе влюбился в Орли. А ее в те времена звали...

– Света{Ор на иврите «свет»}, – закончила Вика.

– Она тебе сказала, да?

– Нет, просто я умна не по годам. У нас в России каждый третий такой. А каждый второй – дебил. Ну и что там с твоей Светой?

– Она не моя. Моя будешь ты. А со Светой у Арье...

- Наверно тогда его звали Леня или Лева.
- Не знаю. Так вот со Светой у него был этакий детский роман. А потом – любовь на всю жизнь. После института он женился на другой. Догадайся, как назвал дочь!
- Догадываюсь. Жене, должно быть, было особенно приятно.
- Затем он развелся и женился опять. И опять родилась дочка. И можешь себе представить, снова Света. Кстати, обе жены были армянки. Он в них искал Свету.
- Странно, что ни первый, ни второй любящий тесть его не прирезал, – заметила Вика. – Армяне – горячий народ, и к тому же не бывают в восторге, когда их девушки делят ложе с неармянами.
- Любопытно, что Света тоже дважды побывала замужем.
- Естественно, за евреями?
- В первый раз. Во втором – все нормально, за армянином.
- А сыновей в честь Лени-Левы-Арье называла?
- Вот тут симметрия окончательно нарушается. Сын у нее был лишь в первом браке и зовут его совсем по-другому.
- Все ясно – память девичья.
- Да, но память удалось освежить. Представь себе Иерусалим, Старый город, Армянский квартал. Между стен, нависающих, вот как эти скалы, идет делегация из столицы Армении, приехавшая проведать земляков, прозябающих в столице мира. Все, естественно, одеты с иголки. Навстречу движется группа религиозных евреев – одни в футболках, чистых, но застиранных до обесцвеченности, другие в ковбойках образца начала шестидесятых, в вязаных кипах во всю голову, в матерчатых штанах, со всклокоченными бородами – одним словом, поселенцы.
- Тебе я так ходить не позволю, – процедила Вика.
- Уже позволяешь, – парировал Эван.
- Это покамест. И потом – я тебя облагораживаю: видишь, какую кипу связала! Ну, и что дальше?
- Идут, значит, две эти группы – одна от Котеля к Яффским воротам, другая – от Яффских ворот к Котелю, и вдруг... По-русски это называется «как копани»?
- Чего-чего?
- «Стоишь, как копани».
- Как вкопанный. Слушай, говори, пожалуйста, на иврите. Это у тебя лучше получается.
- Хорошо. В общем, стоят они оба «как копани», смотрят друг на друга, и прошедшие годы сваливаются с них, словно засохшая корка с бывшей ранки или шкура с Чудовища, после того, как его поцеловала красавица. Ну, сорокалетняя девушка возвращается в Ереван...
- В Ереван.
- Одним словом, куда-то туда. Следует развод с мужем...
- И опять же он ее не зарезал? Какие-то армяне в твоей истории больно мирные.
- Затем Арье приезжает в Ереван, селится у друзей, оформляет брак со Светой и вывозит ее вместе с сыном в Израиль.
- И папаша позволил сына увезти?
- Эван пожал плечами и продолжал:
- Здесь в один и тот же день – гиюр {Переход в еврейскую веру и присоединение к еврейскому народу.} и хупа {Свадьба.}. На хупе, кстати, присутствовали еще две бывших Светы – Ора и Лиора, дочери Арье. Они тоже в свое время гиюр проходили. А что до сына Орли, сейчас его зовут Менахем – вряд ли это имя ему биологический отец дал. У себя в ешиве считается «илуем» – вундеркиндом.
- Пора утирать слезки умиления? – спросила Вика, но при этом почувствовала отвратительную дрожь в коленках.

Неужели Эван догадался? Ох, что же будет?! Всем хорош Эван, но ведь он религиозный! Как он поведет себя, узнав, что у Вики мать русская? Прямо Средневековье какое-то!

В России Вика себя считала еврейкой, и в детстве расплачивалась за это гордое звание порой синяками, порой потоками слез в подушку, как, например, после пропетого ей учительницей Лидией Ивановной панегирика, начинавшегося словами: «Дети! Берите во всем пример с Вики Перельман. Еврейка, а какая хорошая девочка!» Тем сильнее было ее потрясение, когда, приехав в Израиль, она узнала, что по местным законам она вовсе не еврейка {По законам иудаизма еврейство устанавливается по матери.}. Правда, туземцы именовали «русскими» всех, кто приехал из бывшего Советского Союза вне зависимости от происхождения; правда и то, что среди них, и особенно среди «русских», было достаточно таких, что считали это разделение бредовым и призывали плюнуть на этих «датишных козлов». Проблема заключалась в том, что на «датишных козлов», как на сленге русских репатриантов именовались религиозные евреи, она никак не могла плюнуть. С одной стороны, ее смертельно обижало то, что послушать их, так получалось – она вроде как отверженная. С другой стороны, ее тянуло к ним. Но когда, в очередной приход в синагогу, Вика, разоткровенничавшись с какой-то тетенькой в косынке, получила совет пойти в ульпан-гиюр {Курсы подготовки к гиюру.}, она с негодованием отвергла эту мысль. Ход мыслей был примерно следующим – я такая же еврейка, как они, и если хотят, чтобы я была одной из них, пусть сами гиюр проходят.

Однако дело было не только в духе противоречия, и уж тем более не в обилии заповедей, которые новообращенный обязан на себя взвалить. Вике гиюр казался нестерпимой фальшью – ведь это не просто присоединение к Б-жьему народу, это еще и признание власти Б-га над тобой. А вот Б-га она не чувствовала. Верила, но не чувствовала.

Потом появился Эван. Эван с его религиозностью. Дураку было ясно, что ни с кем и никогда он не ляжет в постель иначе, как после хупы. Дураку, но не Вике.

Что? Хупа как религиозный обряд невозможна без гиюра? Что ж, если он ее любит, то пусть женится на такой, какая есть. Религия? Если он любит ее меньше, чем свою религию, то это не любовь. И вообще, как жить с ним, зная, что он снизошел до нее только потому, что она выполнила его условие? Как он может чего-то требовать? Она же не заставляет его обратно отращивать крайнюю плоть!

Она бы очень удивилась, если бы узнала, что хотя Эван давно обо всем догадался, но – увы! – спор, которого она боялась и который всеми силами оттягивала, все равно не мог состояться. Эван знал то, что ей было неизвестно: согласно еврейской вере, гиюр ради хупы не гиюр. Гиюр проходят из любви к Б-гу, а не к симпатичному губастому парню с пейсами. Получался замкнутый круг. На что же надеялся Эван? На чудо. И на Б-га.

* * *

Автобус тихо нырял из ущелья в ущелье. Вика посапывала на плече у Эвана. Он знал, что по еврейскому закону нужно отстраниться от нее, но не отстранялся. Оранжевая кипа с буквой V съехала на правый глаз, и он левым смотрел в окно. Да и не столько смотрел, сколько полудремал, полувспоминал, как у них с Викой все начиналось.

...В тот день, два месяца назад, он зачем-то заехал в Ариэль и решил возвращаться в Иерусалим не через Петах-Тикву, а двигаясь напрямую на юг, через «Территории». Соответствующего автобуса пришлось дожидаться целых два часа, то есть с пяти до семи.

Был конец октября, с неба время от времени плескало на город, не то чтобы обильно, но всякий раз неожиданно. Эван зашел в синагогу – почитать, поучиться, подумать. А подумать было над чем. Рав Кук, основатель религиозного сионизма, считал создание государства Израиль началом мессианской эпохи. Вроде бы все указывало на это, и в первую очередь то, что Израиль получал один за другим куски своей исторической территории – той, что от Евфрата и

до реки Египетской. Причем ни разу не нападая, только защищаясь. Нападали враги, получали по морде и, убегая, роняли земли нам в ладони. Так было в сорок восьмом, когда евреи согласились на раздел Палестины, хотя по этому плану они получали три жалких клочка земли, а все остальное, включая Иерусалим, отходило арабам. Арабы отказались, начали войну, в ходе которой евреи заняли территорию в два раза большую, чем предусматривал ООНовский план, в том числе и часть Иерусалима. Так было девятнадцать лет спустя, когда арабы спровоцировали новую войну, Шестидневную, в результате чего вся Палестина к западу от Иордана и Синайский полуостров, а также Голаны, оказались в руках у евреев. Даже Иерусалим, самое сердце наше, не стал бы вновь еврейским, если бы Вс-вышний не наслал на арабов безумие ненависти и не заставил их напасть на евреев.

Все протекало логично, все вытекало одно из другого, и вдруг все пошло наперекосяк.

Мы начали отдавать. Сначала – тридцать лет назад – Синай. А как же с границами, определенными Торой? «От Евфрата до реки Египетской». Ну ладно, при всей болезненности – кто знает, что такое река Египетская? По одной версии – Нил. И значит, мы отдаем свое, родимое. По другой – ручеек, протекающий где-то на востоке Синая. А в этом случае...

Вспоминая свои раздумья в тот октябрьский вечер, Эван невольно улыбнулся – до знакомства с Викой оставалось несколько минут, и ему в то время не было еще известно ее любимое, невесть из какой книги взятое, выражение: «У меня скорее лапы отсохнут, чем я дотронушь до чужого».

Предположим, Синай – вопрос спорный, хотя, когда израильский премьер Бегин, отдавая его, разрушил несколько поселений плюс целый город, прекрасный город Ямит, – это было ужасно. Но Гуш-Катиф и Северная Самария – это уже просто крушение. Это-то без всяких там разночтений еврейские земли.

В Талмуде приводится история о том, как два мудреца встречали рассвет в горах возле Арбели. И один сказал другому: «Вот так же и Избавление – сначала по чуть-чуть, по чуть-чуть, а потом – сразу». Но где же видано, чтобы солнце, не дойдя до вершины небосклона, повернуло обратно на Восток?

Прожигаемый насквозь подобными мыслями, Эван сидел на обитом синим бархатом стуле и рассеянно перелистывал «Огни» рава Кука, пытаясь не дать разваливающемуся на куски миру окончательно развалиться. И вдруг откуда-то свыше прозвучало с русским акцентом: «Тебе плохо, да? У тебя нет ответа на вопрос, который тебя мучит?»

Он с изумлением поднял глаза и увидел наверху, в полумраке *эзрат нашим* – галереи для женщин – силуэт курносой девушки с хвостиком на затылке.

– Откуда ты знаешь? – выдохнул он, ощущая некую нереальность этой феи. Право, вспорхни она сейчас под потолок или растай в воздухе, Эван бы не удивился.

– Да все очень просто, – ответила вполне земная девушка. – У меня тоже вопрос. Я порой прихожу в синагогу, смотрю на таких, как ты. Люблю смотреть, как вы молитесь. Я вижу – вы верите... А у меня почему-то не выходит. То есть я думаю, Он где-то есть, но какое Он имеет отношение ко мне – не знаю. Наверно, вот так же люди воспринимали сообщение о том, что Колумб открыл Америку. Вот приходит Колумб и говорит: «Я, ребята, Америку открыл!» А они ему говорят: «Ну и что?» А он: «Да не, вы не поняли! Я Америку открыл, понимаете, Аме-ри-ку!» А они: «Ну, а мы-то здесь причем?»

– Может быть, я ошибаюсь, – перебил ее Эван, – но по-моему, Колумб не знал, что открыл Америку. Он думал, что приехал в Индию.

– Тем более... – начала девушка.

– Нет, не тем более! – настаивал Эван. – А в этом суть. Индия – это нечто знакомое, быть может, далекое, но вполне привычное и ничуть не загадочное. Индией даже пользовались – там пряности разные...

– Чай, – вставила со знанием дела иммигрантка из СНГ.

– Да-да, чай. Дальше... ну не знаю... драгоценности, благовония... Понимаешь, «Индия!!» А на самом деле никакая это не Индия, а Америка! Так и тут – за чем-то, что нам кажется привычным, кроется неведомое. Нам кажется – стечение обстоятельств, а это – Б-г!

– Слушай! – она вцепилась руками в барьер и перегнулась через него. Тусклые лучи светильника, освещавшего ковчег со свитком Торы, заскользили по ее гладкой коже и вспыхнули в светло-карих глазах. – Слушай! – возбужденно повторила она. – А почему нет чудес? Я хочу, чтобы были чудеса! Я прошу Его, пусть он сделает чудо, только настоящее чудо, не в духе всех этих вашенских вывертов, дескать, смотри, солнце взошло – ну разве это не чудо?! Или – «вот, двое предназначенных друг другу встретились – какое чудо!» (Эван при этих словах как-то странно вздрогнул). Нет, я прошу настоящего чуда! Чтобы почувствовать, что Он рядом! Вот у нас в конторе работает девчонка из поселения, здесь, неподалеку. Сегаль зовут. У нее парень, Шауль, – он в армии, парашютист. Звонит Вике на мобильный каждый день. Так вот когда у него дурное предчувствие, он ей ни слова – дескать, чтобы не расстраивать, не раскисать – Антонио Бандераса из себя корчит. Только она сама по телефону стопроцентно определяет. Голосочек-то дрожит! И она начинает молиться. А наутро он звонит – пуля в сантиметре прошла. Я вроде бы как верю, но почему же другим-то Он хотя бы вот таким способом показывается, а мне – ни разу!

Он подняла глаза к потолку:

– Ты, там, слышишь?! Я очень Тебя прошу... Ну пожалуйста!

В тот день Эван ушел из синагоги с твердым решением никогда больше не встречаться с этой девушкой и острым желанием ни на миг с ней не расставаться. Голос разума сначала орал, что брак между религиозным и светской – это готовый комплект проблем, потом слабо шептал о том же и, наконец, окончательно заткнулся. А Эван, предусмотрительно не взявший у русскоязычной девушки Вики номера телефона, вспомнил на следующий день, что неотложные дела требуют его срочного приезда в Ариэль. Исключительно религиозным рвением можно объяснить то, что ровно через сутки после встречи с Викой – минута в минуту – он влетел в Ариэльскую синагогу. Заглянул в эзрат нашим и увидел там ее, безмятежно посапывающую на мягком стуле, куда она плюхнулась ровно час назад в ожидании Эвана. Это к вопросу о чудесах.

При воспоминании об этом вечере лицо Эвана озарила счастливая улыбка. И напрасно, потому что ровно через секунду позвонил мобильник.

* * *

– Во имя Аллаха, ответьте, зачем я вдруг понадобился Мазузу?..

Губы Ахмеда дрожали, и вид у него был довольно жалкий. Даже роскошные усы, казалось, обвисли. Еще дома под аккомпанемент рыданий Афы ему было объявлено, что командир хочет кое-что выяснить. И теперь его спутник ничего не отвечал, лишь время от времени то направлял на него «люгер» со взведенным курком, то дулом указывал дорогу к дому Шихаби, которую Ахмед и без него прекрасно знал.

– Но почему, почему?!.. Рафик! Товарищ! – добавил он в надежде, что новоявленный конвоир хоть как-то отреагирует, но тот и бровью не повел.

Самые худшие его предположения, судя по всему, начали сбываться – невероятно, чтобы предстоящий допрос по странному совпадению не имел никакой связи с тем допросом, который четыре часа назад учинил ему еврейский офицер.

«Неужели Шихаби знает?» – стучало в его мозгу, когда они проходили мимо домов, увиденных наружными лестницами и козыряющих друг другу арками.

«Неужели Шихаби знает?» – бормотал он, трепеща, когда они подошли к дому с надстройкой, напоминающей одновременно домик Карлсона и китайскую пагоду, увенчанную

телеантенной в форме Эйфелевой башни. Несмотря на смешение стилей, получалось очень со вкусом. Все-таки Шихаби был интеллигент, сын интеллигента.

«Неужели он знает?» – просверкнуло в мозгу Ахмеда, входящего в кабинет Шихаби, прежде чем удар в живот свалил его наземь.

* * *

Автобус потряхивало на поворотах. Буква V на кипе Эвана, казалось, разваливается пополам, прислушиваясь к голосам – Викиному и Натана Изака, – которые с двух сторон неслись в его несчастные уши.

Вика не видела, что у левого уха ее возлюбленный держит мобильный телефон. Натан Иzaak не знал, что справа от Эвана сидит Вика.

– Доброе утро, – сказала Вика, окончательно проснувшись.

– Алло, Эван? – сказал Натан Иzaak.

– Hello, – сказал Эван обоим по-английски.

– Я тебя не шокирую тем, что использую твое плечо как подушку? – спросила Вика.

– Хочешь услышать потрясающую новость? – спросил Натан Иzaak.

– Нет, – ответил Эван Вике.

– Да, – ответил он Натану Изаку.

Оба ничего не поняли, но никого из них это не смутило.

– Когда мы поженимся, я всегда буду спать на твоём плече, – продолжала Вика. – А ты не будешь дергаться, потому что жене Тора это разрешает.

– Из проверенных источников стало известно, что два часа назад с Ариэлем Шароном случился новый инсульт, – продолжал Натан Иzaak. – Он находится в коме, и, даже если выйдет из нее, изменения в психике необратимы. Его карьера премьер-министра закончена.

– Если ты шестнадцатого обаяешь моих родителей, можно будет назначать день свадьбы, – развила свою мысль Вика.

– Теперь, с учетом того, какие амебы и импотенты придут ему на смену, можно не сомневаться в успехе операции шестнадцатого января, – развил свою мысль Натан Иzaak.

– Шестнадцатого января решается наша судьба, – торжественно закончила Вика.

– Теперь тебе ничто не мешает шестнадцатого отправиться в Канфей-Шомрон, – торжественно закончил Натан Иzaak.

– Хорошо, – отвечал обоим оторопевший Эван.

Натан, попрощавшись, отсоединился, а Вика продолжала тараторить:

– Представь – папа с мамой подходят ко мне и говорят: «Слушай, Вика, какой славный этот твой Эван! Это ничего, что он религиозный – у каждого свой прибабах, как сказал герой одного фильма с Мэрилин Монро, когда невеста сообщила ему, что она – мужчина. Зато какой он интеллигентный, и какой остроумный, и как тебя любит!» А я им: «Мамочка-папочка! А знаете ли, мы собираемся пожениться!»

Автобус съехал с поросшей оливами горки и выбрался на перекресток Тапуах, где солдаты останавливали подъезжающие к блокпосту арабские машины и проверяли документы водителей и пассажиров. Иногда, если им что-то казалось подозрительным, устраивали обыск. Один солдат разглядывал оранжевое удостоверение жителя автономии, время от времени переводя взгляд с фотографии на лицо палестинца, другой держал палец на спусковом крючке автомата, в любую секунду готовый опередить потенциального террориста.

– Вика, – глухо произнес Эван. – Я не приду шестнадцатого. Мне только что позвонили... Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, обстоятельства изменились. Шестнадцатого числа я должен находиться в другом месте. Не спрашивай, в каком именно. Я не имею права говорить. Просто поверь.

Наступило молчание. Автобус двинулся в сторону Ариэля. Косые лучи фар заскользили по косым слоистым скалам.

– Мне чудится, я вижу дурной сон, – прошептала Вика. – Мне хочется ущипнуть себя, чтобы проснуться.

Эван, который всякий раз, как Вика брала его за руку, гладила по спине или клала ему голову на плечо, хотя и не отстранялся, но мучился, что ведет себя некошерно, вдруг сам впервые в жизни в нарушение закона попытался ее обнять.

Она отшатнулась. В глазах ее он не увидел ничего, кроме безмерного удивления.

– Ты что? – сказала она. – Неужели не ясно, что теперь между нами все кончено?

* * *

На лице Ахмеда не светилось ни одного синячка. Верхняя губа, правда, слегка была расквашена, но это скрывалось под богатырскими усами. Да и тело было не сильно разукрашено. Командир однозначно приказал ничего ему не ломать. Били больно, но, как говорится в Талмуде, неисследимо. Причем так, чтобы не повлиять, скажем, на походку и прочее. Иными словами, надо было, чтобы вышел Ахмед от Мазуза, как новенький, и никто – ни израильский офицер, чей вагончик сегодня на глазах у Мазузового наблюдателя покидал Ахмед Хури, ни Юсеф Масри, несколько часов назад увязавшийся за Ахмедом и, подобно собаке или бедуину, шагавший по следам последнего, – не мог ничего заподозрить. Правда, это сильно связывало руки высокому рыжему Радже. Приходилось соразмерять с поставленными задачами удары, которые он наносил Ахмеду по затылку, поскольку ни сотрясение мозга, ни тем более перелом черепа не входили в планы начальства. Непривычно было и коротышке Аззаму, который так любил бить клиентов ногой по яйцам, а тут вдруг еле-еле выхлопотал разрешение ударить лишь один раз, да и то кулаком. В общем, вздумай Ахмед упираться в своей несознанке, непросо было бы с таким куцым ассортиментом средств его разговорить. Но Ахмед, несмотря на свой гордый вид, орлиный профиль и грозные усы, оказался словоохотливым собеседником. Одного удара в живот, одного по яйцам и серии не очень сильных по затылку хватило, чтобы он «запел». И спел он Мазузу обо всем, в подробностях – и как пришел на плато Иблиса, и как его схватили, и как пугали тем, что расстреляют, и как он выложил все, что знал...

– Тебя бы надо сейчас же расстрелять за предательство, – промурлыкал Мазуз, вытянувшись на оттоманке и снизу вверх глядя на связанного Ахмеда. Боль в сухожилии неожиданно прошла, и от этого жизнь вообще и разговор с Ахмедом в частности доставляли Мазузу особое удовольствие.

– Расст-т-треляйте, к-командир... – с безнадеей в голосе, опустив глаза, отвечал Ахмед, про себя отметивший, несмотря на отчаянность положения, единодушие еврейского и арабского начальников.

– И расстрелял бы, а ты что думаешь? – Мазуз с наслаждением выдержал полуминутную паузу. – Да вот беда, нужен ты мне еще. Короче, я могу тебя использовать для нашего дела, а ты тем самым можешь загладить свою вину перед нами и вновь обрести право на жизнь. Подходит?

Суть предложения сводилась к следующему. Ахмед Хури будет верно служить Мазузу Шихаби и передавать евреям только то, что тот велит ему передать. А в случае чего Раджа и Аззам могут выполнить работу и посерьезнее, чем сегодня. Или может быть, господин Хури рассчитывает скрыться и думает, что его трудно достать? Ну да, конечно, похищать его дело хлопотное, кто спорит? Так и не надо похищать! Пуля всегда найдется. А если он вдруг захочет перебежать к сионистам и зарыться в их города поглубже, так, что мы не достанем... Окей, возможен такой вариант. К счастью, у господина Хури имеется очаровательная жена по имени Афа, а также черноглазый малыш по имени Хусам и юная дочь, красавица Амаль. Всей семьей

скрыться будет посложнее. Так что господину Хури лучше не глупить! Очень уж обидно будет, если бедному Хусамчику проломают голову, а Афочка с ее крутыми бедрами достанется Мазуз-овым молодцам, которые истомились в родной деревне с ее шариатными нравами. Что же касается Амаль... Пожалуй, Мазуз оградит ее от своих головорезов – возьмет себе лично. Сколько ей лет? Семнадцать? Ах, восемнадцать? Ну и слава Аллаху!..

Короче, быстро и легко обо всем договорились. И вот теперь Ахмеда увели, сейчас сунут под душ и после осмотра врача отпустят, а он, никому не исповедавшись, где был ночью, с завтрашнего дня начнет... да нет, пожалуй, продолжит ту двойную жизнь, которую фактически уже начал.

Взгляд Мазуза уперся в серое пятно на стене. Да, не забыть сказать Радже или Аззаму, чтобы дохлого паука убрали.

Итак, напрашивается вопрос – кто сообщил евреям, что на плато Иблиса должен появиться человек Мазуза? И ответ мог быть только один – Абдалла. Выходит, он специально потребовал, чтобы Мазуз отправил кого-нибудь в определенное время делать съемку на плато Иблиса, а сам каким-то образом предупредил об этом израильтян? Зачем? Израильским властям позарез нужно затишье, чтобы, не теряя лица, разыгрывать «Дорожную карту» {Навязанный Израилю Джорджем Бушем план мирного урегулирования.} и передавать палестинцам новые территории. Мазуз и его «Мученики» торчат у них костью в горле. Весьма вероятно, что никакие поселенцы вообще никуда не собираются идти. Просто где-нибудь в скалах над плато Иблиса засядут еврейские парашютисты, и, когда его бойцы на это плато поднимутся, тут-то их и перестреляют. Эх, взять бы и, воспользовавшись тем, что солдаты будут на плато Иблиса, захватить их военный лагерь, бывшую территорию Канфей-Шомрона. Вот шуму было бы! Мазуз Шихаби в одну ночь стал бы национальным героем, и тогда Таамри вместо того, чтобы использовать его и уничтожить (а дело пахнет именно этим), сам стал бы искать с ним и с его «Мучениками» равноправного союза. И еще неизвестно, кто предложил бы условия лучше – он или ХАМАС! К сожалению, пока у евреев вожаком это семя змеи, Ариэль Шарон, – да покарает его Аллах! – такое развитие событий нереально. Недаром даже сами евреи называют его Бульдозером! На Размежевание он пошел лишь потому, что убедил себя, что это он сам из Газы уходит – вот хочу и уйду! Но позволять арабам делать то, что они хотят? Не шутите! И вообще, захват арабами территории Канфей-Шомрона будет для него сущим подарком, чтобы оправдаться перед своими за Размежевание, показать, что он и сейчас не только с евреями, но и с арабами воевать может. Да он просто прикажет ЦАХАЛу смести Мазуза с его гвардией в одну секунду, так что от них и пылинки не останется! И ведь был же у него две недели назад микроинсульт. Взял бы да подох! Без него никто из сионистов ничего не осмелился бы сделать. Так нет, оклемался, порождение Шайтана!

Но вернемся к поселенцам. А вдруг они действительно пойдут в Канфей-Шомрон? Делаем так: отправляем на плато Иблиса человек двадцать для отвода глаз. Посылаем своего человека куда-нибудь, где поселенцы наверняка будут проходить. Пусть он затаится поближе к тому месту, откуда они предположительно выйдут. Как только засечет их, пусть следует за ними и сообщает об их передвижениях. Тогда ловушку мы все-таки устроим! Только не на плато Иблиса, а в другом месте. Но во-первых, об этом не должны знать ни друзья, ни ребята в штабе, ни Абдалла – особенно Абдалла! – а во-вторых, где же ее поставить?

Ближайшие поселения – Санур, Хомеш, Ганим и Кадим были также разрушены во время Размежевания. Получалось, что единственное место, откуда поселенцы могут прийти за ночь – Элон-Море.

* * *

Между тем Коби, не подозревавший, что усатый Ахмед уже побывал в лапах Мазуза Шихаби, старого и давно известного ему врага, стоял у такой же точно карты, только с надписями на иврите, и планировал свою собственную ловушку. По их с отцом плану, как и предположил Мазуз, сверху на скалах должны были расположиться стрелки, которым велено было позволить арабам дать лишь одну очередь по поселенцам, чтобы прижать их к земле – в темноте, издалека, практически вслепую... Отец, правда, закинул удочку, может, позволим дать две очереди, чтобы поселенцы глубже ощутили серьезность ситуации и потом еще сильнее прониклись любовью к своим избавителям. Здесь уже Коби встал на дыбы – одна очередь и ни выстрелом больше. Отец отступил. Но все равно – хотя шансы на то, что кто-то из поселенцев получит ранение, были малы, а на то, что будет убит – очень малы, Коби чувствовал, что не может на это пойти. И не пойти не может. Так вот и сидел он Буридановым ослом, втягивая сигаретный дым, а затем выпуская изо рта один нолик за другим, и цепочка этих нолей приковывала его к грубо побеленному потолку.

Ладно. Давайте подумаем, где расположить солдат. Ясно, что на скалах, но как лучше – напротив выхода из коридора, который тянется от Эль-Фандакумие, или по бокам?

Он задумчиво прикурил сигарету от сигареты. Какая все-таки пакость этот «Ноблесс». Привык он еще во времена, когда был рядовым, а папа денег не давал, воспитывал! Давно пора переходить на что-нибудь полегче типа «LM» или «Мальборо». Слава Б-гу, финансы позволяют.

И в этот исторический миг мудрому Коби, гениальному Коби, пришла, наконец, та самая блестящая идея, которую он так ждал – очередей будет не одна, а две, все как сказал папа. С криком «Аллах акбар!». И стрелять будут из «калашей». Трофейных. Первая очередь будет дана в воздух. Дадут ее с криком «Аллах акбар» не арабы, а кобины орлы. И когда ничего не понимающие, но перепуганные поселенцы, попадая наземь, начнут умолять Б-га совершить чудо и спасти их от верной арабской пули, тогда будет дана вторая очередь – по не успевшим опомниться террористам. После того как террористов добивают, гордые и отважные выученики свирепого рава Фельдмана, только что грозившие все смести на своей дороге, отрывают от грязной глинистой земли щеки, поросшие всем, чем положено у религиозного еврея, и с изумлением видят склонившихся над ними тех самых солдат, с которыми они еще две минуты назад готовы были вступить в крутую драку. Теперь эти несостоявшиеся враги ласково помогают им подняться, хлопают по плечу, поят чаем и усаживают в джипы, а также в случайно оказавшиеся наготове автобусы, которые отвезут незадачливых новоселов обратно в Элон-Море. И те не сопротивляются. А кому сопротивляться? Своим спасителям?

Да, все замечательно продумал Коби, устилая волнами табачного дыма узкое пространство между собственной кудлатой черной головой и небрежно выбеленным потолком. Не учел лишь один фактор. И фактор этот звался Мазуз Шихаби.

* * *

Явился Раджа с совком, чтобы унести наконец паука. С подогнутыми ногами тот выглядел куда менее внушительно, чем тогда на стене, в миг своей горькой кончины. Обнаружилось, что хладным трупом уже занялись набежавшие муравьи, так что, предав тело помойке, слуга вынужден был еще раз вернуться, чтобы протереть пол под оттоманкой мокрой тряпкой.

Мазуз выпустил колечко дыма. Так, а где же сделать настоящую засаду? Что нам скажет карта наша дорогая?..

Вот оно. Ущелье Летучих Мышей. Замечательное место. Помнится, он бывал там примерно год назад. Гладкая, ровная, широкая дорога; по правую сторону, если идти из Элон-Море, – скалы, по левую – кусты. В этих кустах и залягут ребята. Вот от этого уголка – и вправо. Скалы светлые, известняковые. Фигуры поселенцев хорошо будут видны на их фоне. Когда первый до уголка дойдет и вся их шеренга будет как на ладони, можно по ним открывать огонь. В упор. Всех и положим. Как сказал Пророк, «Гавриил с тысячью ангелов обрушивается на врага». А ЦАХАЛ тем временем пусть в ожидании чешет себе задницу на плато Иблиса.

Жужжание телефона вплелось в слаженное пение ночных насекомых. Ну кто это еще? Почему всегда в тот момент, когда он приходит к какому-нибудь интересному решению, ему мешают? И Аззам с Раджой куда-то задевались. Дисциплинка в отряде та еще! Придется самому брать трубку.

Почти машинально Мазуз это сделал.

– Аллю?

– Здравствуйте – говорит – Камаль – Халед – секретарь – сайида – Абдаллы – Таамри. Сайид – Таамри – вынужден был – оторваться – от собственной – свадьбы – чтобы поручить мне – срочно – связаться – с вами – и передать вам – важное – сообщение – которое – он только что – получил – из своих – источников – в израильских – околоправительственных – кругах – в Иерусалиме...

Мазуз попытался было сделать незнакомцу замечание о том, что нет никаких израильских кругов, а есть сионистские, нет Иерусалима, а есть Аль-Кудс, но тот, словно не слыша, продолжал ровным, как у робота, голосом:

– Два с половиной часа назад – премьер-министра Израиля – Ариэля – Шарона...

– Да покарает его Аллах! – успел вставить Мазуз.

– ...увезли – в больницу – в бессознательном – состоянии. Врачи – констатировали – тяжелый – инсульт...

Мазуз онемел.

– Сайид Таамри – просит – чтобы подготовка – к операции – на плато – Иблиса – и все – иные – действия – велись – с учетом – того – что, по его – мнению – в ближайшие – недели – будет не столько – смена – власти – сколько – в значительной – степени – безвластие. Что – передать – сайиду – Таамри?

– Передайте ему, что... что... что... что мы победим! – вдруг неожиданно для самого себя выкрикнул Мазуз.

– Мы победим, мы победим, мы победим, – взволнованно бормотал он еще долгое время после того, как трубка заняла свое законное место на рогатом телефонном рычаге, выполненном в стиле начала прошлого века.

Затем он затах. Схватил пачку «Ноблесса», увидел, что она пустая, резким движением скомкал и зашвырнул под столик, на котором стоял компьютер. Вытащил из ящика новую, вскрыл, достал сигарету, нервно чиркнул зажигалкой. Какая-то мысль шевельнулась в нем, какой-то взрывчатый, сумасшедший и одновременно с этим вполне реальный план, вернее, еще не план – набросок, просверк! Он еще не понимал, о чем речь, но ясно было одно – что-то, еще два с половиной часа назад казавшееся совершенно несбыточным, стало вполне осуществимым сейчас, когда Аллах – великий Аллах, всемогущий Аллах ПО-КА-РАЛ!!! Шарона.

Он схватил стоящую в углу палку, которой иногда лично пользовался при допросах, и начал плясать египетский тахтиб, из которого, как известно, вылупилась знаменитая асяя. Плясал, как его когда-то учили в детстве, фехтуя с невидимым противником. А потом, усталый, опустился на край оттоманки, и все встало на свои места. Новый план – простой, ясный и сногшибательный – раскрылся, как чашечка анемона. И, словно резко очерченные алые лепестки, засверкали детали предстоящей операции.

У него в Эль-Фандакумие триста бойцов. Еще двести в Наблусе. В Бурке и Мухайям-Фариа по сто сорок и наконец в Салеме – девяносто. Итого восемьсот семьдесят. Ну и человек двести в Газе и в Эль-Халиле. Практически весь клан Аль-Наджибов плюс сочувствующие. Незаметно подтянуть часть людей в Эль-Фандакумие и Бурку в течение двенадцати дней не слишком легко, но, в принципе, возможно. В свете потрясающей новости он будет действовать не двумя, а тремя отрядами. Один, как и предполагалось, уничтожает поселенцев. Другой отвлекает ЦАХАЛ на плато Иблиса. А третий... – тут Мазуз не мог сдержать рвущегося наружу шквала эмоций и выдохнул вслух. – Третий захватывает полупустой Канфей-Шомрон!

Да! Да! Сейчас, когда Абдалла Таамри ведет какую-то странную игру, единственный для Мазуза путь к спасению – это захват территории Канфей-Шомрона, но пока Шарон стоял у власти, это представлялось невероятным. И вот – Аллах милостив! – два часа назад это стало возможным. Только нужно действовать молниеносно – неожиданным ударом занять Канфей-Шомрон, тех, кто останется в лагере, взять заложниками и поставить новых правителей перед фактом. Тогда те не сунутся. И оправдание у них будет перед собственным народом – «мы не можем подвергать опасности жизнь наших бойцов!» Как же! Интересуют их чьи-то жизни! Их сейчас только выборы интересуют – у себя в Израиле и здесь, в Палестинской Автономии. Шарону было бы на все плевать, заложники – не заложники, он тотчас же передал бы Мазуза и его команду, словно скорпионов. А те, кто придут после него, во-первых, побоятся провала на выборах, если по их вине арабы перебыют заложников, а во-вторых, свято верят – чтобы не пришел в Автономии на выборах к власти ХАМАС, надо проявить мягкость. Идиоты! Беспольные идиоты, которые не понимают, что арабы – это настоящие мужчины, и ценят то, что в мужчинах главное, – силу. А мягкость презирают.

Значит, армия будет нейтрализована. А вот поселенцы могут попытаться освободить заложников. Среди них и бывшие спецназовцы есть, а остальные – все служили в боевых частях. И правительство им не указ. Их необходимо уничтожить согласно прежнему плану.

И все же – как провести молниеносный захват военного лагеря прежде, чем к евреям прибудет помощь? Как не дать им связаться со своими и сообщить о нападении? В случаях, когда поиск решения заходил в тупик, у Мазуза было одно проверенное средство – отвлечься. Например, нырнуть в интернет, почитать последние новости, а затем вновь свежим взором окинуть ситуацию. Так Мазуз и поступил. Из различных фалнетовских сайтов он выбрал «Баласан» и сразу полез в новости. Про болячку Шарона пока ничего не сообщают. Ничего, сообщат с минуты на минуту. Пишут, что Газе двое ребят из «ХАМАСа» пытались выпустить по Израилю «кассам», но ЦАХАЛ их самих уничтожил с воздуха. Одновременно начальник сионистского Генштаба Дан Халуц, который так чудесно организовал ликвидацию еврейских поселений полгода назад, теперь торжественно объявил: «У нас нет решения вопроса безопасности юга страны». А левый журналист Феликс Фридман из газеты «Маарив» прокомментировал его слова, что мол, «из-за какого-то городишки по имени Сдерот ЦАХАЛ не будет поднимать планку ответной реакции», тем более что обстрелы ведутся террористами из густонаселенных районов Газы и могут пострадать мирные арабы. «И вообще, добавил он, от «кассамов» еще никто не погиб». Мазуз прочел и обиделся за своих. Как это никто? В одном Сдероте уже убито пять человек и ранены сотни, а сколько погибло в Гуш-Катифе? А вот другой журналист, Авраам Тальберг на страницах «Едиот Ахронот» вещает: «Именно Израиль виноват в том хаосе, который воцарился сейчас в Палестинской автономии. Поэтому сейчас мы должны резко увеличить экономическую помощь населению сектора Газы и тем самым уменьшить непонимание и направленную на нас ненависть. Палестинские родители ничуть не меньше нас с вами хотят видеть своих детей счастливыми». И это говорится о народе, где национальная героиня – мать, вырастившая пятерых шахидов {Здесь: террорист-самоубийца.}! Дебилы!

Ну хорошо. А что в мире творится? Все стоят на ушах из-за того, что в какой-то датской газетенке опубликовали карикатуру на пророка Мухаммада. Вон, уже и до Ливана докатилось!

«В Бейруте манифестанты пытаются прорваться к посольству Дании. Ливанская полиция применила слезоточивый газ. Из района инцидента следуют одна за другой кареты «скорой помощи».

Кареты скорой помощи... Кареты скорой помощи... Вот оно! Что же он сразу не сообразил? Минометы! Два американских «эм-тридцать», калибра 107,7 миллиметров, которые доставили ему с юга, из Омана! Как они эти две бандуры, пусть и в разобранном виде, в Израиль доставили – одному Аллаху известно. Только выложить «Мученикам» пришлось за них хорошие денежки. Зато свои собственные минометы – пусть устаревшие, но других-то нет! И даже с минами. Они тогда здорово промучились с переправкой этого хозяйства в Самарию через израильские КПП! Он уже почти отчаялся получить все это добро! К счастью, в этот момент мировая общественность и еврейские правозащитники вроде дурачков из «Махсом Вотч» {Левозэкстремистская группа, пытающаяся парализовать работу израильских КПП.} подняли вой на весь мир по поводу произвола оккупантов и страданий мирных жителей на дорогах – и сионистское правительство сдрейфило, половину постов сняло! И то провезли еле-еле – в этих самых «каретах скорой помощи», почему он сейчас и вспомнил... Как же ругался потом Мазуз, когда обнаружилось, что сволочи-оманцы его надули и вместо нормальных мин подсунули никому не нужные, газовые, и ладно бы маркированные двумя-тремя зелеными кольцами, а то всего одним и красным! {Химические боеприпасы, снаряженные нервно-паралитическими и общеотравляющими веществами смертельного действия маркируются соответственно двумя или тремя зелеными кольцами, а содержащие лишь раздражающие вещества – одним красным кольцом.} А вот сейчас именно такие – в самый раз!

Глава третья

Башня смерти

Две недели назад Эван, припертый к стенке неожиданным сообщением Натана о болезни Шарона, пообещал принять участие в походе в Канфей-Шомрон. С тех пор он по несколько раз в день звонил ей на мобильный – она нажимала кнопку отбоя. Звонил на домашний номер – бросала трубку. Несколько раз у него появлялось предательское (в прямом смысле) желание выговориться Вике на автоответчик, рассказать ей всю правду, заклиная никому не проговориться. Понятно, что он этого не сделал. В конце концов, в полдень шестнадцатого, накануне похода, раздираемый напополам любовью к Родине и любовью к Вике, страдалец собрался идти со своими проблемами к раву Хаиму.

– Может быть, я ошибаюсь, – рассуждал он вслух, шагая взад-вперед по своему гостиничному номеру, – но кто сказал, что моя личная судьба менее важна, чем возрождение поселения Канфей-Шомрон? У меня жизнь решается! Дело идет к хупе... я это чувствую, к гиюру и хупе. Не знаю, каким образом Б-г поможет, но он поможет – это точно. А в Торе сказано – у кого молодая жена, того на войну не берут. Невеста, конечно, не жена, но все же! Пойду к раву Фельдману, все объясню и останусь с моей Викой!» И действительно пошел. Но не дошел. Проходя мимо номера Натана Изака, вспомнил, что утром из больницы должны были привезти Юдит, жену Натана, и решил зайти. Во-первых, узнать, как она себя чувствует, во-вторых – посоветоваться. Натан вряд ли пойдет с ними из-за инфаркта жены. Вот пусть скажет – как, по его мнению, поступить Эвану. Ведь не так легко сказать – я не пойду, а ты иди. Подумал лукавый Эван.

Неделю назад Юдит Изак неожиданно стало плохо в ванной, и она упала на плиточный пол, покрытый за неимением коврика желтыми гостиничными полотенцами. Натан находился в соседней комнате, а у нее даже не хватало сил его позвать – открывала рот, лежа на полу, глотала воздух и не могла крикнуть. О том, чтобы подняться, и думать было нечего. К счастью, в кармашке ее домашнего халата лежал маленький черный с синим отливом «самсунг», и она позвонила мужу, который сидел в четырех метрах от нее через стенку и учил Гемару при свете гостиничного ночника – люстр в номерах не было. Он даже не понял, кто с ним говорит, когда в первый раз услышал в трубке хриплым шепотом произнесенное: «Натан... мне... плохо...» А поняв, подпрыгнул так, что очки слетели, кинулся в ванную и, увидев свою Юдит лежащей на полу, стал звонить в «скорую».

«Скорая» приехала, Юдит вкололи лекарство и отвезли в «Шаарей Цедек». Там ей сделали центур {Коронарная ангиография, проверка проводимости сосудов сердца с помощью микрозонда со встроенной кинокамерой.}, но довольно неудачно – случайно перерезали какой-то сосуд. Кровь полилась, как из чайника.

«Ализа Слонимски, Рахель Цивьян, Эсти Кунин, а вот теперь Юдит Изак, – размышлял Эван, стуча в красную лакированную дверь, сияющую медным номером. – Может быть, я ошибаюсь, но по-моему, до выселения у нас в ишuve слово «инфаркт» звучало примерно как «ящур на островах Туамоту», а тут уже за пять месяцев четверо. Мужики-то еще держатся, а вот женщины... Ведь еврейская женщина это не «kirche-kuche-kinder», она – основа мира, она в дом приводит Б-га. Для нее дом – Храм, и она в нем первосвященник! А когда по этому Храму – бульдозером... Не все оказались в силах это пережить... Слава Б-гу, у Юдит не закончилось так, как у Рахели или у Эсти».

Он вспомнил похороны Рахели Цивьян. Даже не похороны, а прощание в синагоге, что рядом с гостиницей. Зашитая в мешок Рахель лежала на носилках-коляске возле арон акодеш. Первым сказать слово в память о ней должен был рав Кац, ближайший друг семьи Цивьян.

Он был коэн по рождению, потомок Аарона, и ему Тора запрещала входить в помещение, где есть мертвый. Говорил он в микрофон с шумной Иерусалимской улицы, а динамик стоял в зале синагоги. Сперва все услышали урчание моторов, гудки машин и голоса прохожих, затем глухое сдавленное «Рахель» и рыдания... рыдания, рыдания. Вот и вся прощальная речь.

– Проходи, – сказал Натан, слегка подпрыгнув от радости при виде Эвана. Казалось, дужки его очков, похожие на ножки кузнечика, еще больше заострились, словно готовые застрекотать.

Юдит была уже дома. То есть «дома». Она сидела на низеньком стуле, укутанная в тот самый халат, который был на ней, когда ей стало плохо. Сзади под зеркалом лежал мобильник, спасший ей жизнь, а рядом желтый грейпфрут, казавшийся отражением маячившего в окне полуполуденного солнца.

Давление у Юдит было низким, возможно, из-за большой потери крови, но в целом она чувствовала себя вполне сносно и, если бы не бледный с зеленоватым оттенком цвет лица, могла бы сойти за туристку, которая отдохнула с дороги где-нибудь в эйлатской «Краун-Плаза», а теперь раздумывает, отправиться ли на пляж и оттуда наслаждаться видами Иордании – или поехать на яхте и с нее наслаждаться видами Египта.

– Вот, полюбуйся, – подпрыгнув, объявил Натан. – Результат чрезмерного самообладания. Молодые девчонки плакали в голос. Солдатки тоже рыдали, выковыривая их из комнат, где те когда-то в куклы играли. А это – дама хевронской закалки! Ни слезинки не проронила! Все давила в себе. И додавилась.

– А ты хотел бы, чтобы я участвовала в этом совместном размазывании сопель? – спросила она, с презрением оттопырив губу. – Не дождутся. Садись, Эван, и не слушай его. Он и сам, когда эти пришли, словно окаменел. Да и ты молодцом держался, не то что некоторые. До сих пор – вспомню, как двадцатилетний парень визжал: «Дайте мне в последний раз взглянуть на мой дом!...» – и тошнить начинает...

Она еще что-то говорила, но Эван перестал слышать. В ушах вновь зазвучало «Они уже здесь, эти изверги!», а затем глухим мужским голосом произнесенное: «Я пришел сюда с любовью к вам и к нашей земле, которую мы отдаем врагу. Мы получили от правительства противоестественный приказ. Но мы... – здесь голос офицера дрогнул – мы обязаны его выполнить».

Эван, конечно, был благодарен Юдит за лестные слова «держался молодцом», но на самом деле из него вряд ли получилась бы дама хевронской закалки, потому что, ощутив в горле тугую пробку, он пробормотал «извините, я – сейчас!» и выскочил в коридор.

Того Эвана, что шипел на Вику, когда она доставала зажигалку, больше не существовало. В пятый раз за последние две недели пробку, временами наглухо затыкавшую горло, он протыкал витым штопором табачного дыма. Сейчас он спустился в застекленное полукруглое фойе, плюхнулся в кресло и закурил.

– Простите, пожалуйста, у вас огня не найдется? – прозвучало над ухом.

Женщине было явно за сорок. Изящный брючный костюм, неброские, но недешевые серьги свидетельствовали о хорошем вкусе. В темных волосах, рассыпанных по плечам, седины или совсем не было, или она была удачно покрашена. Он чиркнул зажигалкой. Отблеск пламени вырвал из полумрака фойе тонкое лицо с большими глазами и резко очерченными бровями. Затем пламя погасло, лицо уплыло обратно в полумрак, откуда донеслось «Спасибо». Легкий русский акцент не корежил иврит, а придавал ему очарование.

Женщина прошла по холлу и... нет, не плюхнулась, в отличие от Эвана, а мягко спланировала в соседнее кресло.

«Ждет кого-то», – подумал Эван.

– Эллу, – ответила на незаданный вопрос олимпка. – Эллу, которая в ресторане работает. Знаете ее?

– Конечно, знаю! – воскликнул Эван.

– Думала, она с половины первого, а она с часу. Ну ладно, пять минут ждать осталось. От этой Викиной землячки веяло чем-то родным.

– Мы с Элкой еще в Москве дружили, – пояснила незнакомка. – Вместе в «отказе» сидели, вместе на Главпочтамте голодали, да и в гебэ нас на пару таскали... Нам ведь и выехать-то удалось в восемьдесят пятом, в основном, благодаря бардаку, творившемуся в эпоху загнивающего социализма – получили разрешение на выезд, по-скорому смылись, а потом узнали, что через день после отъезда пришли мужа моего арестовывать. И Элка тогда же уехала. А как в Израиль приехали, тут уж у нас по-разному сложилось. Элка вот в ресторане...

Эван от Вики много слышал о борьбе евреев за выезд из России, о голодовках протеста, которые они устраивали, о травле со стороны властей. Теперь в этой темноволосой репатриантке он почувствовал родную душу – ведь ей тоже когда-то власти отказывали в праве жить на своей земле.

– Знаете, – сказал он, – мы так благодарны и Элле, и остальным «русским», которые здесь работают. Мало кто к нам, «выселенцам» из Гуш-Катифа и Самарии, так хорошо относится, как они. Наверное, это оттого, что «русские» на своей шкуре узнали, что такое бесприютность и унижения. И там узнали... и здесь.

– Вас всех, конечно, очень жалко, – голосом, неожиданно обесцветившимся и растерявшим всяческие оттенки тембра, произнесла бывшая отказница, глядя мимо Эвана куда-то на большое окно, по которому серыми полосками бежали жалюзи. – Очень жалко. Но...

– Но что? – стараясь, чтобы в голосе его как можно меньше звучал вызов, спросил Эван. Зато бывшая отказница и не старалась скрыть вызова.

– Наше законно избранное народом правительство пытается спасти государство, – отчеканила она, и у Эвана возникло ощущение, что руки ее сами собой вытягиваются по швам, – и я его политику поддерживаю и одобряю.

«Поддерживаю и одобряю». Это словосочетание прозвучало на иврите, как перевод с какого-то иностранного языка, даже не русского, а, пожалуй, прямо-таки советского. Наверно, в былые годы и она, и ее муж так часто слышали его от своих ненавистников и преследователей, что оно всосалось в кровь и сменило хозяев. Впрочем, женщина тут же поняла, что зашла в своей жесткости чересчур далеко, виновато улыбнулась Эвану, предложила еще сигаретку, от которой он отказался, и примирительно пропела:

– Поймите, чтобы перестала литься кровь, мы должны пойти на жертвы.

– Кто – «мы»?

Голос Эвана зазвучал очень резко – ведь обаятельная москвичка говорила об абстрактных жертвах, а здесь, этажом выше, в тесном номере на низеньком стуле сидела конкретная жертва, с трудом вырванная врачами оттуда, куда сама эта гверет { Госпожа. } явно не торопится. А еще три жертвы врачам оттуда вырвать не удалось, и микрофон рава Каца захлебнулся в рыданиях. Эвану почему-то вспомнилась странная русская поговорка, которую Вика однажды перевела ему на иврит – «Москва слезам не верит».

– Так кто же «мы»? – повторил он.

– Мы... – она неуверенно повела изящной ладонью, – ну, евреи... граждане Израиля.

– Простите, – уже полностью овладев собою, произнес Эван и добавил по-русски, как его учила Вика, – извинитэ меня поджалуста, – а затем вновь перешел на иврит, – у вас съемная квартира?

– Нет, мы купили, – не понимая, к чему он клонит, отвечала россиянка.

– Просторная?

– Четыре спальни и салон... а что?

– А детей сколько?

– Дочь и сын... Почему вы спрашиваете?

– Давайте сделаем так, – предложил Эван, – у нас в гостинице, в одном из номеров, в двух комнатах живет семья из семи человек. Папа, мама, два сына и три дочки. Так вот, я предлагаю, пока они не получили компенсацию – а они, равно как и никто из нас, от нашего доброго правительства, спасителя государства, до сих пор не получили ни копейки – и пока им не построят сарай из тех, что ваша пресса пышно называет каравиллами, вы вчетвером будете жить в их номере, а они всемером проживут в вашей квартире. И им и вам прямая выгода – они хотя бы дух переведут после того ада, в который их забросила мудрая политика, подпираемая одобрениями таких, как вы, а вы... ваша совесть будет чиста, что жертвы во имя мира вы приносите сами, а не въезжаете в рай земной на чужом горбу. Не бойтесь – все технические вопросы, то бишь оформление документов и организацию переезда я беру на себя. Даже расходы на...

– Я сказала – у нас дочь и сын, – тихо, почти шепотом, произнесла женщина. – А было – два сына. Старший служил в ваших краях, в Северной Самарии. Там и погиб. Вы знаете, без Северной Самарии я как-нибудь обойдусь, а вот без Сережи... – ее губы дрогнули, – без Сережи... очень плохо.

Не глядя на потрясенного Эвана, она поднялась, бросила в урну давно погасший окурочок размером с полсигареты и медленно направилась к выходу. Там уже из-за стеклянных дверей Элла простирала подруге объятия. Через мгновение женщины повисли друг у друга на шее. Проходя мимо Эвана, репатриантка улыбнулась и помахала рукой. Вот и пойми этих русских!

* * *

До чего красивы сводчатые потолки в арабских домах, так называемые кайсарии! Говорят, вошли они в местную строительную традицию при римлянах, да так в ней и остались. Впрочем, изначально слово кайсария означало «крытый рынок». Как бы то ни было, когда Расем вернулся домой, оставив жену и детей в безопасном месте, телефонный звонок прозвучал под этими сводами особенно резко.

– Ас-салям алейкум, дорогой, – Юсеф попытался придать голосу такую безоблачность, словно он идет по берегу моря с любимой Рамизой. – Да благословит Аллах твое возвращение под родной кров.

– Алейкум ас-салям, – отвечал Расем. – Да благословит тебя Аллах!

И замолчал. Дескать, что нужно?

– Слушай, – смущенно прокашлявшись, произнес Юсеф, – когда ты сможешь подъехать к Бурке, чтобы вернуть мне мой диск? А то он мне нужен...

– Никогда, – спокойно ответил ему Расем.

За десятки километров, разделяющие их, слышно было, как Юсеф поперхнулся.

– Лучше скажи, – продолжал Расем, – что там у твоего виска – дуло «беретты» или «иерихона»?

Юсеф и те, кто вместе с ним слушали, – Камаль и Абдель, тот самый медведеподобный бородач, что свернул шею Ибрагиму, – не нашлись, что сказать. А что было говорить? Ну, «иерихон»... На какой-то момент возникло ощущение, что Расем сидит где-то здесь рядом и подглядывает. Лицо Камала, и без того бледное, как у европейца, еще больше побелело.

– Ну ладно, – с раздражением сказал Расем. – Мне этот пустой разговор надоел. Передай своим палачам, что диск уже не у меня, а у кого он – я сообщать не собираюсь. Подожди-ка минутку.

Слышно было, как он на обычном, не мобильном, телефоне набирает чей-то номер, а затем вновь раздался его голос, правда, в некотором отдалении:

– Салям алейкум. Значит, так – есть новости. Грустные новости. Юсеф уже у них в руках. Завтра после операции сразу идем к Мазузу.

«Сначала доживите до конца операции» – мысленно прокомментировал Камаль.

– ...Не вздумай оставлять диск дома. Если со мной что-то случится – неси его Мазузу. Если я вдруг начну просить, чтобы ты ко мне приехал или встретился со мной, не делай этого! Хватай диск и неси Мазузу. Значит, я тоже уже у них в руках. Маассаламе! {До свидания (араб.).}

После чего его голос громче зазвучал в мобильном:

– У вас есть еще что-нибудь ко мне?

– Есть, – голос человека, принявшего вызов Расема, поражал своей однотонностью. – С вами – говорит – Камаль – Халед – помощник – Абдаллы – Таамри. Вы, Расем – без сомнения – очень – благородный – человек. Вы считаете – нашего – Хозяина – чудовищем – презренного – Юсефа Масри – несчастной – невинной – жертвой – а себя – защитником – слабых – и обиженных – наподобие – Шахшаха {Герой арабского народного романа-эпопеи XVII в. «Жизнеописание Зат аль-Химме»}. Что ж – как говорится – каждый – своего осла – называет – лошастью. Но мы вынуждены – предоставить вам – некую – дополнительную – информацию – о вашем – подопечном. Две недели – тому назад – саиду Масри – было поручено – выкрасть у Мазуза Шихаби – мобильный – телефон. Просьба – отметить – велено было – выкрасть – а не отобрать – или совершить – еще какое-либо – действие – предусматривающее – насилие. Разумеется – здесь – требовалось – умение – с которым – у нашего Юсефа – проблемы. Как это ни печально – вышеупомянутое – отсутствие умения – у него сочетается – с переизбытком – жестокости. Вместо того – чтобы рисковать собой – этот человек – взял в заложники – семью охранника – Халила Сидки – и в качестве выкупа – потребовал с того – Мазузов – мобильный телефон. Когда же – Халил – означенный – телефон – принес – он без всякой – жалости – перестрелял – всю его семью – включая – грудного – младенца – вслед за чем – прикончил – и самого – Халила.

Воцарилось молчание.

– Это правда, Юсеф? – внезапно осипнув, спросил Расем.

Молчание не прерывалось.

– А ты, Камаль или как там тебя, велел ему сберечь жизнь Халила или добыть мобильник любой ценой?

Молчание не прерывалось.

– И еще, – добавил Расем. – Я слушал эту запись. Уж Ибрагима Хуссейни-то точно не Юсеф ликвидировал. Так что оба вы друг друга стоите.

– Вероятно – вы правы, – произнес Камаль недрогнувшим голосом, – но диск этот – все равно – представляет опасность – для всех нас. Сейчас – во всем мире – нарастает волна – справедливого гнева – по случаю – очередного – еврейского злодейства – а именно – зверской расправы – сионистских чудовищ – с семьей Халила Сидки. В случае же – если эта запись – будет – передана – огласке...

– Какое отношение имеет рассказ Хуссейни к бойне в Эль-Фандакумие, вину за которую весь мир возлагает на евреев? – перебил его Расем.

– Самое – прямое, – отвечал Камаль, и в его механическом голосе впервые проскользнули нотки скорби. Скорбел он, впрочем, все больше по причине того, что нагло допрашивающий его «Мученик» находился слишком далеко, чтобы свернуть ему шею. – Самое – прямое – отношение. Если информация – содержащаяся на диске – будет обнародована – встанет вопрос – о ее источнике. У любого – возникнет – вопрос – нет ли связи – между исчезновением – мобильного телефона – с разоблачительной – записью – и гибелью – Халила – охранявшего – дом – где этот мобильный телефон – был похищен.

– М-да, – грустно согласился Расем. – И тебя, и твоего Абдаллу я считаю негодяями, но в одном вы правы – если правда выплывет наружу, это – машааллах! – нанесет ущерб делу палестинской революции. Что ж, пока придется молчать.

* * *

Когда Натан открыл дверь вернувшемуся Эвану, тот заметил некое обновление интерьера. Посреди номера стояла большая туристская сумка, которую, пока он ходил курить, приготовил и начал паковать Натан.

Прежде чем Эван успел спросить, зачем это, Натан объяснил:

– Сейчас приедет моя старшенькая, Якира, и отвезет Юдит к себе в Кфар-Эцион. А потом я отправлюсь за лекарством.

– За лекарством? – переспросил ошарашенный Эван.

Натан кивнул. Когда он кивал, то чуть-чуть выдвигал вперед нижнюю челюсть и становился похож на цокающего варанчика.

– Мне нужно достать лекарство. Чудодейственное средство. Единственное, которое может в кратчайший срок залечить все раны. Я принесу его и протяну своей возлюбленной Юдит, и оно в два счета поставит ее на ноги.

И как бы в доказательство этого рав Натан чуть-чуть подпрыгнул.

– Как называется это замечательное средство? – не удержался Эван.

– Канфей-Шомрон, – отвечал рав Натан.

Выспренность речей Натана Изака и переизбыток в них пафоса могли достать кого угодно. Как бы то ни было, советоваться с ним Эван не стал.

* * *

Наши мудрецы говорят, что мужчина правит в этом мире, потому что нынешний мир – это мир *ratio*. Женщина в нем чужая. Зато следующий мир – «аолам аба» – будет принадлежать женщине, ибо в нем главным средством постижения действительности станет интуиция. А она, как известно, орудие женщины. Я из этого делаю вывод, что наша Вика там будет королевой королев, ибо по части интуиции она суперженщина. Утверждаю это с полным основанием, ибо сам в описываемый здесь день оказался свидетелем проявления у нее этого дара. Узнав от ее сестры, что их мама с папой приезжают на один день и, как обычно, все перепутав, то есть решив, что они прилетели в шесть утра, а не в шесть вечера, как это было на самом деле, я около четырех дня заявился к ним в квартирку на улице Шешет Аямим, что взбирается на вспухшую у самой обочины города горку, которую я по привычке зову Скорпионовой, поскольку однажды вечером встретился мне там спешащий по каким-то делам скорпион. В эту квартирку на Шешет Аямим я часто заходил в те времена, когда Викушка была еще совсем малышкой. Вздернутый носик и симметричный ему хвостик на затылке уже наличествовали, а все остальное было покрыто медной мелочью веснушек, которую впоследствии склевало хохлатое время. С той поры я навсегда полюбил гостеприимнейшего, хотя и несколько недотепистого, Моисейгригорича и его жену, очаровательную Татьяну Владимировну. Не исключено, впрочем, что именно пообщавшись со мною, они и начали бояться религиозных.

Так вот, в тот день я, о чем-то задумавшись, машинально нажал дверную ручку, и дверь открылась. У нас в Израиле в поселениях и небольших городах двери днем, как правило, не запираются. Что же до моей идиотской привычки не звонить, не стучать, а открывать дверь самому, то все, кто меня любит, с ней давно смирились.

Стоило мне открыть дверь, как я застыл на пороге, услышав взволнованный голос Вики, говорящей по телефону.

– Нет, Нин, понятия не имею. Мама и папа еще нет, за ними Наташка в аэропорт отправилась, а я осталась пирог готовить, но Эван... Да, он сейчас ко мне едет! Вот-вот появится на

пороге! Что значит, откуда знаю? Чувствую и все! Да нет же, говорю тебе, не предупреждал он меня! Мы уже две недели как не разговариваем...

Я тихо затворил за собою дверь и спустился по лестнице. Так Вика никогда и не узнает, что у таинственного всплеска ее интуиции имелся еще один свидетель, помимо подруги. Когда она вышла в салон, в квартире уже никого, кроме нее самой, не было. Вика села за стол, взяла с накрытого стола бутылку «Миранды» и налила себе в прозрачный одноразовый стакан. В последнее время она иногда ловила себя на том, что старается не есть из некошерной посуды, не покупать продукты в так называемых «русских» магазинах, где выбор свиных и аналогичных в плане разрешенности евреям продуктов столь богат, что израильская пресса восхищенно называет их владельцев бойцами с переднего края. Более того, бедная девочка с ужасом чувствовала, что ей противно кушать некогда любимые ею котлеты со сметаной. Правда, с тех пор как они с Эваном поссорились, она заставляла себя есть все это назло себе и Эвану. А вот сейчас на обычную посуду, которая отродясь не знала разделения на мясную и молочную, она вдруг посмотрела, как на врага народа. Она не притронулась к свежему обеду, посылающему ей с плиты тонкие ароматы, а только выпила водички из одноразового стакана и съела пару яблок. Дело в том, что двумя неделями ранее возникло у нее странное ощущение, будто от нее, от души ее, оттяпали большой кусок и услали Б-г весть куда. И плохо ей было без этого куска, и кровоточила душа, и изнемогала Вика от собственной неполноты и чувствовала себя не человеком – половинкою человека. А час назад почудилось – та исчезнувшая половинка где-то там вдали сдвинулась с места и поплыла к ней. Сначала это ощущение лишь маячило, потом обдало теплом, и в конце концов выкристаллизовалось в краткое «скоро приедет Эван».

Она выскочила на веранду, схватила сигарету, чиркнула своим зеленым «Чемпионом», затянулась и вдруг ясно увидела изумрудный «эгедовский» автобус, а в нем приникшего к окну Эвана в оранжевой кипе с буквой V. Подул ветерок и занес дым от сигареты прямо Вике в глаза, которые тотчас же начали слезиться. А может, слезиться они стали и не от дыма. Чтобы как-то отвлечься, Вика вернулась в салон, схватила пульт, включила телевизор, поскакала, нажимая на кнопки, по «yes»-овским каналам, однако, не зацепилась ни за один и вскоре выключила.

Может, подремать? Вика откинулась на мягкую спинку дивана, закрыла глаза и увидела Эвана. Он сидел в автобусе, закрыв глаза, и видел Вику. Так они и смотрели друг на друга закрытыми глазами. Рядом с ним на сиденье Вика заметила большой бирюзового цвета рюкзак, к которому была привязана скатанная ярко-желтая палатка. «Интересно, – подумала она, – он что, собирается ее разбивать у меня посреди кухни?»

Потом все исчезло.

«Нет, надо стряхнуть с себя это наваждение» – твердо решила наша героиня и схватила с журнального столика томик Дэна Брауна.

Но вчитаться ей не удалось – ее мысли и мысли автора шли параллельными путями, не пересекаясь. Правда, она не стала прилагать особых усилий, чтобы разобраться, какое отношение имеет рука с тремя пальцами к цифровому коду, и причем тут компьютерные вирусы в купе с антивирусами. Просто через пару минут закрыла книгу.

Вконец измучившись, девушка решила позвонить подруге Нине и поделиться с ней. Так начался тот разговор, свидетелем которого я стал, зайдя в квартиру к моим дорогим Моисею и Тане, откуда через минуту бесшумно вышел, замечая следы своего визита.

В процессе разговора Вика очень быстро поняла, что поступит на сто восемьдесят градусов противоположно тому, что предложит подруга. И, соответственно, на четвертой минуте в ответ на невинное «ну так позвони ему на мобильный и дело с концом» сердобольная Нина услышала: «Никогда!»

А потом раздался стук в дверь. Тихий такой робкий стук. С целеустремленностью пинг-понгового шарика в топ-спине Вика просвистела к двери, которая, казалось, распахнулась прежде, чем Викина белая ручка коснулась черной дверной.

Она не бросилась Эвану на шею, не стала плакать или смеяться от радости, просто взяла его за руки и тихо сказала:

– Я знала, что ты придешь.

* * *

Гассан машинально откинул крышку мобильного и вновь захлопнул. Затем вытащил из внутреннего кармана куртки диск в полупрозрачном пластмассовом конверте и раскрыл этот конверт. На «рубашке» надпись – «Башня смерти». Гм... Странное название. Хозяин кофейни у них в деревне, старый Али Хаджи, совершивший некогда паломничество в Мекку, слышал там рассказ о том, что в Йемене на острове недалеко от берега построена так называемая «башня Смерти». Туда на лодках привозят невест, потерявших девственность до замужества, и молодых женщин, изменивших мужьям. Их бросают с высоких стен прямо на острые камни, которыми выложен двор башни, не имеющий выходов. Хорошо, если несчастная сразу разобьет себе голову и легко умрет. Но каково нежной девушке лежать с переломанными руками и ногами на жарком солнце среди смердящих трупов уже умерших женщин и ждать мучительной смерти? Ужасные крики погибающих красавиц долетают даже до прибрежных селений, вызывая животный страх у местных рыбаков. Гассана передернуло. Не то чтобы это совсем уж неправильно, но чуток чересчур. Интересно, что все-таки на этом диске? Чем он так ценен, что Расем даже велел не оставлять его дома, а взять с собой на операцию? Оно, конечно, тяжесть не особая, да странно как-то. И это бесконечное число раз повторенное Расемом по телефону: «Если... то беги к Мазузу». Что за тайна такая в этой «Башне смерти»? Гассан убрал диск обратно в конверт и запихнул в нагрудный карман, даже пуговицу застегнул. Потом вытащил сотовый, еще раз открыл и закрыл его и тоже спрятал. В общем-то, ему сотовый при выполнении задания не нужен, и зачем он его с собой взял – непонятно. Для связи с Мазузом у него есть МИРС {Мобильный телефон, работающий по принципу walky-talky.}, работающий на коротких волнах. Его засечь потруднее будет, чем мобильник.

Гассан взглянул на грунтовую дорогу, ползущую вдоль скал. Хорошо, что из этой расщелины все просматривается. Сколько их там будет – пятьдесят, семьдесят – все они пройдут прямо перед ним. Гассан зажмурился и представил, что вокруг густая ночь, и мимо него вот по этим самым камням идут поселенцы с развевающимися бородами, в огромных, до самых ушей, кипах, с пучками нитей, белеющих поверх полотняных штанов или старых армейских брюк. Эх, сюда бы автомат! А у главного отрубить голову и воскликнуть, подобно пророку Мухаммаду, когда ему принесли голову Абу Джахла: «Вот она, голова врага Аллаха!» Разволновавшись, он опять открыл и закрыл мобильный.

И тотчас отчетливо увидел, как эти же поселенцы складываются пополам под его очередями, как они сыплются наземь, словно зубы изо рта боксера, которому своротили челюсть. Гассан почувствовал себя настоящим моджахедом, воином Аллаха... Но нет, надо будет молчать, а затем дожидаться, пока они пройдут, сообщить по МИРСу и двинуться следом. И потом так и идти за ними, сообщая Арефу об их передвижениях примерно каждый час. Перехватят-то их уже в другом месте... Ему сообщат, и, быть может, он и сам примет участие в сражении, стреляя из «беретты» им в спины или встречая пулей в лицо тех из них, кто бросится бежать назад. Ин шааллах... С помощью Аллаха...

* * *

«Да продлит Аллах твои дни, о благословенный Мазуз, сын иудейки Марьям! – гласило очередное электронное послание. – Да ниспошлет Он милость тебе, твоей семье и твоим сподвижникам! Сегодня, о сын Марьям, великий день – день, ради которого тридцать лет назад

явился ты в умму. Сегодня тебе суждено начать великий джихад, священную войну, которая закончится гибелью Даджала и уничтожением Яджуджа и Маджуджа. Знак того, что Яджудж и Маджудж уже здесь – найдешь в новостях про бахр Тверия {Тивериадское море, озеро Кинерет (араб.)}! Иди же в бой, человек, чье имя похоже на название одного из вражеских племен. С помощью Аллаха ты победишь!»

– Новости! Какие еще новости? – пробормотал спросонок Мазуз, мысленно проклиная себя за то, что, поднявшись, вместо того, чтобы попить кофе и покурить наргиле, сразу же бросился проверять почту. Но на всякий случай зашел на ХАМАСовский новостной сайт «Аль-кассам» и узнал, что, несмотря на небольшие дожди, уровень воды в Кинерете достиг минимальной отметки – минус двести пятнадцать метров. Ну и что?

В этот момент появился Раджа.

– Сегодня приехала последняя группа из Шхема, – сообщил он, понизив голос и плотно затворив за собой дверь. – В составе четырех человек.

– Да? – оживился Мазуз. – И что, Фарук уже разместил их?

– Размещает.

– Ну что ж, да поможет ему Аллах! Я выпался, и пусть они тоже выспятся. В их руках не только будущее Палестины, не только будущее арабского народа – будущее всего человечества!

– Мой покойный отец, да благословит его Аллах и да приветствует, учил меня, что будущее в руках Аллаха, – осторожно сказал Раджа.

– И то верно! – засмеялся Мазуз. – Но мы и есть руки Аллаха. Вот я, например, правая рука. Ну да ладно. Сейчас меня другое интересует. Скажи, Раджа, какая связь между уровнем воды в бахр Тверия и этими, как их – Маджуджем и Яджуджем? Что-нибудь в этих твоих хадисах есть о них?

– О чем – «о них»? – не понял Раджа, высокий, ссутулившийся, наклонивший голову, чтобы лучше слышать растерянное бормотание Мазуза – ни дать ни взять, вопросительный знак. – Есть в хадисах что-нибудь о том, как Яджуджи-Маджуджи связаны с бахр Тверия?

Раджа наморщил высокий лоб, нависший над бровями, как утес над буйным кустарником. С полминуты он мучительно думал и вспоминал под нетерпеливое Мазузово молчание и наконец решительно сказал:

– Есть!

– ??!!!!

– Не помню где, но сказано... – он сощурил глаза и стал похож на ясновидца, когда тот пересказывает все, что на тот момент ясно видит, – Яджуджи и Маджуджи распространяли разрушения по земле, поэтому Аллах дал благородному царю Зул-Карнайну силу, чтобы построить стену и запереть их. Каждый день они пробивают эту стену насквозь, но не выходят, а говорят: «Завтра выйдем», и ложатся спать. А за ночь стена зарастает. Но однажды они скажут: «Завтра выйдем с помощью Аллаха, иншаллах» и стена не зарастет, и они выйдут в огромном количестве и будут пить воду из бахр Тверия и выпьют его целиком, до дна.

Теперь задумался Мазуз. Сидя по-турецки перед нависшим над ним Раджой, он размышлял еще дольше, чем тот, и наконец изрек:

– Плохи дела у бахр Тверия.

Потом добавил:

– Интересно, а какая у него вообще глубина?

Раджа ничего не ответил. Мазуз сел к компьютеру, зашел в «Google», набрал «глубина бахр Тверия» и провел подсчет:

– Двести девять ниже уровня моря да плюс сорок три – глубина, итого двести пятьдесят два. А опустилось всего лишь до минус двести пятнадцать. Еще мелеть и мелеть.

* * *

– Что это?

Глаза Вики сузились в две стальные точки, словно она увидела нечто вроде гигантского скорпиона.

– Где?

Эван, еще не понимая, что новая гроза надвинулась, стоял посреди салона счастливый, растерянный... Выглядел он при этом довольно глуповато... Но Вика смотрела не на него, а на рюкзак, большой, бирюзового цвета рюкзак, который Эван, пять минут назад входя в салон, снял и поставил сбоку от платяного шкафа, подсознательно стараясь, чтобы он как можно дольше не бросался в глаза. Поэтому Вика и обратила на него внимание только сейчас, когда собралась приготовить любимому кофе.

Рюкзак был в точности такой, как в видении, в автобусе. И скатанная желтая палатка в точности такая же.

– Что это? – повторила она.

Эван молчал. У него было ощущение, что его кипа от стыда из оранжевой стала ярко-красной.

– Скажи, что ты останешься сегодня на весь вечер!

Это не был приказ. Не требование и не просьба. Это была мольба.

Эван молчал. Казалось, буква V на его кипе, от ужаса затрепетала, раздвоилась и стала W.

– Ты что, не останешься? – губы девушки задрожали.

Эван почувствовал, как его рот и горло превращаются в Сахару в июльский полдень.

– Я очень люблю тебя, Вика! – прошептал он.

– Ты не останешься? – повторила свой вопрос Вика. По ее щекам уже спускались дождевики слез.

– Давай перенесем на другой день.

– Мой день рожденья?

Голос ее опять обрел твердость, но это была не та твердость, что могла порадовать Эвана.

– Вика, я поздравляю тебя.

– Мои родители летят сюда из России. Они уже полмира пролетели, чтобы познакомиться с тобой! Ты останешься или нет?

Это уже звучало, как ультиматум – или ты останешься, или...

– Вика, ты понимаешь, я...

– Вон! – прошептала Вика, и голос ее набух такой ненавистью, что Эван попятился. – Убирайся вон. Навсегда.

* * *

– Вахид? Здравствуйте. С вами снова говорит Мазуз. Что значит, «почему снова»? Я же совсем недавно... Ах да, действительно. Две недели прошло. Точно ведь – это было в тот день, когда Шарона – да покарает его Аллах! – покарал Аллах. Да, так я вот что хотел спросить – говорят, есть предсказание, что Маз... что сын Марьям выступит против... ну, в общем, против сил зла после того, как они всю воду из бахр Тверия выпьют... Ах, не всю? Больше половины? Больше половины они, должно быть, выпили. Как кто? Евреи, конечно, весь так называемый Израиль пьет воду из бахр Тверия. Нет, это я так, вслух размышляю. Да, вот еще что, давно хотел спросить. А почему так важно, чтобы имя сына Марьям было похоже на Яджуджа или на Маджуджа? Ах вот как – чем больше общих букв, тем больше он у них сил отберет? Ишь, как хитро!

* * *

Солнце словно на какой-то момент задумалось – а может, не уходит, двинуться обратно на восток, зависнуть над Наблусом и еще понаслаждаться видами крутогорбых хребтов, узких улиц, виляющих меж белых многоэтажек, минаретов и стен старинного замка Тоукан. Оно застряло над горизонтом, с ностальгией оглядело покидаемый мир и медленно поползло в никуда.

Даббе шел по замку Тоукан. Когда-то здесь искрились брызги фонтанов, пели птицы в золотых клетках, звучали голоса земных гурий. Типичный мусульманский сад, созданный по принципу «чор-багх» – «четыре сада», когда большой квадрат делится на четыре меньших, а строгая геометрия планировки подчеркивается дорожками и каналами с водой. Дорожки еще обозначены, а вот что до каналов, выстеленных пестрой керамической плиткой, – вода с ними навсегда простилась, равно как и с фонтанами, стоящими в центре каждого квадрата. Фонтаны эти некогда были облицованы стеклом, осколки которого сейчас валялись на неметеных уже лет сто дорожках. Без воды, источника жизни, сад, несмотря на всю свою зелень, казался трупом. Четыре сухих желобка, некогда полноводных, намекавших гостям на четыре реки, которые после сотворения мира вытекали из Рая, казались протянутыми куда-то в пустоту сморщенными старушечьими ладонями. А квадраты, вместо того, чтобы напоминать о Каабе – Черном камне в Мекке, – навевали мысль о каких-то надгробиях.

Люди не любили сюда заходить. Без воды здесь все захирело. Даже сейчас, дождливой зимой, трава здесь была довольно жиденькой, куда жиже, чем, скажем, на лужайке перед колледжем в Эль-Бире, где студенты так любили валяться, а ему вроде бы несолидно. Как бы то ни было, сквозь этот зеленый пушок он, растянувшись под своими любимыми платанами, явственно чувствовал пульс земли, родной шхемской земли, плоть от плоти которой он был. Она вдыхала в него жизнь, она дарила ему силу. Лишь одного не давала – ненависти. А для победы нужна была именно ненависть. О если бы сейчас среди воинов Аллаха, как они себя называют, было бы побольше потомков Амалека – великого народа, который ненависть к Творцу трансформировал в ненависть к сынам Израилевым! Весь мир онемел от изумления, узнав о десяти казнях, обрушившихся на Египет за то, что египтяне не отпускали евреев. Весь мир был потрясен, когда море расступилось перед толпой израильтян, а затем сомкнулось над головами преследовавших их египтян. Все народы трепетали от ужаса при мысли о том, что эта орда, пользующаяся столь мощной защитой Свыше, ведомая ночью огненным столпом, а днем – облачным, может заглянуть к ним, и они этих незваных гостей ненароком прогневают. И только отважные амалекитяне двинулись с другого конца пустыни через горы и пески, чтобы погибнуть, но показать всему миру, что евреи такие же люди, как и все, и так же уязвимы для копий и стрел, и нечего их бояться. «Пусть я сварюсь в этой ванне с кипятком, но смогу хоть немного охладить ее». И вот он, Даббет-уль-Арз, сидя на траве, вдруг видит вокруг себя полуобнаженные тела узкобедрых сынов Амалека, и выются алые ленты, и напротив него сидит Махир, вечный изгой, несчастный сын Израиля, быть может, единственный из них, кого следовало бы оставить в живых. Но сначала хорошо бы самому остаться. И Даббет-уль-Арз ощущает, что он уже не здесь, в Наблусе. Он там – в Рефидиме...

* * *

Коби поднял голову и открыл глаза. Пошевелил левой ногой. Автомата не было. Пять или десять минут назад он задремал за столом, уронив голову на руки, прислонив «эм-шестнадцатый» к левой ноге, – и вот кто-то украл его. Холодный пот побежал по спине. Коби ощутил какое-то бетонное оцепенение. Он сам частенько, как и другие командиры, таким образом

воспитывал новобранцев – ночью заходил в палатку посмотреть, кто как спит. Если прижимая автомат к груди, как самую любимую женщину на свете, то все нормально. Но если отодвинувшись, как от старой и успевшей поднадоеть супруги, Коби тихонько подкрадывался и забирал этот автомат. Проснувшись, солдат получал по ушам. Но тут... Чья-то шутка? Или что похуже? Арабы? В любом случае – позор! У комроты стырили личное оружие! Среди бела дня! А как насчет дугма ишит – личного примера? Караван наполнился солдатами, перед глазами замелькали ухмыляющиеся физиономии. Черные глаза, большой нос и длинные пейсы Шауля Левитаса, круглое лицо Моше Гринштейна, маленькая головушка на могучих плечах Шмуэля Барака. И все, прихлопывая в ладоши, скандируют: «Дуг-ма-и-шит! Дуг МА-и-шит! Шит! Шит! Шит! Шит!» Коби почувствовал, что лицо его идет пятнами. Последним усилием он стряхнул с себя оцепенение и вскочил, что-то задев правой ногой. Послышался грохот. Коби опустил глаза. На полу возле правой его ноги лежал «эм-шестнадцать». Возле правой. Именно к ней прислонил он автомат, прежде чем задремать. А искал у левой. Коби наклонился и поднял оружие. Послышался грохот оаций. Аплодировали все – и робкий Шауль, и основательный Моше, и флегматичный Шмуэль. И солдаты, счастливые оттого, что их командира не постигло бесчестье.

Коби продрал глаза. Это все был сон – и то, что он сначала не мог найти автомат, и то, что потом нашел, и что сначала над ним издевались, и что потом его чествовали.

Он тряхнул головой и посмотрел в окно. По проселку, хордую отрезающему сегмент от горы, похожей в сечении на транспортир, проехал джип, поднимая пыль. Одновременно с этим по шоссе, которое шло напересек проселку, промчался белый фургон с маленькими пуленепробиваемыми стеклами, судя по надписи – подарок поселенцам от какой-то американской христианской общины. «И эти туда же!» – с неудовольствием подумал Коби. Навстречу фургону проехал еще один, чуть поменьше, так называемый транзит, с надписью «Метаелей Эйнав» – «Эйнавские туристы». Он, как и большинство машин, которыми пользуются поселенцы, не был пуленепробиваемым – дорого! Когда-то это служило причиной многих жертв, но сейчас интифада сошла на нет, времена настали спокойные, и потребность в дорогих тяжелых бронированных машинах с особо стойкими стеклами почти отпала. Лужайка за окном штабного вагончика была пуста. Только носатый-пейсатый Шауль Левитас прогуливался, нежно курлыча что-то в мобильный телефон – наверно, обсуждал со своей ненаглядной Сегаль детали хупы. Вообще-то, для звонков домой есть час перед сном, в это время и Коби, и сержанты не то что разрешают, а порой заставляют солдат звонить домой. А сейчас... Ладно, черт с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.